

Николай Вадимович Юдин
Патриотический подъем в странах Антанты в начале
Первой мировой войны

Н. В. ЮДИН

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДЪЁМ В СТРАНАХ АНТАНТЫ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Университет
Дмитрия Пожарского

«Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. / Юдин Н.В.»: Русский фонд содействия образованию и науке; Москва; 2017
ISBN 978-5-91244-216-2

Аннотация

В публикуемой монографии анализируется сложная природа патриотического подъема в Российской империи, Великобритании и Франции в 1914–1915 годах. Особое внимание уделено изучению роли национальной идеи в формировании коллективных ценностей и идентичностей различных групп населения стран Антанты. Автор опровергает распространенные в современной зарубежной историографии утверждения о «мифе 1914 года» и доказывает, что патриотический подъем не был лишь кратковременной аффектацией или массовой истерией, а опирался на широкий общественный консенсус по вопросу о войне. В то же время, показано, что характер и границы этого консенсуса различались от страны к стране, во многом предопределив развитие внутривосточной ситуации в странах Антанты в последующие годы.

В научный оборот вводится ряд ранее не публиковавшихся источников, в том числе документы крупнейших французских и российских архивов. Монография проиллюстрирована лубками времен Первой мировой войны из коллекции Государственной исторической публичной библиотеки.

Николай Юдин Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. В. Ревякин;
доктор исторических наук, доцент Ф. А. Гайда;
кандидат исторических наук А. Г. Сенокосов

Иллюстрации получены с помощью Службы ЭДД Государственной публичной исторической библиотеки России

(URL: http://www.shpl.ru/colleagues_partners/elektronnaya_sluzhba_dostavki_dokumentov).

В оформлении обложки использована «Карта Европы в лицах (в начале войны)».

Введение

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Так началась Первая мировая война, не обошедшая стороной ни одну из великих держав. Не будет преувеличением сказать, что Первая мировая война явилась одним из ключевых, поворотных моментов в мировой истории¹. Ее переломный характер ясно сознавался многими современниками, для которых именно она осталась навсегда «Великой войной». «Они лучше, чем мы, ощутили ее пороговый, катастрофический характер. Именно она разорвала культурно-историческую континуальность цивилизации и миропорядка»². Однако подобное видение места Первой мировой войны – как водораздела – на долгое время ушло в тень, забылось, будучи заслоненным новыми потрясениями – Октябрьской социалистической революцией в России, Второй мировой войной – и их последствиями. В итоге колоссальное, многообразное и противоречивое воздействие, которое Первая мировая война оказала на последующее развитие европейских государств и западного общества в целом, остается еще во многом неизученным. В то же время, без изучения этого воздействия невозможно правильно понять и оценить ни современные социальные процессы, ни современные международные отношения.

Чтобы приблизиться к пониманию уникального места Первой мировой войны в судьбах западной цивилизации, уловить ее ускользающий образ, представляется необходимым присмотреться к тому отпечатку, который она наложила на мировоззрение людей «поколения 1914 года», попытаться воссоздать из тысяч противоречивых оценок, мнений и свидетельств атмосферу, царившую в великих европейских державах в тот период.

В этом отношении уникальные перспективы открывает изучение начала Первой мировой войны: экстремальная ситуация резкого перехода от мира к войне стала временем острого переживания и определения «себя» народами Европы, напряженной переоценки ими своих коллективных ценностей и идентичностей. Наиболее ярким проявлением этой чрезвычайно наэлектризованной атмосферы, «настроения 1914 года», стал патриотический подъем, широкой волной прокатившийся по всем воюющим державам. Именно изучению патриотического подъема в странах, входивших в один из противоборствующих блоков великих держав – Антанту, и посвящено данное исследование.

Обращение к анализу социально-психологического опыта обществ стран Антанты представляется особенно интересным, так как в результате сложных перипетий политической игры европейских кабинетов и неумолимой логики блокового размежевания, данный военно-политический союз объединил страны, которые, на первый взгляд, не имели между собой практически ничего общего. Российская империя принадлежала к «традиционным» империям и, по мнению ряда современных исследователей, ее следовало включать в макросистему «континентальных» или «территориально протяженных» империй, в которую помимо нее входили также Германская, Австро-Венгерская и Османская империи³. Отличительными чертами этой макросистемы были иерархичность и консерватизм внутривнутриполитического устройства, большая роль религии в рамках государственной идеологии, антидемократизм. Англия и Франция же причисляются к «модерным», колониальным империям. В процессе исторического развития в этих империях сложилась своеобразная структура, предполагавшая наличие в качестве метрополии

¹ Виноградов В.Н. 1914 год: быть или не быть войне? // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы международной научной конференции 7–8 сентября 2004 г. М., Наука: 2006. С. 161.

² Солонин Ю. Н. Опыт войны: от впечатления к метафизике // Первая мировая война: история и психология. (Материалы Российской научной конференции 29–30 ноября 1999 г.) СПб., 1999. С. 7.

³ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 33; Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 43.

гомогенного национального ядра: государства с демократической формой правления, представительными институтами, идеей народного суверенитета – и подчиненной периферии, отделенной от метрополии «большой водой». Это последнее обстоятельство позволяло колониальным империям сохранять на периферии традиционные, репрессивные формы колониальной эксплуатации, проводя либеральные реформы в метрополии⁴.

Как отмечает А. И. Миллер, «еще недавно в историографии существовала практически непроницаемая мембрана между континентальными империями, которые было принято описывать как “традиционные”, и морскими империями»⁵. Сегодня всё больше утверждается точка зрения, что их жесткое противопоставление не правомерно. Морские модерны империи сохраняли множество черт традиционного порядка, что особенно проявлялось в сфере колониального управления⁶, одновременно континентальные государства демонстрировали тенденции к модернизации, приспособливанию к вызовам времени.

Одним из главных направлений этой модернизации (помимо политического и экономического) стало развитие процессов национального строительства. Столкнувшись в конце XIX века с кризисом традиционных способов легитимации правящих режимов через религиозную и династическую лояльность, континентальные империи, в частности империя Романовых, стали искать пути к большей консолидации территорий, гомогенизации населения и управления, вставая тем самым на путь строительства национальных государств⁷.

В данном исследовании выдвигается гипотеза, что именно исторически длительные процессы складывания национальных идентичностей играли ключевую роль в формировании коллективных представлений и способов самоидентификации во всех европейских обществах рассматриваемого периода. Это не значит, что представления о национальной идентичности были единственными, определявшими их самовосприятие; они сосуществовали и взаимодействовали с другими разнообразными идентичностями, как индивидуальными, так и коллективными (политическими, религиозными и т. д.). Однако их распространение являлось общей тенденцией. Первая мировая война подвела своеобразный итог процессам национального строительства во всех великих империях, со всей очевидностью продемонстрировала его особенности в каждой из стран и вынесла окончательный вердикт усилиям традиционных монархий на этом поприще.

Сформулированная гипотеза неизбежно ставит задачу определения понятий «нация» и «национализм». Несмотря на то, что проблемы, связанные с межнациональными отношениями и конфликтами, национальным самоопределением, и на современном этапе развития международных отношений остаются одними из наиболее актуальных и злободневных, какого бы то ни было устоявшегося определения этих понятий в науке не существует. Выдвигаются самые разнообразные теории и концепции относительно природы и сущности феномена «нация», его связи с проблемами этничности, причин и этапов складывания национального самосознания. Из всего многообразия трактовок и определений понятия «нация» можно выделить несколько крупных течений или направлений. Одним из наиболее распространенных является так называемый «объективистский» подход. Его сторонники считают нацию объективной реальностью, реально существующей общностью людей, которая зародилась под воздействием целого ряда факторов (экономических,

⁴ Суни Р. Г. Указ. соч. С. 44.

⁵ Миллер А. И. Указ. соч. С. 49.

⁶ См. подробнее: Cannadine D. *Ornamentalism. How the British Saw Their Empire*. Oxford, 2001.

⁷ Миллер А. И. Указ. соч. С. 44; Суни Р. Г. Указ. соч. С. 43.

социальных, географических и т. д.) Ярким примером объективистского подхода к определению нации является марксизм. В советской историографии долгое время «классическим» считалось определение «нации», данное в свое время И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос»: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»⁸. Сталинское определение «нации» оказало большое влияние на развитие теоретических разработок советских (и не только) социологов, этнологов и историков.

Против объективистского подхода выступили конструктивисты. Конструктивисты утверждают, что действия государства на международной арене предопределяются теми коллективными представлениями и способами самоидентификации, которые составляют его социальную структуру, характеризуют его общество. Иными словами, чтобы понять специфику развития той или иной системы международных отношений, необходимо обратиться к анализу коллективных представлений, которые были присущи государствам, входившим в эту систему⁹. Формирование этих представлений происходит в процессе сложного взаимодействия и кодетерминации объективных и субъективных, долгосрочных и конъюнктурных факторов, с одной стороны, и их восприятием, оценкой и интерпретацией современниками – с другой¹⁰.

С точки зрения конструктивизма, нация – не объективная реальность, а социальная конструкция, искусственное образование, результат целенаправленного конструирования представителями интеллектуальных и политических элит¹¹. Крайним проявлением конструктивистского подхода к определению нации является концепция современного ученого, политолога и социолога Б. Андерсона: нация – это «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»¹². В этом духе феномен нации рассматривают в своих работах многие современные историки¹³. Согласно этой концепции, именно воображение выступает в качестве скрепляющего нацию материала – в умах представителей любой нации живет идея о существовании и принадлежности к некой общности, ограниченной и противопоставленной другим подобным общностям. В значительной неопределенности предложенных формулировок кроется объяснение их универсальности: они позволяют расширительно трактовать в качестве наций даже очень неоднородные в культурном и этническом отношении сообщества людей. В то же время, определение нации, данное Б. Андерсоном, не лишено недостатков, главным из которых является пренебрежение к роли материальных факторов, граничащее с отрицанием существования объективных оснований

⁸ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М., 1959. С. 10.

⁹ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Relations. Vol. 46.1992. № 2. P. 396–407.

¹⁰ Kratochwil F., Ruggie J. G. International Organization: A State of the Art on an Art of the State // International Organization. Vol. 40. 1987. № 3. P. 770; Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. Vol. 41.1987. № 3. P. 349–366.

¹¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 23, 35.

¹² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30.

¹³ Суни Р. Г. Указ. соч. С. 42.

для зарождения национального самовосприятия.

Попыткой примирения этих двух диаметрально противоположных подходов к определению нации (объективистского и конструктивистского) является умеренно-конструктивистская концепция М. Хроха. Он определяет нацию как «большую социальную группу, цементируемую не одним, а целой комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и их субъективным отражением в коллективном сознании»¹⁴. Главным достоинством концепции М. Хроха является то, что в ней равным онтологическим статусом наделяются и социально-экономические, объективные, факторы, и факторы субъективные, связанные с коллективными ценностями, способами самоидентификации той или иной социальной общности. Подобный подход открывает широкие перспективы для действительно всестороннего анализа феномена «нация».

Что же касается понятия «национализм», то здесь большой интерес представляют взгляды выдающегося историка-марксиста Э. Хобсбаума, который определял его как принцип, согласно которому для населения того или иного государства политический долг по отношению к этому (национальному) государству является самым важным, требующим в экстренных случаях подчинения себе всех прочих общественных обязанностей¹⁵. С этой точки зрения патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны является ярким и однозначным проявлением национализма в действии.

Данные определения нации и национализма являются лишь общеметодологическим каркасом, задающим самое общее направление для последующего исследования. Дело в том, что теоретические работы по национализму в той или иной мере стремятся дать ему некое универсальное определение, осмыслить с позиций современности. При таком подходе теряется понимание конкретно-исторической специфики национализма, характерной для разных исторических периодов и разных стран. Но, как убедительно показал в своем исследовании французский историк Р. Жирарде, только во Франции в период с 1871 по 1914 год термин «национализм» неоднократно менял свои содержание и смысл самым кардинальным образом: от ассоциирования с принципами Великой французской революции и республиканизма до воплощения антиреспубликанизма и реакции¹⁶. Поэтому, на наш взгляд, говоря о национализме, нельзя ограничиваться общими, тяготеющими к универсальности, его определениями: национализм – это историческое понятие, его конкретное смысловое наполнение должно основываться на анализе реалий изучаемого периода и изучаемой страны.

Можно заключить, что патриотический подъем представляет собой внешнюю манифестацию, результат чрезвычайно сложных, противоречивых процессов выработки коллективной самоидентификации обществ, столкнувшихся с внешней угрозой. Патриотический подъем можно определить как ситуацию, когда патриотизм, чувство любви к родине превращаются в безусловные, абсолютные ценности, подчиняющие себе или подавляющие все другие ценности и способы самоопределения, а интересы коллектива, общества в целом, однозначно трактуются как превалирующие над интересами личности или отдельной социальной группы.

Патриотический подъем находил свое выражение в сфере общественного мнения, что неизбежно влечет дальнейшее расширение комплекса методологических проблем, которые встают перед исследователем «человеческого измерения» мировой войны. Несмотря на то,

¹⁴ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 122.

¹⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 18.

¹⁶ Girardet R. Le nationalisme français, 1871–1914. Paris, 1966. P. 21.

что феномен общественного мнения неоднократно становился предметом исследования в рамках социологии и истории¹⁷, устоявшегося общепринятого его определения не существует.

Один из подходов к изучению общественного мнения, названный морализующе-нормативным, был впервые выдвинут немецким философом Ю. Хабермасом. Суть его сводится к тому, что публика, формирующая общественное мнение, это не масса, не народ, а представители образованных слоев населения, элита. Именно они имеют возможность резонировать в представительных учреждениях и на страницах прессы, считая себя выразителями настроений всего общества¹⁸. На первый взгляд, методологическая концепция Ю. Хабермаса идеально подходит для изучения состояния общественного мнения в европейских странах во время Первой мировой войны. Как отмечает в своей работе, посвященной немецкому обществу в начале войны, М. Залевски, «мы имеем дело исключительно со сливками типичной интеллектуальной культуры и только с обнародованным, но не обязательно общественным мнением... Что касается последних недель кануна войны 1914 года, когда были приняты самые важные решения, массовые источники об отношении к этому обществу отсутствуют»¹⁹. Это замечание в полной мере применимо и к странам Антанты. Получается, что сами источники, имеющиеся в распоряжении современных исследователей, вынуждают их работать в первую очередь с мнением элиты общества. Однако опираться в исследовании исключительно на эту элитистскую трактовку общественного мнения – значит сознательно закрывать глаза на очевидную многогранность и неоднозначность данного феномена.

Целесообразнее трактовать общественное мнение более широко, не сводить его исключительно к мнению, выраженному на страницах средств массовой информации и в парламентских прениях. В этом отношении исключительно справедливым представляется замечание, высказанное Ю. Ю. Хмелевской: «Любые экстремальные обстоятельства, а массовые вооруженные конфликты в особенности, неизбежно вызывают состояние крайней напряженности в психологическом климате общества. В реакции на сложную ситуацию можно явственно выделить два уровня: “эмоциональный”, фиксируемый преимущественно в вербальных формах и оценочных суждениях, и “функциональный”, проявляющийся в поступках и социальном поведении»²⁰. Средства массовой информации выражают, прежде всего, «эмоциональный» уровень реакции, но они же могут служить источником для оценки «функционального» уровня, фиксируя различные формы массовых выступлений: антивоенные митинги, парады, патриотические шествия, погромы и т. д. Поразивший современников порядок при мобилизации в Российской империи, очереди добровольцев перед рекрутскими участками в Англии, отказ французских социалистов от призывов к всеобщей забастовке и поддержка ими военных усилий своего правительства представляют собой не что иное, как явления общественного мнения, выражения патриотического

¹⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб, 2001; Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995; Луман Н. Власть. М., 2001; Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М., 1996.

¹⁸ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989. P. 56.

¹⁹ Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М., 2008. С. 401.

²⁰ Хмелевская Ю.Ю. Британия в 1914–1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы межвузовской научной конференции. Самара, 10–11 декабря 2004 г. Самара, 2005. С. 151.

подъема, своего рода «плебисцит» в пользу войны²¹.

При рассмотрении общих концепций общественного мнения отдельного упоминания заслуживает оригинальная теория «спирали молчания», которую сформулировала немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман. По ее мнению, существует два источника, порождающих общественное мнение. Первый – это непосредственное наблюдение за окружающим, улавливание, одобряются ли те или иные действия, явления, заявления и т. п. Второй источник – средства массовой информации. Э. Ноэль-Нойман утверждает, что «общественное мнение базируется на бессознательном стремлении людей, живущих в некотором сообществе, прийти к общему суждению, к согласию»²². Люди, несогласные с общепринятыми взглядами, озвучивая свою позицию, рискуют подвергнуться общественному осуждению. Страх перед остракизмом сковывает волю несогласных, заставляет их молча подчиняться воле большинства, порождая «спираль молчания». И наоборот, люди, уверенные в том, что их позиция встретит всеобщее одобрение, склонны выражать ее публично, тем самым только укрепляя существующие ценности и взгляды. Таким образом, сила авторитета общественного мнения обусловлена его опорой на большинство. Общественное мнение является эффективным средством социального контроля и консолидации общества, что приобретает особое значение в условиях войны.

Концепция Ноэль-Нойман дает также ключ к пониманию механизмов формирования консенсуса в обществе: консенсус может быть основан как на искреннем воодушевлении широких слоев населения, так и на сознательном или бессознательном конформизме определенной части общества. Уже здесь содержится указание на то обстоятельство, что общественное мнение является сложносоставным явлением, включает в себя как мнения публично заявленные, так и мнения неартикулированные, остающиеся по тем или иным причинам в тени, вне поля зрения средств массовой информации и сторонних наблюдателей.

Эту мысль предельно четко сформулировал современный французский исследователь П. Лабори, который утверждает, что следует говорить не об «общественном мнении» в той или иной стране в тот или иной период, а об «общественных мнениях»²³. Употребление формы единственного числа представляет собой заманчивое, но опасное обобщение: при таком подходе мы волей-неволей ставим одно из мнений, характеризовавших картину настроений в обществе в конкретный момент времени, выше остальных. Это обобщение, следовательно, ведет к сознательному обеднению чрезвычайно сложного и неоднозначного исторического феномена. В действительности, разнообразные общественные настроения сосуществуют параллельно, отражая социальную, политическую, образовательную, религиозную и т. д. неоднородность любого общества. Лишь в экстремальных случаях, к каковым несомненно относится начало Первой мировой войны, когда все общественные слои сталкиваются с одной глобальной проблемой или угрозой, на смену разногласиям и органическому плюрализму мнений приходит некая согласованность, формируется консенсус. Только тогда уместно говорить об общественном мнении как о чем-то сравнительно едином, монолитном.

Таким образом, можно дать следующее определение понятию «консенсус»: консенсус – это согласованность (добровольная или вынужденная, осознанная или бессознательная) множества общественных мнений, составляющих картину настроений в обществе, по тому или иному вопросу внутренней или внешней политики. Это позволяет дополнить данное выше определение патриотического подъема пониманием его как явной манифестации общественного консенсуса.

²¹ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 58.

²² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М., 1996. С. 334.

²³ Laborie P. Opinion publique // *Historiographies*, I. Concepts et débats. Paris, 2001. P.805–807.

Особенно хотелось бы подчеркнуть характеристику консенсуса как возможно вынужденного согласия всех слоев и классов общества. Из нее следует, что консенсус вовсе не означал полного исчезновения оппозиции, противоречий и конфликтов. Скорее, речь идет об исчезновении или радикальном ослаблении публичной оппозиции, нежелании ее представителей конфликтовать с ярко выраженным и однозначным мнением большинства²⁴.

Наконец, важно отметить, что консенсус представляет собой неестественное состояние общественного мнения (мнений) и может существовать лишь ограниченный период времени. Это наблюдение прекрасно иллюстрирует пример европейских обществ во время Первой мировой войны. Начало процессу интенсивного складывания общественного консенсуса по вопросу о войне и одновременно широкому подъему патриотических чувств в странах Антанты положили события Июльского кризиса 1914 года. Именно в ходе Июльского кризиса заявили о себе особенности внутриполитической ситуации в каждой из стран, задавшие границы и определившие характерные черты патриотического подъема в последующие месяцы, проявилась специфика положения и роли СМИ в той или иной стране. Однако этот миг всеобщего воодушевления, сплочения перед лицом внешней угрозы был недолгим. Уже к маю 1915 года заявила о себе прямо противоположная тенденция. И современники, и исследователи отмечают, что весна 1915 года характеризовалась кардинальным изменением в отношении к войне со стороны правящих элит и широких слоев общества в странах Антанты. Военный энтузиазм первых месяцев войны всё больше уходил в прошлое, перед воюющими государствами всё острее вставали проблемы поддержания внутренней стабильности. И в России, и в Англии, и во Франции разворачиваются процессы постепенной эрозии общественного консенсуса по вопросу о войне.

Сказанное выше не означает, что общественный консенсус по вопросу о войне и основанный на нем патриотический подъем в странах Антанты уже весной 1915 года окончательно и бесповоротно ушли в прошлое. Скорее, можно говорить о том, что к весне 1915 года они прошли пик своего развития, в полной мере проявились их специфические черты в каждом из рассматриваемых государств. Как следствие, изучение общественных настроений в странах Антанты именно в этот сравнительно ограниченный отрезок времени (июль 1914 – май 1915 года), на который во всех воюющих обществах приходится наиболее характерные и яркие проявления патриотического подъема и общественного консенсуса, представляется особенно важным потому, что не только дает возможность проанализировать процесс складывания консенсуса по вопросу о войне и проследить внутреннюю эволюцию в отношении населения к войне, но и позволяет приблизиться к пониманию мировоззрения людей той эпохи в целом, что, в свою очередь, может послужить отправной точкой для изучения современных проблем мировой политики.

Обращение к проблематике «человеческого измерения» Первой мировой войны не только ставит перед историками чисто методологические трудности, но и предъявляет особые требования к Источниковой базе исследования. Главная проблема, с которой сталкиваются в этом отношении все ученые, связана с определением и подбором источников, которые бы позволяли воссоздать картину реакции населения воюющих держав на события 1914–1918 годов, учитывая, что социологических опросов в тот период не проводилось ни в одной из великих держав²⁵. К тому же отмечается целый ряд дополнительных трудностей: необходимость учитывать заведомо ошибочные или ангажированные мнения²⁶, наличие

²⁴ Ноэль-Нойман Э. Указ. соч. С. 334.

²⁵ Ян Х. Указ. соч. С. 121; Verhey J. *The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge, 2006. P. 13.

²⁶ Becker J.-J. 1914: *Comment les Français sont entrés dans la guerre*. Paris, 1977.. 259.

разного рода оппозиционных мнений²⁷, разница в восприятии событий представителями разных социальных, политических, этнических и гендерных групп населения²⁸.

Решение этой проблемы видится в привлечении максимально широкого и разнообразного круга исторических источников. Источники, использованные при работе над данной монографией, можно условно разделить на несколько групп. В первую группу следует отнести неопубликованные документы отечественных и зарубежных архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Особого упоминания заслуживают материалы французских архивов, ознакомиться с которыми автору удалось во время стажировки в Париже, организованной историческим факультетом и кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Прежде всего, речь идет о документах французского Министерства внутренних дел, которые хранятся во французском Национальном архиве и представлены донесениями префектов, сводками МВД о настроениях различных групп населения, прежде всего политически неблагонадежных, вырезками из газет²⁹. Данные документы рисуют картину неоднозначной и болезненной реакции французского общества, особенно левых – социалистов и анархистов, – на начало мировой войны. Тем самым документы МВД позволяют оценить границы национального консенсуса, установившегося в конце 1914 года во французском обществе.

Широко привлекались документы из архива французского Министерства иностранных дел³⁰. В поле зрения французских дипломатов находился широкий круг вопросов, связанных со взаимоотношениями с союзниками по Антанте, внутривнутриполитической обстановкой и настроениями населения в этих странах.

Отечественные неопубликованные документы представлены материалами крупнейших российских архивов. Так, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) содержится целый ряд материалов, проливающих свет на внутривнутриполитическую обстановку в Российской империи в годы Первой мировой войны. Особый интерес представляют разнообразные документы Министерства внутренних дел: ведомственные циркуляры, отчеты сотрудников полиции и жандармских чинов, распоряжения по организации контрразведывательной деятельности, наблюдению за социалистами, рабочими, крестьянами³¹. В поле зрения сотрудников МВД попадали самые разные вопросы: от проведения мобилизации на местах до наблюдения за различными благотворительными организациями.

Специального упоминания заслуживают документы V отделения Особого отдела Департамента полиции МВД, представляющие собой перлюстрацию писем подданных Российской империи, объединенные в дела по хронологическому принципу³². Тысячи писем

²⁷ Carroll M. E. *French Public Opinion and Foreign Affairs, 1870–1914*. New York, 1931. P.4.

²⁸ Verhey J. *Op. cit.* P. 12; Joll J. *The Origins of the First World War*. New York, 1984.. 196.

²⁹ Archives nationales [Далее – AN]. F. 7. 12495, 12911, 13055, 13074, 13195, 13333,13335–13337,13348,13349,13371,13571.

³⁰ Archives du Ministere des affaires etrangeres [Далее – AMAE]. *Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Guerre 1914–1918. Russie*. Vol. 641, 757; *Guerre 1914–1918. Grande Bretagne*. Vol. 534–536; *Guerre 1914–1918. Dossier general*. Vol. 1–9; *Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Russie*. Vol. 4, 22, 23, 42, 72; *Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Grande Bretagne*. Vol. 21,22; *Maison de la presse 1914–1928. Information, propagande*.

³¹ Государственный архив Российской Федерации [Далее – ГАРФ]. Ф. 63. Оп. 34. Д. 1015; Ф. 58. Оп. 7. Д. 310–334, Оп. 9. Д. 317. Оп. 10. Д. 207; Ф. 217. Он. 1. Д. 472, 1153,1154,1207; Ф. 219. Он. 1. Д. 95, 96,108; Ф. 6281. Он. 1. Д. 178.

³² Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967, 976–980, 992–1021; Ф. 102. Оп. 267. Д. 40.

из всех уголков Российской империи, написанные представителями различных социальных групп, дают объемную и противоречивую картину реакции населения на начало новой войны и участия в ней России. Говоря о репрезентативности выборки, сделанной в свое время сотрудниками Особого отдела, следует подчеркнуть, что в нее попадали отнюдь не только письма лиц, признанных политически неблагонадежными. Среди перлюстрированных писем встречаются и те, авторами которых выступали видные чиновники, и те, чье содержание проникнуто духом верности царю и империи. То, что они привлекли внимание Особого отдела, объясняется интересом МВД к состоянию общественного мнения и отношению населения к началу войны.

Ценным источником сведений об общественных настроениях в Англии и Франции накануне и в начале Первой мировой войны служат материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), прежде всего телеграммы русских послов в Париже и Лондоне³³ и обзоры иностранной печати, подготовленные сотрудниками МИДа³⁴.

О положении дел в союзных державах позволяют также судить донесения военных агентов в Париже и Лондоне, проходившие через канцелярию генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба и хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)³⁵.

Помимо архивных материалов, в работе использовались и опубликованные дипломатические и партийные документы и стенограммы заседаний представительных органов в Англии, Франции и

Российской империи³⁶. Данные источники позволяют изучить мировоззренческие установки различных групп политических элит, проанализировать специфические черты их реакции на начало боевых действий, особенности патриотического подъема и консенсуса по вопросу о войне в странах Антанты.

Следующую крупную группу источников составили материалы средств массовой информации, представленные, главным образом, публикациями наиболее влиятельных, близких к правящим кругам ежедневных газет: «Новое время», «The Times», «Le Temps», «Le Figaro», «Le Matin» и другие. Обращение к материалам официальной прессы открывает перспективы для изучения особенностей пропаганды в странах Антанты периода Первой мировой войны, коллективных ценностей и идентичностей, лежавших в ее основе. Особенности настроений и мировоззрения политической элиты Англии позволяют оценить

³³ Архив внешней политики Российской империи [Далее – АВПРИ]. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 118, 120, 132. Т. 1, Д. 216; 1914 г. Д. 8, 9 Т. 1–2., Д. 10, 59, 60, 356, 378; 1915 г. Д. 5,10; Ф. 138. Оп. 467.1912–1914 гг. Д. 323/327.

³⁴ Там же. Ф. 139. Оп. 476.1914 г. Д. 587, 588.

³⁵ Российский государственный военно-исторический архив [Далее – РГВИА]. Ф. 2000. Он. 1. Д. 3434, 3436, 3375.

³⁶ Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года. Хутор Тихорецкий, 1914; Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. Пг., 1914; Протоколы центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2–3. М., 1997–1998; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916. М., 2002; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний центрального комитета. В 2 т. Т. 2.1907–1915. М., 2000; Программные документы политических партий России в дооктябрьский период. М., 1991; Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995; Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: Документы и материалы. М., 2002; Lowe C. J., Dockrill M.L. The Mirage of Power. British Foreign Policy 1902–14, Vol. 1. London, 1972; Parliamentary Debates. Official Report. House of Commons. Ser. V. Vol. 65–72. London, 1914–1915; Annales de la Chambre des deputes.il Legislature. Debats parlementaires. Session de 1914. Т. 2. Paris, 1915.

публикации авторитетных либеральных английских журналов «The Contemporary Review»³⁷, «The Economist»³⁸ и «The Fortnightly Review»³⁹. С содержательной точки зрения к материалам средств массовой информации вплотную примыкают и источники, представленные различными пропагандистскими памфлетами и брошюрами⁴⁰.

Наконец, в данном исследовании был привлечен большой массив мемуаров политиков, дипломатов, генералов и военачальников, офицеров, солдат, представителей интеллигенции (поэтов, писателей, журналистов, философов), крестьян и рабочих⁴¹. Они позволяют не только воссоздать сложную и неоднозначную картину реакции современников на начало Первой мировой войны, но и изучить динамику изменений общественных настроений в

³⁷ The Contemporary Review. Vol. 103–104. 1913; Vol. 105–106. 1914; Vol. 107.

³⁸ The Economist. Vol. 76–77.1913; Vol. 78–79.1914; Vol. 80.1915.

³⁹ The Fortnightly Review. Vol. 93–94.1913; Vol. 95–96.1914; Vol. 97.1915.

⁴⁰ Агнiewicz Н.Я. Под звон мечей. Пг., 1915; А. Р. Вильгельм II – угроза гуманности и цивилизации. Киев, 1914; Андреев Л.Н. В сей грозный час. Пг., 1915; Бай де. Дело Вильгельма. М., 1915; Он же. Мировой германский вопрос. М., 1915; Он же. Нравоучения войны. М., 1915; Беляев А. А. По поводу современной войны. Сергиев Посад, 1915; Бешеный Вильгельм. М., 1914; Бутру Э. Германия и война. Пг., 1914; Викторов С. М. Вековая борьба славянства с миром германским. Киев, 1914; Вильгельм кровавый. История последних дней. М., 1914; Виноградов П.Г. Россия на распутье. М., 2008; Демчинский Б. Сокровенный смысл войны. Пг., 1915; Джурович Д. П. Немцы и славяне. Минск, 1916; Назаревский Б. Война за правду. Как началась великая европейская война? М., 1915; Быховский В. В. Немецкий страх перед «Русской опасностью». Как объясняют сами немцы истинные причины в ойны? М., 1914; Оссендовский А. М. Великое преступление. Пг., 1915; Резанов А. С. Немецкие зверства. Пг., 1915; Страхов П. Зло Германии и его религиозно-философские причины. М., 1915; Brailsford H.N. Belgium and “the Scrap of Paper”. London, 1915; Idem. The Origins of the Great War. London, 1914; Dontenville J. Apres la guerre. Les Allemagnes. Paris, 1915; Lanson G. Culture allemande, humanite russe. Paris, 1915; Wells H.G. The War that Will End War. London, 1914; Wettstein G. La crise europeenne. La guerre, ses causes, ses resultats, la Cour d’arbitrage, l’armistice, etc., au point de vue neutre et objectif. Lausanne, 1914.

⁴¹ Мильков П. Н. Воспоминания. М., 2001; Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993; Сазонов С. Д. Воспоминания. Ми., 2002; Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Ми., 2003; Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955; Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания. Мемуары. Ми., 2002; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991; Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник бригадного посла в Париже. М., 1927; Эррио Э. Из прошлого. М., 1958; Арамилев В. В дыму войны. М., 1930; Черкасов И.Т., Костерин А.Е. Повесть о простых людях. М., 1957; Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Л., 1926; Войтоловский Л. Н. Выходил кровавый Марс: по следам войны. М., 1998; Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1926; Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990; Он же. Очерки русской смуты. М., 2003; Джунковский В. Ф. Воспоминания, 1905–1915. Т. 2. М., 1997; Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. М., 2009; Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001; Бубнов А.Д. В царской ставке: мемуары адмирала Российского флота. СПб., 1995; Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917. Ми., 2004; Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. Ми., 2005; Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000; Врангель Н.Н. Дни скорби. СПб., 2001; Гиппиус З. Петербургские дневники. М., 1990; Заблудовская Р.М. Франция за пять лет. 1914–1919. Париж, 1920; Розанов В. В. Последние листья. М., 2000; Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Волконский С. Родина. М., 2002; Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914–1918. Paris, 1981; Alexandre J.-R. Avec Joffre d’Agadir a Verdun. Paris, 1932; Joffre J. Memoires du marechal Joffre, 1910–1917. Т. 1. Paris, 1932; Gallieni J. S. Memoires du marechal Gallieni, defense de Paris. 25 aout – 11 septembre 1914. Paris, 1928; Bloch M. Memoirs of War. 1914–1915. London, 1980; Graves R. Goodbye to All That. London, 1929; Pares V. Day by Day with the Russian Army. 1914–1915. London, 1915; Barnard Ch. I. Paris War Days. Boston, 1914; Gibbs P. L’ame de la guerre. Paris, 1916; Idem. Ten Years After: A Reminder. London, 1924; Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell, 1914–1944. Toronto, 1968; Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. Vol. 1. London, 1923; Malcolm I. War Pictures behind the Lines. London, 1915; Lloyd George D. War memoirs. Vol. 1.1914–1915. Boston, 1933; Riddell G. The Riddell Diaries, 1908–1923. London, 1986; Asquith H.H. Memoirs and Reflections, 1852–1927. Vol. 2. Boston, 1928; Grey E. Twenty-five Years, 1892–1916. Vol. 2. London, 1935.

странах Антанты.

Каждая из указанных групп источников (за исключением разве что ряда архивных материалов) по отдельности уже не раз использовалась в исследованиях, посвященных тем или иным аспектам истории Первой мировой войны, в том числе ее «человеческому измерению». Новизна данной работы заключается в том, что она представляет собой первую попытку провести на основе компактного в хронологическом отношении сюжета и современных методологических подходов анализ всех этих групп источников в их системной взаимосвязи. О новизне предлагаемого исследования говорит и тот факт, что к настоящему моменту как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствует комплексное исследование феномена патриотического подъема во всех трех странах Антанты во время Первой мировой войны, притом что сама по себе эта проблематика характеризуется наличием целого ряда остро дискуссионных вопросов.

Еще в 30-е годы XX века французский историк П. Ренувен сформулировал проблему моральной подготовленности населения великих держав в 1914 году к большой войне⁴². По его мнению, активное обсуждение в прессе гонки вооружений и полемика вокруг новых военных законов не только порождали у современников чувство тревоги, но и укрепляли в их сознании идею о перспективе скорой войны⁴³. Он также поставил вопрос о влиянии общественных настроений в той или иной стране Антанты на процесс формирования ее внешнеполитического курса, отметив специфические черты, присущие публичной сфере каждой из трех держав⁴⁴.

Во многом поворотным с точки зрения разработки подходов к изучению «человеческого измерения» Первой мировой войны стал 1977 год. Именно тогда вышло фундаментальное исследование французского историка Ж.-Ж. Беккера, посвященное реакции французского общества на начало Первой мировой войны⁴⁵. С этого момента изучение «человеческого измерения» войны становится полноправным и независимым направлением в западной историографии. Опираясь на широкий массив архивных документов и материалов прессы, Ж.-Ж. Беккер продемонстрировал сложность и неоднозначность отношения французов к разразившейся войне, поставил вопрос о разнице в восприятии событий лета 1914 года представителями различных социальных, политических, возрастных групп. Он решительно выступил против традиционной точки зрения, согласно которой патриотический подъем, энтузиазм были основными формами реакции обществ на начало Первой мировой войны⁴⁶. По мнению Ж.-Ж. Беккера, война явилась для подавляющего большинства людей той эпохи полной неожиданностью и вызвала в первую очередь чувства подавленности, страха и тревоги⁴⁷.

Комплекс вопросов, связанных с реакцией людей «поколения 1914 года» на мировую войну и «человеческим» измерением этого конфликта, стал предметом оживленных дискуссий в 1980–1990-х годах. В работах этого периода был подробно освещен широкий круг проблем: влияние внутривнутриполитических и социальных конфликтов на мировоззрение

⁴² Renouvin R La crise europeenne et la Grande guerre (1904–1918). Paris, 1934. P. 152.

⁴³ Ibid. P.152.

⁴⁴ Ibid. P. 153–156. P. 153–156.

⁴⁵ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entres dans la guerre. Paris, 1977.

⁴⁶ Taylor A. J.P. Illustrated History of the First World War. New York, 1964. P. 19; Ferro M. The Great War 1914–1918. London: Routledge, 1973. P. 8; Marwick A. War and Social Change in the Twentieth Century. P. 80.

⁴⁷ Becker J.-J. Op. cit. P. 259.

людей той эпохи, значение гонки вооружений и экономических факторов в определении взглядов правящих кругов, отношение к войне различных социальных, политических, гендерных и возрастных групп населения; много внимания уделено изучению особенностей пропаганды военного времени и мобилизации общественных настроений⁴⁸. Одновременно обнаружилась тенденция к своего рода «нормализации» и «банализации» социального и психологического опыта 1914 года⁴⁹. Так, Дж. М. Уинтер пишет, что ничего необычного в реакции населения стран Антанты на начало войны не было, и, например, наплыв добровольцев в армию в Англии полностью объяснялся традиционным комплексом причин: стремлением к приключениям, престижем военной формы, перспективой неплохого заработка, альтруизмом⁵⁰. Говоря о ситуации в континентальных странах, Дж. М. Уинтер пишет, что призыв в армию там являлся привычным явлением и то, что он прошел успешно, следовательно, не показатель популярности войны, а результат обыденности этого явления⁵¹. Но вряд ли стоит говорить, что призыв в армию в мирное время сильно отличается от призыва во время войны.

Отмеченная выше тенденция получила дальнейшее развитие в новейших исследованиях. Всё чаще начинает ставиться под вопрос сам факт существования патриотического подъема как широкого общественного настроения⁵². Историки начинают писать о «мифе 1914 года». Большой резонанс имела монография Дж. Вери, посвященная реакции населения Германии на начало войны. Дж. Вери трактует различные функциональные проявления патриотического подъема в Германии (митинги, шествия, пение гимна) как формы карнавальной культуры и традиции⁵³. Начало войны, по его

⁴⁸ Idem. *La population française face à l'entrée en guerre*. // *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990; Keiger J.F.V. *Britain's "Union Sacree" in 1914*. // *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990; Herrmann D.G. *The Arming of Europe and the Making of the First World War*. Princeton, 1996; Stevenson D. *Armaments and the Coming of War: Europe, 1904–1914*. London, 1996; Leed E.J. *No Man's Land. Combat and Identity in World War I*. Cambridge, 1979; Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. Oxford, 1979; Stevenson J. *British Society, 1914–1945*. London, 1984; Stromberg R. N. *Redemption by War. The Intellectuals and 1914*. Lawrence, 1982; Bond B. *War and Society in Europe, 1870–1970*. Bungay, 1984; Liddle P. H. *Voices of War*. London, 1988; Sanders M.L., Taylor P. M. *British Propaganda during the First World War, 1914–1918*. London, 1982; Mayeur J.-M. *La vie politique sous la Troisième République*. Paris, 1984; MacKenzie J.M. *Propaganda and Empire. The manipulation of British Public Opinion, 1880–1960*. Manchester, 1985; Sweet D. *The Domestic Scene: Parliament and People // Home Fires and Foreign Fields*. London, 1985; Bourne J. M. *Britain and the Great War, 1914–1918*. New York, 1989; Montant J.-C. *L'organisation centrale des services d'informations et de propagande du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre*. // *Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990; Robert J.-L. *The Image of Profiteer // Winter J. M., Robert J.-L. Capital Cities at War*. Paris, London, Berlin, 1914–1919. Cambridge, 1997; Gullace N.F. *Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // American Historical Review*. 1997, June. Vol. 102. № 3; Audoin-Rouzeau S. *Children and Primary Schools of France, 1914–1918 // State, Society and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge, 1997.

⁴⁹ Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*. Cambridge, 2014; Winter J. M. *The Experience of World War I*. Edinburgh, 1988; Winter J. M., Baggett B. *1914–18: Le grand bouleversement*. Paris, 1997; Schor R. *La France dans la Première guerre mondiale*. Paris, 1997.

⁵⁰ Winter J. M. *The Experience of World War I*. P. 118.

⁵¹ Ibid. P. 165–166.

⁵² Хейстингс М. *Первая мировая война. Катастрофа 1914 года*. М.: 2014; Verhey J. *The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Loez A. *14–18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins*. Paris, 2010; Idem. *La Grande guerre*. Paris, 2010; Mulligan W. *The Origins of the First World War*. Cambridge, 2010.

⁵³ Verhey J. *Op. cit.* P. 24–25.

мнению, стало моментом, когда перестали действовать традиционные социальные ограничители, люди могли позволить себе то, что было обычно запрещено, осуждалось обществом как нарушение порядка и приличий, и в этом отношении напоминало карнавал. Таким образом, энтузиазм 1914 года имел лишь косвенное отношение к войне: это была возможность выпустить пар, пошуметь, попеть песни, почувствовать себя частью коллектива⁵⁴. По мнению Дж. Вери, энтузиазм 1914 года там, где он был зафиксирован, вовсе не обязательно носил милитаристский или патриотический характер.

Подобный подход представляется интересным в методологическом плане, так как ставит совершенно новый вопрос: а что на самом деле скрывается за манифестациями и митингами, отмеченными в великих державах в начале войны? Однако концепция Дж. Вери чревата искажением оценки связи начала военных действий с мировоззрением современников. Если видеть в энтузиазме, подъеме общественных настроений в 1914 году лишь возбуждение от переживания значительных событий, радость временного освобождения от гнета социальных условностей и ограничений⁵⁵, то теряется понимание более глубокой социальной и психологической обусловленности «феномена 1914 года».

Можно отчасти согласиться с отечественным исследователем А. И. Миллером, который пишет о формировании «обслуживающего Европейское Сообщество исторического мифа о европейском единстве»⁵⁶. Это, возможно, излишне категоричное утверждение верно в том отношении, что тенденция к «нормализации» опыта 1914 года действительно ведет к сглаживанию противоречий между европейскими государствами накануне Первой мировой войны, нивелированию роли национализма в формировании мотивации ее рядовых участников. Война предстает лишь как следствие политических просчетов, дипломатической игры европейских кабинетов, в лучшем случае – как результат специфического мировоззрения лидеров великих держав⁵⁷. Что же касается широких слоев населения, то их реакция оказывается при таком подходе исключительно пассивной, конформистской. Отрицается существование или сколько-нибудь широкое распространение сознательной и деятельной поддержки современниками начала войны.

В отечественной историографии периодом активного изучения «человеческого измерения» Первой мировой войны стали конец 1990-х – 2000-е годы.⁵⁸ Стабильно растет число диссертационных исследований, посвященных этой проблематике⁵⁹. Появился целый

⁵⁴ Ibid. P.97–112.

⁵⁵ Verhey J. Op. cit.

⁵⁶ Миллер А. И. Указ. соч. С. 47.

⁵⁷ Clark C. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. New York, 2014.

⁵⁸ Костриков С.П. Россия в Первой мировой войне. М., 2000; Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Кострикова Е.Г. Российский МИД в борьбе за европейское общественное мнение в годы Первой мировой войны // Россия в XIX–XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 2002; Она же. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны, 1908–1914. М., 2007; Иванов А. И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов, 2005; Хмелевская Ю. Ю. Британия в 1914–1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы межвузовской научной конференции. Самара, 10–11 декабря 2004 г. Самара, 2005; Сдвижков Д. А. Идеи ненасилия в образованных слоях Германии и России накануне Первой мировой войны // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М., 2000.

⁵⁹ Акопов А. А. Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны.: Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008; Белокурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: Дисс.... канд. ист. наук. Брянск, 2006;

ряд сборников статей и монографий, подготовленных Российской ассоциацией историков Первой мировой войны и Институтом всеобщей истории Российской академии наук⁶⁰. О морально-психологической атмосфере в европейских обществах накануне Первой мировой войны пишут, с опорой на донесения русских военных агентов, Е.Ю. Сергеев и Ар. А. Улуян⁶¹. Много внимания изучению реакции населения стран Антанты на события Первой мировой войны, анализу патриотического подъема и консенсуса, установившихся в этих странах, уделяют А. В. Ревякин⁶², Б. И. Колоницкий⁶³, А.Ю. Прокопов⁶⁴, С. В. Тютюкин⁶⁵, Е.С. Сенявская⁶⁶, В. В. Миронов⁶⁷, С. Н. Базанов⁶⁸. К 100-летию со дня начала Первой мировой войны было опубликовано фундаментальное исследование, подготовленное сотрудниками исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации»⁶⁹. В российской науке указанная проблематика

Сенокосов А. Г. Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу (1907–1914).: Дисс... канд. ист. наук. М., 2005; Забелина Н.Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны.: Дисс... канд. ист. наук. М., 2011; Смирнова И. В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914–1918 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 2011; Цыкалов Д. Е. Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны: июль 1914 – февраль 1917 г.: Дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2003; Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России».: Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2008.

⁶⁰ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: документы и материалы. М., 2002; Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М., 2008; Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914 – февраль 1917 гг. М., 2011.

⁶¹ Сергеев Е.Ю., Улуян Ар. А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003.

⁶² Ревякин А. В. Франция: «Священное единение» // Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Он же. Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Он же. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М. 2008.

⁶³ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁶⁴ Прокопов А.Ю. Британская империя: общество и вызовы войны // Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн. 1. М., 2005; Он же. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М. 2008.

⁶⁵ Тютюкин С. В. Патриотический подъем в начале войны // Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн.1. Первая мировая война. М., 2005; Он же. Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М. 2008.

⁶⁶ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

⁶⁷ Сенявская Е.С., Миронов В. В. Человек на войне: «свой» и «чужие» // Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн.1. Первая мировая война. М., 2002.

⁶⁸ Базанов С.Н. Патриотический подъем в российском обществе в начале Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. М., 2006.

⁶⁹ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова и А.С. Манькина. М., 2014.

является сравнительно новым, молодым направлением исследований, в котором еще не сложилось четко оформленных школ. Внимание ученых привлекают вопросы политической культуры правящей элиты империи Романовых, государственной идеологии и национальной политики, партийной борьбы и менталитета самых широких слоев населения⁷⁰.

С точки зрения изучения последней проблемы отдельного упоминания заслуживают работы О. С. Поршневой⁷¹. На базе широкого привлечения архивных источников, в том числе региональных, она воссоздает сложную картину отношения российских крестьян и рабочих к разразившейся войне⁷². Выводы О. С. Поршневой имеют большое значение для темы данного исследования, поскольку позволяют оценить границы патриотического подъема в Российской империи, его эмоциональное и функциональное проявления в городе и деревне.

Таким образом, отмеченные дискуссии вокруг самого факта существования патриотического подъема в начале войны недвусмысленно говорят о необходимости дальнейшего изучения данной проблемы, а сравнительный анализ опыта трех стран позволяет сделать это на качественно новом уровне. Только через сравнение и сопоставление социально-психологического опыта населения великих держав, в данном случае – стран Антанты, – в начале Первой мировой войны можно приблизиться к пониманию природы так называемого «настроения 1914 года», ответить на вопрос о сущности и масштабах патриотического подъема в рассматриваемый период. Для этого представляется необходимым рассмотреть несколько взаимосвязанных сюжетов: проанализировать процесс складывания общественного консенсуса по вопросу о войне в странах Антанты; выявить общие тенденции в этом процессе и его специфические черты в каждой из рассматриваемых стран; изучить роль средств массовой информации в поддержании патриотического подъема; проанализировать ключевые сюжеты, мотивы и образы пропаганды; проследить внутреннюю эволюцию отношения населения к войне в 1914 – первой половине 1915 года.

В заключение хотелось бы сказать, что предпринятое исследование представляет интерес не только как чисто историческое; оно затрагивает целый комплекс проблем, связанных с определением места и роли социальных и идеологических факторов в формировании внешнеполитических курсов государств и определении специфики международных отношений в тот или иной период времени, который не только не потерял своей значимости в настоящий момент, но и, наоборот, начинает привлекать всё большее внимание политологов и ученых-международников. Изучение под этим ракурсом событий,

⁷⁰ Морозова Н.В., Назарова Т. П. Эволюция «образа врага в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград, 2015; Соловьёв С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. (1914–1917). Рязань, 2004; Чертищев А. В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны. (Июль 1914 – март 1918). М., 2006; Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть, 1912 – март 1917 гг. Могилёв, 2006; Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте, 1907–1917. М., 2009; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. (1914 – весна 1917). М., 2003; Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта. 1898–1914. М., 2008.

⁷¹ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Она же. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 – февраль 1917) // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001; Она же. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.

⁷² Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 106–166.

связанных с началом Первой мировой войны, открывает перспективы для углубления и совершенствования методологии исследований современных международных отношений.

Глава I

Общественный консенсус как основа патриотического подъема: страны Антанты во время Июльского кризиса 1914 года

§ 1. Реакция правительств и населения стран Антанты на начало Июльского кризиса 1914 года

Событиям Июльского кризиса, ставшего непосредственным прологом новой войны, и реакции на них современников посвящено необозримое количество работ как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Тем не менее, споры о степени вины и роли той или иной великой европейской державы в развязывании Первой мировой войны не утихают до сих пор. Как ни парадоксально, одной из причин этих споров является не недостаток исторических источников, дошедших до нас с тех времен, а, наоборот, их изобилие. В них содержатся крайне противоречивые свидетельства и оценки, позволяющие при желании обосновать практически любую теорию. Эта ситуация, очевидно, чревата скатыванием исторических исследований в эпистемологический релятивизм. Данное обстоятельство настоятельно диктует применение в современных исторических исследованиях, посвященных проблемам Первой мировой войны, новых междисциплинарных методологических подходов, требует осмысления событий той эпохи с точки зрения их включенности в более широкий исторический контекст.

Последние предвоенные годы характеризовались нарастанием напряженности и конфликтности в отношениях между противостоящими группировками великих европейских держав. Во всех странах шла активная подготовка к будущей войне, выражавшаяся в тот момент в принятии специальных военных бюджетов, утверждении новых военных программ, направленных на перевооружение армий, увеличение их численности и усиление резервов⁷³. Вехами в этом процессе могут послужить военные законы в Германии, Франции и России, принятые в 1912 году⁷⁴; избрание Р. Пуанкаре президентом Франции в 1913 году, которое отразило утверждение во французской правящей элите курса на жесткое противодействие внешнеполитическим устремлениям Германии^{75, 76}; ярким доказательством последнего вывода служит принятие во Франции нового военного закона в том же 1913 году как

⁷³ Красноречивую картину нарастания напряженности в Европе накануне Первой мировой войны рисуют донесения русских военных агентов, об этом см. подробнее: Сергеев Е.Ю., Улуян Ар. А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003.

⁷⁴ Herrmann D.G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996. P. 174; Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 192.

⁷⁵ Евдокимова Н. П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб., 2006. С. 168–170; McMillan J. The Way It Was, 1914–1934. London, 1979. P. 17; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010. P. 147.

⁷⁶ Именно так воспринималось избрание Р. Пуанкаре русскими дипломатами и правыми средствами массовой информации. См. например: Архив внешней политики Российской империи [Далее – АВПРИ]. Ф. 133. Оп. 470. Д. 120. 1913 г. Л. 4; Новое время. 1913, 5 (18) января. С. 4; Московские ведомости. 1913, 13 (26) января. С. 1.

ответной меры на увеличение германского военного бюджета⁷⁷.

В странах Антанты все эти военные приготовления сопровождались информационно-пропагандистскими кампаниями в их поддержку на страницах ведущих средств массовой информации⁷⁸. Эти кампании имели кумулятивный эффект, приводя к постепенному утверждению (по крайней мере, в среде политических и интеллектуальных элит) мысли о неизбежности скорой общеевропейской войны, начало которой всё чаще связывалось с 1914 годом⁷⁹. Примером таких кампаний могут послужить полемика во французской печати вокруг нового военного закона в 1913 году⁸⁰ и русско-германская «газетная война» 1914 года⁸¹, непосредственным поводом к началу которой послужила статья в одной из авторитетных немецких газет («Кёльнише цайтунг») о необходимости превентивного удара Германии и Австро-Венгрии по России, призванного обезопасить их от неизбежной, по мнению газеты, агрессии с ее стороны. Хотелось бы особенно подчеркнуть, что в рассматриваемый период никто не делал секрета из того, против кого ведутся описанные выше военные приготовления. Наоборот, угроза со стороны Германии представлялась крупнейшими средствами массовой информации в России и во Франции как своего рода аксиома⁸². Можно заключить, что, по крайней мере, с точки зрения пропаганды, образ будущего врага получил в указанных странах вполне конкретное наполнение и определение.

Впрочем, эти газетные кампании одновременно ярко продемонстрировали как неоднородность общественного мнения в рассматриваемых странах, так и проблемы, существовавшие во взаимоотношениях между партнерами по Антанте. Например, скандал вокруг отправки в Турцию германской военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом осенью 1913 года наглядно показал, что Восточный вопрос продолжал отравлять отношения между Россией и ее западными партнерами по Антанте и накануне Первой

⁷⁷ Антюхина-Московченко В. И. История Франции, 1870–1918. М., 1963. С. 613; Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М., 1928. С. 231.

⁷⁸ Новое время. 1913, 8 (21) февраля. С. 3; Московские ведомости. 1913, 24 января (6 февраля). С. 1; Le Figaro. 1913, 9 Fev. P. 1; Le Temps. 1913, 11 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 15 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 16 Fev. P. 1; The Times. 1913, 20 Feb. P. 7.

⁷⁹ Так, в газете «Новое время» в статье «Новый взрыв германского милитаризма» от 8 (21) февраля 1913 г. отмечалось: «1914 год уже давно указывался как год, угрожающий Европе общей войной (по совокупности той конъюнктуры, которую в этом году представят соперничающие морские и военные программы)». Новое время. 1913, 8 (21) февраля. С. 3.

⁸⁰ Le Temps. 1913, 21 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 23 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 26 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 28 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 7–28 Mars. P. 2; Le Matin. 1913, 21 Fev. P. 3; Ibid. 1913, 28 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 6–31 Mars. P. 3; Le Figaro. 1913, 16 Fev. P. 2; Ibid. 1913, 25 Fev. P. 1; 1913, 3–25 Mars. P. 1; Юдин Н.В. Poleмика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе 1913 г.: к вопросу об общественных настроениях во Франции накануне Первой мировой войны // Per Aspera... Вып. 3. М., 2011. С. 155–168; Michon G. La preparation a la guerre. La Loi de trois ans, 1910–1914. Paris, 1935. P. 137–138.

⁸¹ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л. 124–133, 152–158; Новое время. 1914, 24 февраля (9 марта). С. 4; Там же. 1914, 27 февраля (12 марта). С. 4; Там же. 1914, 1 (14) марта. С. 4; Московские ведомости. 1914, 16 (29) марта. С. 1; Le Temps. 1914, 23 Fev. P. 2; Ibid. 1914, 7 Mars. P. 1; Ibid. 1915, 15 Mars. P. 1; Ibid. 1914, 21 Mars. P. 1; Le Figaro. 1914, 7 Mars. P. 2; Le Matin. 1914, 12 Mars. P. 1; Le Petit Parisien. 1914, 7 Mars. P. 1; The Times. 1914, 10 March. P. 7; Ibid. 1914, 12 March. P. 5; Ibid. 1914, 16 March. P. 9; The Fortnightly Review. Vol. 95. 1914, March. P. 618; The Economist. Vol. 78. 1914, 21 March. P. 702; The Contemporary Review. Vol. 105. 1914, April. P. 571–572; Сергеев Е.Ю., Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 323.

⁸² Новое время. 1914, 16 (29) апреля. С. 4; Там же. 1914, 23 апреля (6 мая). С. 4; Московские ведомости. 1914, 14 (27) мая. С. 1; Там же. 1914, 15 (28) мая. С. 1.

мировой войны. Англия и Франция отнюдь не желали усиления позиций России в Турции, с подозрением относились к любым ее предложениям, касавшимся расстановки сил на Балканах и в зоне проливов, и потому не спешили оказывать ей дипломатическую поддержку в противодействии германским внешнеполитическим инициативам⁸³. Не меньшую проблему для сторонников укрепления

Антанты в тот период представляла весьма двусмысленная позиция Англии⁸⁴. Откровенное нежелание английского правительства связывать себя формальными военными обязательствами с партнерами по Антанте вызывало вопросы о ее возможных действиях в случае начала общеевропейской войны как в самой Англии, так и в континентальных державах⁸⁵. Это беспокойство лишь усилилось после провала попытки добиться от Англии заключения военного союза в ходе визита английской королевской четы во Францию весной 1914 года, приуроченного к 10-летию юбилею англо-французской Антанты⁸⁶.

Далеко не в последнюю очередь к проведению подобной осторожной политики в отношении Антанты английское правительство (у власти в тот момент находился либеральный кабинет, возглавлявшийся Г. Асквитом) принуждала позиция, занятая частью либералов и лейбористами, а также симпатизировавшими им средствами массовой информации. Они осуждали увеличение военных расходов, выступали против каких бы то ни было формальных обязательств в отношении континентальных партнеров по Антанте⁸⁷. Подобное сдерживающее влияние оказывали на свое правительство и французские социалисты. Во время обсуждения законопроекта о трехлетней воинской службе они открыто выступили против курса на подготовку к войне и обострение отношений с Германией, противопоставив им пацифистские и интернационалистские лозунги⁸⁸. Полемика в прессе показала, что накануне войны их взгляды разделялись не только политически активными организованными рабочими, но и многими представителями

⁸³ Новое время. 1913,12 (25) ноября. С. 3; Там же. 1913,13 (26) ноября. С. 3; Там же. 1913, 14 (27) ноября. С. 4; Там же. 1913, 20 ноября (3 декабря). С. 4; Там же. 1913,

(19) декабря. С. 5; Там же. 1913, 10 (23) декабря. С. 4; Там же. 1913, 29 декабря (1914, 11 января). С. 4; Там же. 1913, 30 декабря (1914,12 января). С. 4; Там же. 1914, 9 (22) января. С. 3; *Le Temps*. 1913, 26 Nov. P. 2; *Ibid*. 1913,1 Dec. P. 2; *Ibid*. 1913, 20 Dec. P. 1; *Ibid*. 1914,4 Jan. P. 1; *Ibid*. 1914, 23 Jan. P. 1; *Ibid*. 1914, 29 Jan. P. 1; *The Times*. 1913, 29 Nov. P. 7; *Ibid*. 1913, 2 Dec. P. 7; Bestuzhev I. V. *Russian Foreign Policy, February – June 1914 // 1914: The Coming of the First World War*. New York, 1966. P. 92.

⁸⁴ Политика Англии в отношении стран Антанты накануне Первой мировой войны подробно проанализирована в диссертационном исследовании А. Г. Сенокосова: Сенокосов А. Г. *Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу (1907–1914)*.: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2005.

⁸⁵ Новое время. 1913, 23 января (5 февраля). С. 5; *The Times*. 1913, 30 Jan. P. 5; *The Fortnightly Review*. Vol. 93. 1913, Jan. P. 32–35; Neilson K. E. *Wishful Thinking: The Foreign Office and Russia, 1907–1917 // Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895–1939*. Edmonton, 1984. P. 158.

⁸⁶ Archives du Ministère des affaires étrangères [Далее – АМАЕ]. *Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Grande Bretagne*. Vol. 22. P. 265–267; АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л. 233–237, 244; Там же. Ф. 133. Оп. 470.1914. Д. 323/327. Л. 15; Новое время. 1914, И (24) апреля. С. 4; Там же. 1914,12 (25) апреля. С. 4; *Le Temps*. 1914, 8 Avril. P. 1; *Ibid*. 1914, 22 Avril. P. 1; *Ibid*. 1914, 25 Avr. P. 1; *Ibid*. 1914, 25 Mai. P. 1; *Le Figaro*. 1914, 24 Avril. P. 1; *The Times*. 1914, 8 Apr. P.9.

⁸⁷ АМАЕ. *Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Grande Bretagne*. Vol. 22. P. 165–166, 174–176; *The Contemporary Review*. Vol. 105. 1914, June. P. 868–869.

⁸⁸ Archives nationales [Далее – АН]. F. 7.13335. *Contre les armements, contre la loi de 3 ans, contre tout militarisme*. Mai 1913; *Ibid*. *Lasant C.-A. Contre la loi des trois ans*; *Ibid*. F. 7.13336. *La Bataille Syndicaliste*. 1913, 7 Mars; *Ibid*. 1913, 9 Mars; *Ibid*. 1913, 18 Mars; *L’Humanite*. 1913, 24 Fev. P. 1; *Ibid*. 1913, 25 Fev. P. 1; *Ibid*. 1914, 3 Mars. P. 1; *Ibid*. 1913,4 Mars. P. 1; *Ibid*. 1913, 6 Mars. P. 1; *Ibid*. 1913,13 Mars. P. 1; *Ibid*. 1913,15 Mars. P. 1.

интеллектуальной элиты страны, проникали в армию⁸⁹. С позицией социалистов приходилось считаться: в 1914 году в Палате депутатов левые партии имели 268 мест из 602⁹⁰. Интересно отметить, что в России в тот момент курс на укрепление сотрудничества с партнерами по Антанте и противодействие Германии подвергался критике лишь со стороны крайне правых политиков. Умеренно-консервативное и либеральное большинство Государственной думы⁹¹ в целом поддерживало этот курс, более того, русский МИД часто становился объектом критики за недостаточную активность в этом направлении⁹².

В целом же приходится констатировать, что даже взгляды представителей правящих элит в странах Антанты накануне Июльского кризиса отличались противоречивостью и разнородностью, основывались на разном понимании государственных интересов; даже применительно к политическим элитам не представляется возможным говорить о некоем едином общественном мнении по вопросам внешней политики. Тем более нельзя говорить о нем в масштабах всего общества, какую бы страну Антанты мы ни взяли. Так, если для политических и интеллектуальных элит были характерны вполне устоявшиеся представления о возможности скорой общеевропейской войны (вне зависимости от отношения к подобной перспективе), то широкие слои городских и сельских обывателей, как правило, мало интересовались перипетиями международных отношений и были поглощены внутривнутриполитическими и социальными проблемами, они плохо представляли себе опасность сложившейся накануне Первой мировой войны международной обстановки⁹³. В этом состоянии внутренней раздробленности общества стран Антанты встретили Июльский кризис 1914 года.

Поводом к началу Июльского кризиса стало убийство австрийского наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги герцогини Софии Гогенберг 28 июня 1914 года в боснийском городе Сараево сербским националистом Гаврилой Принципом. Это событие вызвало самый широкий резонанс в европейских обществах. 29 июня газеты Антанты вышли под огромными заголовками, извещавшими об убийстве. Портреты погибших, некрологи, статьи и многочисленные телеграммы заполнили страницы средств массовой информации⁹⁴. Все газеты без исключения признали покушение страшным

⁸⁹ AN. F. 7.13335. Paris. 1913, 26 Mars; Ibid. 1913, 8 Avril; Ibid. 1913, 20 Mai; Ibid. 1913, 24 Mai; Ibid. 1913, 27 Mai; L'Humanite. 1913, 13 Mars. P. 1.

⁹⁰ Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч. С. 403.

⁹¹ Партийно-фракционный состав IV Государственной думы выглядел следующим образом: из 442 мест правые получили 65, националисты и умеренно правые – 120, октябристы – 98, прогрессисты – 48, кадеты – 59, национальные группы – 21, трудовики – 10, социал-демократы – 14, беспартийные – 7. (Эти цифры дает советский историк Ф. И. Калинычев в монографии «Государственная дума в России». М., 1957. С. 489). Аналогичные данные приводит в своей работе современный исследователь Д. С. Лавринович, который пишет, что в IV Государственной думе в зависимости от ситуации формировалось два блока: правополитический, объединявший 283 депутата, и левоцентристский из 226 депутатов. (Лавринович Д. С. Либеральноконсервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть, 1912 – март 1917 гг. Могилёв, 2006. С. 29–34).

⁹² Новое время. 1913, 13 (26) ноября. С. 3; Там же. 1913, 6 (19) декабря. С. 5; Там же. 10 (23) декабря. С. 4; Там же. 1913, 29 декабря (1914, 1 января). С. 4.

⁹³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. 1914 г. Д. 323/327. Л. 9.

⁹⁴ Le Temps. 1914, 30 Juin. P. 1; Le Figaro. 1914, 29 Juin. P. 1–2; Ibid. 1914, 30 Juin. P. 1–2; Le Petit Parisien. 1914, 29 Juin. P. 1; Le Matin. 1914, 29 Juin. P. 1; The Times. 1914, 29 June. P. 8; Ibid. 1914, 30 June. P. 9; The Annual Register. A Review of Public Events at Home and Abroad. For the Year 1914. London, 1915. P. 138.

преступлением⁹⁵. Французские газеты «Le Temps» и «Le Matin» напоминали своим читателям о тяжких испытаниях, выпавших на долю австрийского императора Франца Иосифа, и выразили уверенность, что симпатии всего мира сейчас находятся на стороне императора⁹⁶.

Однако, выразив сочувствие Францу Иосифу, пресса очень скоро занялась обсуждением возможных последствий покушения. В этой связи большую обеспокоенность российских и французских газет вызывали сообщения о росте антисербских настроений в Двуетной монархии и неспособность ее властей пресечь на своей территории погромы сербских кварталов⁹⁷. В России и Франции печать практически единодушно встала на сторону Сербии, отстаивая идею о ее непричастности к организации покушения⁹⁸. «Le Temps» подчеркивала, что «ни правительство Сербии, ни сербский народ не могут ни в какой степени быть признаны виновными в трагедии Австро-Венгрии»⁹⁹. С решительным осуждением антисербских погромов также выступили «Le Figaro»¹⁰⁰ и «Le Matin»¹⁰¹. Последняя с тревогой отмечала, что австрийская пресса всё более открыто стремится приписать убийство эрцгерцога сербскому правительству. «Le Temps» решительно отметала подобные теории: «В тот момент, когда Сербия делает всё возможное, чтобы наладить отношения с Австрией, было бы совершенно абсурдно предполагать, что она [Сербия] может одобрять или извинять сараевское убийство. Совсем напротив, если бы этого убийства не произошло, это было бы именно в интересах Сербии. К несчастью, сербское правительство не могло ничего сделать, чтобы предотвратить покушение, учитывая тот факт, что оно было совершено австрийскими подданными»¹⁰². Английские журналисты, в отличие от их русских и французских коллег, отнюдь не стремились выступить в поддержку Сербии. Наоборот, как либеральные, так и многие консервативные издания открыто встали на сторону Австро-Венгрии, обвиняя сербское правительство в организации покушения¹⁰³.

Интересно отметить, что буквально через несколько дней после убийства в Сараево в печати появились первые слухи о готовящемся ультиматуме Австро-Венгрии с требованием проведения расследования на территории Сербии с участием австрийских сыщиков¹⁰⁴. Тем не менее, не следует преувеличивать ажиотаж или тревогу антантовской прессы в связи с сараевским покушением. Сообщения об убийстве Франца Фердинанда очень скоро сошли с

⁹⁵ Hale O.J. *Publicity and Diplomacy, with Special Reference to England and Germany*. London, 1940. P. 446.

⁹⁶ Le Temps. 1914, 30 Juin. P. 1; Le Matin. 1914, 29 Juin. P. 1.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 2; Le Temps. 1914, 1–8 Juil; Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн., 2002. С. 164–165.

⁹⁸ Carroll M. E. *French Public Opinion and Foreign Affairs*. London, 1931. P. 286.

⁹⁹ Le Temps. 1914, 2 Juil. P. 2.

¹⁰⁰ Le Figaro. 1914, 1 Juil. P. 2; Ibid. 1914, 4 Juil. P. 2.

¹⁰¹ Le Matin. 1914, 30 Juin. P. 1; Ibid. 1914, 5 Juil. P. 1.

¹⁰² Le Temps. 1914, 8 Juil. P. 2.

¹⁰³ Steiner Z. S. *Britain and the Origins of the First World War*. Basingstoke, 1977. P. 220.

¹⁰⁴ Le Temps. 1914, 2 Juil. P. 1; Новое время. 1914, 1 (14) июля. С. 4; Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн., 2002. С. 164.

первых полос газет, будучи оттесненным внутривосточными проблемами и светскими скандалами. Успокоению способствовала также сдержанная позиция Австро-Венгрии, которая не выступила сразу с дипломатическим демаршем против Сербии; надежда, что 84-летний Франц Иосиф не захочет омрачать последние годы своего правления европейской войной¹⁰⁵. Так, «Le Figaro» писала, что личное вмешательство Франца Иосифа в австро-сербский конфликт с целью его скорейшего мирного разрешения совершенно развеяло опасения о возможном разрыве отношений между двумя государствами¹⁰⁶.

Во Франции общество в тот момент было сосредоточено на перипетиях суда над Г. Кайо, женой бывшего министра финансов Ж. Кайо, убившей редактора «Le Figaro» Г. Кальметта за то, что тот развернул травлю ее мужа на страницах своей газеты и грозился предать огласке его частную переписку. Новости об этом процессе оттеснили сообщения о сараевском убийстве с первых полос газет¹⁰⁷. В Англии внимание прессы и общества было приковано к назревавшему вооруженному конфликту в Ирландии в связи с обсуждением закона о гомруле¹⁰⁸. В этом отношении можно согласиться с категоричным заявлением Дж. Ф. В. Кейгера, что Июльского кризиса в современном его понимании для людей того периода просто не существовало¹⁰⁹. Действительно, если обратиться к изучению публикаций в антантовской прессе, остается только констатировать, что события международной жизни в июле 1914 года отнюдь не находились в центре внимания современников¹¹⁰.

Да, новость о сараевском убийстве подняла продажи газет, но она не воспринималась как некое судьбоносное или роковое событие. Пресса стран Антанты вовсе не пыталась подготовить общественное мнение к перспективе скорой войны из-за этого покушения. Тревожные публикации, в которых подчеркивалась опасность сложившейся ситуации на Балканах, были немногочисленны и в июле 1914 года не выходили на первые полосы газет. Люди к тому моменту привыкли к сообщениям об убийствах венценосных особ, и те не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее, а кризисы на Балканах представлялись чуть ли не как постоянный элемент политического ландшафта.

Свидетельствами успокоения антантовских политиков могут послужить отъезд русского министра иностранных дел С.Д. Сазонова в свое загородное имение на короткий отпуск в середине июля 1914 года и прибытие в Петербург с официальным визитом президента Франции Р. Пуанкаре 20–23 июля. Именно так восприняли поездку Р. Пуанкаре средства массовой информации в странах Антанты, их логика понятна: существуй угроза кризиса, визит был бы, несомненно, отложен. Это событие, вполне естественно, привлекло особое внимание газет Франции и России¹¹¹. Самым подробным образом освещались все детали торжеств, приуроченных к высокому визиту: состав русской и французской эскадр,

¹⁰⁵ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 165.

¹⁰⁶ Le Figaro. 1914, 7 Juil. P. 2.

¹⁰⁷ Carroll M. E. Op. cit. P. 288; Hale O. J. Op. cit. P. 446..

¹⁰⁸ Hale O. J. Op. cit. P. 446; Keiger J.F. V. Britain's "Union Sacree" in 1914 // Les Societes europeennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 40; Nomicos E. V., North R. C. International Crisis: The Outbreak of World War I. London, 1976. P. 44.

¹⁰⁹ Keiger J.F.V. France and the Origins of the First World War. London, 1983. P. 145.

¹¹⁰ Joll J. The Origins of the First World War. New York, 1984. P. 172.

¹¹¹ Новое время. 1914, 5 (18) июля. С. 4; Там же. 1914, 9 (22) июля. С. 3; Le Temps. 1914, 21 Juil.P. 1.

встречи президента, балы, обеды¹¹². Целиком приводились речи и тосты, произнесенные Р. Пуанкаре и Николаем II, в которых прославлялось прошлое русско-французского союза, говорилось о его нынешних силе и значении¹¹³. Русские газеты не преминули подчеркнуть, что военная мощь русско-французского союза служит лучшей гарантией мира в Европе и должна оказывать отрезвляющее воздействие на «австрийских шовинистов»¹¹⁴.

По-своему освещала обстоятельства визита французского президента в Россию «The Times». Основное внимание газета уделяла даже не столько официальной части визита, сколько антимилитаристским демонстрациям и забастовкам, которыми рабочие встретили приезд Р. Пуанкаре. Отмечалось, что 23 июля столкновения продолжались в различных частях Петербурга до полуночи, и что, несмотря на применение властями оружия, требовались еще более жесткие меры для прекращения «анархии и хулиганских действий»¹¹⁵. Очень показательным, что в этот период английская официозная газета целиком встала на сторону царского правительства, с одной стороны, выступая за более жесткие меры в отношении забастовщиков, а с другой – выражая удивление «терпимостью, проявленной правительством в отношении нарушителей общественного порядка»¹¹⁶. «The Times» была одним из наиболее последовательных сторонников укрепления Антанты и стремилась по возможности улучшить образ Российской империи в глазах английского общества.

На фоне успокоительных настроений и публикаций, возобладавших к концу июля 1914 года в странах Антанты, поступившее 24 июля в средства массовой информации известие об австрийском ультиматуме Сербии произвело эффект разорвавшейся бомбы¹¹⁷. При этом в реакции газет и журналов на новое обострение международной ситуации как в капле воды отразились все отмеченные выше проблемы во взаимоотношениях между членами Антанты и особенности внутривосточной обстановки в каждой отдельно взятой стране. Так, практически единодушное и самое резкое осуждение встретил австрийский демарш в русской прессе. Большинство газет считали военное вмешательство Российской империи в австро-сербский конфликт не только возможным, но и необходимым, подчеркивая, что она может рассчитывать на полную поддержку со стороны Франции¹¹⁸. В считавшейся официозной газете «Новое время» была опубликована статья, звучавшая как самое настоящее предупреждение Австрии: «Русское правительство ясно сознает, что австрийский ультиматум Сербии направлен собственно против России. И Россия отвечает на него не только словами, но и должными действиями. Сербия, подвергшаяся незаконному нападению, не останется одинокой. Возмутителям мира придется иметь дело не только с Сербией, но и с Россией»¹¹⁹. Воинственностью отличалась и реакция «Московских

¹¹² Подробнее об этом см.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 31–44.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 7, 10, 72–73; Новое время. 1914, 8 (21) июля. С. 1–2; Там же. 1914, 9 (22) июля. С. 3; Там же. 1914, 10 (23) июля. С. 3; Le Temps. 1914, 21 Jul. P. 1; Ibid. 1914, 22 Jul. P. 1; Ibid. 1914, 23 Jul. P. 1.

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 10.

¹¹⁵ The Times. 1914, 24 Jul. P. 7.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 10. Л. 7; Hale O. J. Op. cit. P. 450.

¹¹⁸ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 12–13.

¹¹⁹ Новое время. 1914, 12 (25) июля. С. 2.

Ведомостей»: «Наступил последний час! Австрия должна оглянуться на пройденный путь: каждая война кончилась для нее печально и новая должна кончиться катастрофой за то, что она – виновница тех бедствий, которые обрушатся на народы Европы»¹²⁰. В этой статье прямо говорилось, что единственным и неизбежным последствием австрийской ноты будет общеевропейская война. Единственным диссонансом прозвучала статья в либеральной газете «Речь». 25 июля она подчеркивала, что России и Франции не стоит рассчитывать на военную помощь со стороны Англии и им следует воздержаться «от каких бы то ни было поощрений по адресу Сербии»¹²¹.

На стороне Сербии решительно выступила французская официозная пресса¹²². «Le Temps» подчеркивала совершенно недопустимый тон австрийского ультиматума и беспрецедентный характер требований, в нем предъявленных¹²³. Газета также выражала уверенность, что Россия не оставит Сербию в столь трудный для нее час. Пространной статьей отреагировала на известие об австрийском ультиматуме «Le Figaro». Крайнее возмущение газеты вызывали тон и формулировки австрийской ноты, а особенно тот факт, что обвинения в организации сараевского покушения, по мнению французской газеты, выдвигались не просто в адрес сербского правительства, которое могло уйти в отставку, а лично против короля Сербии¹²⁴. Со всей отчетливостью опасность сложившейся ситуации обрисовывала на своих страницах «Le Matin». По ее мнению, новый международный кризис требовал решительного вмешательства всех великих держав, концертной дипломатии, но Австрия выбрала такой момент для своего ультиматума, когда Антанты фактически парализована: президент Франции находится за пределами своей страны, а Англия балансирует на грани гражданской войны. Единственный шанс на мирное урегулирование конфликта в этой обстановке «Le Matin» видела в мирных инициативах России¹²⁵. Вообще же французская официозная и консервативная пресса, равно как и русская, с самого момента опубликования ультиматума выступала за жесткую политику в отношении Германии и Австро-Венгрии, считая согласованное и решительное выступление стран Антанты на стороне Сербии единственным способом сохранить европейский мир.

Что касается Англии, то посол в Лондоне А. К. Бенкендорф констатировал раскол в английской печати по отношению к австро-сербскому конфликту¹²⁶. Радикальные и либеральные газеты, прежде всего «The Standard» и «The Manchester Guardian», решительно встали на сторону Австро-Венгрии и заявили, что Сербия должна подчиниться всем предъявленным требованиям¹²⁷. «The Standard» писала: «...симпатии Англии на стороне Австрии, которая страдает от сербского упрямства»¹²⁸. Иную позицию заняли

¹²⁰ Московские ведомости. 1914,13 (26) июля. С. 1.

¹²¹ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476.1914 г. Д. 588. Л. 13.

¹²² Carroll M. E. Op. cit. P. 296–297..

¹²³ Le Temps. 1914, 25 Juil. P. 1; Ibid. 1914, 26 Juil. P. 1.

¹²⁴ Le Figaro. 1914, 25 Juil. R 1.

¹²⁵ Le Matin. 1914, 25 Juil. P. 1.

¹²⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 10. Л. 7.

¹²⁷ Там же. Ф. 139. Оп. 476.1914 г. Д. 588. Л. 76–77.

¹²⁸ Там же. Л. 77.

консервативные газеты («The Times», «The Morning Post»), взывавшие к вмешательству великих держав в этот конфликт и требовавшие соблюдения норм международного права¹²⁹. О впечатлении, произведенном ультиматумом в странах Антанты, писала «The Times». В статье «Угроза Европе» отмечалось, что, по мнению осведомленных английских дипломатов, международная ситуация в тот момент была гораздо более опасной, чем во время Боснийского кризиса 1908–1909 годов или Балканских войн 1912–1913 годов¹³⁰. Приводилась также точка зрения французских политиков, которые выражали сомнение в возможности локализовать австро-сербский конфликт¹³¹.

26 июля пришло известие, что Австрия не приняла ответ Сербии. Несмотря на это, в печати продолжался поиск путей выхода из кризиса, мирного решения проблемы. Задержка в три дня с момента истечения срока действия австрийского ультиматума и до объявления 28 июля 1914 года войны Австро-Венгрией Сербии породила в печати стран Антанты надежды если не на сохранение мира на Балканах, то, по крайней мере, на локализацию конфликта.

26–27 июля российские газеты еще продолжали в весьма резких выражениях комментировать ситуацию вокруг австро-сербского конфликта. Некоторые из них («Свет», «Колокол», «Петербургский курьер», «Утро России») призывали правительство проявить твердость и в случае необходимости применить силу для защиты Сербии, рассчитывая при этом на полную и единодушную поддержку всего населения империи¹³². «Новое время» приходило к выводу, что за действиями Австро-Венгрии стоит Германия, и что только от Германии зависит мирное разрешение этого конфликта: «Германскому императору достаточно сказать два слова, и австро-венгерская дипломатия возьмет свою словесную ноту обратно»¹³³. Газета писала, что отказ Германии повлиять на своего союзника чреват самыми тяжелыми последствиями. Вновь подчеркивалось, что в случае агрессии Австро-Венгрии против Сербии, Россия не останется в стороне, а это повлечет за собой вступление в войну Германии, Франции и, может быть, Англии. В заключение, «Новое время» задавалось вопросом, стоит ли мир на пороге общеевропейской войны, и писало: «Ответ на этот основной вопрос, волнующий общественное мнение, надо искать в Берлине»¹³⁴. Провинциальные издания не отставали от столичных и требовали от царского правительства проявить твердость и, «в случае необходимости, с мечом выйти на защиту своих сербских братьев»¹³⁵.

«Хочет ли Германия войны?» – под таким заголовком 27 июля была опубликована статья в «Le Temps»¹³⁶. Газета заключала, что Австро-Венгрия не шла бы так открыто на обострение международной ситуации, составляя ультиматум в столь резких выражениях, отказываясь, несмотря на настояние России, продлить срок его действия, если бы за ней не

¹²⁹ Там же. Л. 77; Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 10. Л. 7.

¹³⁰ The Times. 1914, 25 Jul. P. 9.

¹³¹ Ibid.

¹³² АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476.1914 г. Д. 588. Л. 14–17.

¹³³ Новое время. 1914, 13 (26) июля. С. 4.

¹³⁴ Там же. 1914, 13 (26) июля. С. 4.

¹³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 10. Л. 13.

¹³⁶ Le Temps. 1914, 27 Juil. P. 1.

стояла Германия. По мнению «Le Temps», войны между Австро-Венгрией и Сербией миновать уже почти невозможно¹³⁷. В то же время, французские проправительственные газеты старались избегать излишне резких выпадов в отношении Германии, и их публикации отличались большой сдержанностью¹³⁸. Эта сдержанность официозных газет отчасти объяснялась нежеланием правительства навлечь на себя обвинения со стороны социалистов в вынашивании агрессивных замыслов, милитаризме. Подобные опасения были неслучайны.

Именно в эти дни просыпается интерес левых изданий к международной ситуации. Традиционно французские социалистические и анархистские газеты сравнительно мало внимания уделяли внешнеполитическим проблемам, в основном обращаясь к внутренним социальным, политическим и экономическим вопросам. Теперь, в последние дни июля 1914 года, они активно включились в комментирование обстановки на Балканах и вступили в полемику с официозными изданиями. «La Bataille Syndicaliste» и «L'Humanite» призывали французов выйти на антивоенные демонстрации, напоминая им об ужасах, с которыми сопряжена любая война¹³⁹. Анархистская «La Bataille Syndicaliste» в статье «Долой войну!» особенно подчеркивала, что во время этого кризиса со всей очевидностью проявилась противоположность интересов правящих классов и широких народных масс, что правительства великих держав проводят антинародную политику, сознательно толкая мир к войне¹⁴⁰. Так заявила о себе накануне начала боевых действий антивоенная оппозиция во Франции. Но важно отметить, что, в сущности, открыто против войны в тот момент выступили только левые издания, отстаивавшие свою традиционную пацифистскую и интернационалистскую точку зрения. Французское правительство с большим беспокойством следило за антивоенной социалистической пропагандой, опасаясь, что она может спровоцировать массовые выступления рабочих.

В английской прессе продолжалась активная полемика между либеральными и консервативными изданиями. О значении, которое придавалось русским правительством этой полемике, могут свидетельствовать регулярные донесения А. К. Бенкендорфа¹⁴¹. 26 июля он писал: «Я не наблюдаю никаких атак на принцип Тройственного согласия, которое воспринимается как данность. С другой стороны, большинство газет считают, что в данный момент Англия должна ограничиться ролью посредника. Трудно судить об общественном мнении, не опираясь на газеты. Пресса была застигнута врасплох, колеблется, однако воздерживается от прямой критики в адрес твердой позиции России»¹⁴². Изучая публикации в ведущих средствах массовой информации, русские дипломаты стремились оценить расстановку сил в английских правящих кругах, найти ключ к пониманию позиции британского правительства в случае резкого обострения обстановки на континенте.

Если обратиться к непосредственному изучению статей в английских средствах массовой информации, то в освещении австро-сербского конфликта внимание прессы было приковано к сербскому ответу на предъявленный ранее ультиматум. Консервативная печать указывала на беспрецедентную уступчивость сербского правительства. «The Times» писала, что в свете примирительности сербского ответа конфликт должен быть решен мирными

¹³⁷ Ibid

¹³⁸ Carroll M. E. Op. cit. P. 298.

¹³⁹ AN. F. 7. 13348. L'Humanite. 1914, 27 Juil.; Ibid. La Bataille Syndicaliste. 1914, 26 Juil., Ibid. 1914, 27 Juil.

¹⁴⁰ Ibid. La Bataille Syndicaliste. 1914, 26 Juil.

¹⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 378. Л. 84,125; Там же. Д. 9. Л. 20, 26.

¹⁴² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 378. Л. 84.

способами¹⁴³. В то же время газета с тревогой отмечала рост воинственных настроений в Вене и Берлине: «Атмосфера в обеих столицах напоминает ту, что царил в Париже в июле 1870»¹⁴⁴. В целом газета весьма пессимистически оценивала шансы на сохранение мира: с точки зрения «The Times», начала военных действий между двумя странами следовало ожидать в течение ближайших 7–10 дней¹⁴⁵.

Консервативные газеты особенно подчеркивали необходимость решительного вмешательства Англии в ситуацию на континенте. «The Times» писала, что до тех пор, пока существует надежда на сохранение мира, Англия сделает всё возможное для этого, но любая попытка пошатнуть баланс сил в Европе будет пресечена всею мощью империи, «это то, что наши интересы, наш долг, наша честь требуют от нас. Англия без колебаний ответит на их призыв»¹⁴⁶. В том же ключе комментировала обстановку на Балканах «The Morning Post». Она отмечала, что если Австро-Венгрия выступит в роли агрессора, то Англия не останется в стороне¹⁴⁷, и дело не в каких-то международных договорах, а в моральном долге: «Она не может молча смотреть на то, как одна стана провозглашает себя судьей, присяжным и палачом в одном лице»¹⁴⁸. Что касается либеральной прессы, то примирительный ответ Сербии, казалось, никак не поколебал ее позиций.

«The Standard» писала, что «конфликт должен быть локализован, так как вина всецело падает на Сербию, которая не согласилась на законные требования Габсбургской монархии»¹⁴⁹.

В целом в тот момент в Англии и Франции вопрос об их военном участии в австро-сербском конфликте ставился лишь в самых гипотетических формулировках отдельными, как правило, консервативными изданиями. Иначе обстояло дело в России. Здесь с самого момента опубликования австрийского ультиматума пресса практически единодушно встала на сторону Сербии и стала требовать от царского правительства самых решительных мер, вплоть до объявления всеобщей мобилизации, для противодействия притязаниям Австро-Венгрии. Принципиальным отличием публикаций российских газет от их английских и французских аналогов стало то, что они сразу заговорили о неизбежности и необходимости участия Российской империи в надвигающейся австро-сербской войне.

Чтобы объяснить подобную воинственность российских газет, необходимо обратиться к анализу особенностей восприятия международной ситуации правящими элитами Российской империи, сравнить их со взглядами английских и французских элит. В рассматриваемый период сообщения об ухудшающейся международной обстановке только начинали пробивать себе дорогу на первые полосы газет, основное внимание печати было по-прежнему сосредоточено на внутренних проблемах и скандалах. Можно заключить, что внешнеполитические проблемы продолжали оставаться предметом интереса лишь сравнительно узкой группы профессиональных дипломатов, политиков, журналистов и военных. Средства массовой информации в странах Антанты, комментируя нарастание

¹⁴³ Там же. Д. 10. Л. 13.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ The Times. 1914, 27 Jul. P. 7.

¹⁴⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 10. Л. 13.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 139. Оп. 476.1914 г. Д. 588. Л. 81.

¹⁴⁸ Там же. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 10. Л. 15.

¹⁴⁹ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 81; Там же. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 378. Л. 84.

международной напряженности, главным образом, отражали настроения различных групп политических элит, которые традиционно отвечали за формирование внешнеполитических курсов своих государств, отличались лучшей информированностью по сравнению с остальными социальными группами.

Это наблюдение подтверждается и характером источников, в которых содержатся более или менее детальные описания психологической атмосферы, установившейся в странах Антанты в начале Июльского кризиса. Помимо прессы, в основном они представляют собой воспоминания политиков и дипломатов, реже – представителей интеллигенции. Из них следует, что правящие элиты стран Антанты сначала не были настроены трактовать сараевское убийство как пролог к войне. Э. Грей вспоминал, что умеренность реакции австрийского правительства в первые недели июля внушала надежду, что спокойствие Европы не будет нарушено¹⁵⁰. С тревогой новость о покушении была воспринята в Петербурге¹⁵¹. Русское правительство опасалось, что новый кризис на Балканах будет использован Центральными державами для военного сведения счетов с Сербией, что ставило бы под удар позиции Российской империи в регионе. В то же время не стоит преувеличивать глубину этих опасений: отсутствие немедленного дипломатического демарша Австро-Венгрии в связи с убийством Франца Фердинанда вселило в сердца современников уверенность, что этот инцидент будет преодолен дипломатическими средствами.

На наш взгляд, следует с большим скепсисом относиться к заявлениям отдельных политиков (например, П.Н. Милюкова) о том, что они уже в конце июня предвидели перерастание австро-сербского конфликта в войну¹⁵². В подобных заявлениях скорее видится стремление а posteriori убедить читателя в своей политической дальновидности и мудрости, а не описание непосредственного опыта очевидца тех событий.

Слухи о готовящемся демарше Австро-Венгрии против Сербии стали доходить до политиков стран Антанты ближе к концу июля. Английский историк Дж. Джолл указывает, что в России сумели к тому моменту взломать шифр, использовавшийся Веной для контактов с посольством в Петербурге, и потому русские дипломаты были в курсе австрийских планов¹⁵³. Советские исследователи считали, что и английский Форин Офис заранее знал о подготовке Австро-Венгрией, поощряемой Берлином, жесткого ультиматума Сербии¹⁵⁴. Действительно, 22 июля 1914 года русский посол в Лондоне докладывал в Петербург о своем разговоре с Э. Греем, который, признавая, что не располагает никакой конкретной информацией касательно австрийской ноты, выражал серьезную обеспокоенность в связи с возможными последствиями этого демарша.

О содержании австрийских требований в европейских кабинетах узнали утром 24 июля¹⁵⁵. Для правящих элит стран Антанты настало время мучительных сомнений и колебаний, когда со всей очевидностью проявилось как взаимное недоверие, отличавшее отношения между участниками этого блока, так и принципиальная разница в понимании ими своих государственных интересов и оценке ими ситуации на Балканах.

¹⁵⁰ Grey E. *Twenty-five Years, 1892–1916*. Vol. 2. London, 1935. P. 153.

¹⁵¹ Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961. С. 179–180.

¹⁵² Милюков П. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 473.

¹⁵³ Joll J. *Op. cit.* P. 12.

¹⁵⁴ Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 165.

¹⁵⁵ Nomicos E. V., North R. C. *Op. cit.* P. 79.

Так, австрийский демарш поставил царское правительство перед сложнейшей дилеммой. С одной стороны, летом 1914 года Россия не была готова к войне и потому совершенно ее не хотела. В интересах империи было бы оттянуть начало военных действий на 3–4 года, чтобы ее масштабные программы перевооружения и реорганизации армии и флота были в общих чертах завершены¹⁵⁶. К этому курсу толкал царское правительство и страх перед внутренними социальными конфликтами: Русско-японская война 1904–1905 годов наглядно показала тесную связь между войной и революцией¹⁵⁷. С другой стороны, ряд факторов принуждал Россию занять жесткую позицию в отношении Центральных держав ввиду австрийского ультиматума. Для коллективной самоидентификации российской политической элиты были характерны устойчивые представления о России как покровительнице славянских народов на Балканах и об этом регионе как средоточии ее геополитических амбиций и интересов. Поэтому для царского режима новый международный кризис сразу поставил вопрос о необходимости и неизбежности войны с Центральными державами, второй «дипломатической Цусимы» империя вынести не могла. К тому же, политическая культура того времени и характер межгосударственных отношений напрямую связывали жизнеспособность государств с их готовностью силой отстаивать свои интересы¹⁵⁸.

Царское правительство опасалось, что, не оказав оно решительного сопротивления притязаниям Центральных держав летом 1914 года, Англия и Франция могли разочароваться в России как в союзнике и взять курс на пересмотр отношений внутри Антанты¹⁵⁹. Именно эти коллективные представления, характерные не только для правящих элит, но и для широких кругов российской интеллигенции, обусловили резкий и воинственный тон печати в отношении Австро-Венгрии в начале Июльского кризиса 1914 года. Сложно однозначно сказать, какие цели преследовали авторы алармистских публикаций: стремились ли они тем самым оказать сдерживающее воздействие на венских политиков или на первый план уже выходили задачи моральной подготовки общества к перспективе скорой войны. Нам представляется наиболее вероятным, что имело место сочетание и взаимное дополнение этих импульсов.

Во многом схожие опасения относительно действий партнеров по блоку и будущего Антанты обуревали и французских, и английских дипломатов. Французские политические лидеры считали, что Россия может разочароваться во франко-русском союзе, если в этот раз Франция не поддержит ее в конфликте с Австро-Венгрией¹⁶⁰. Одновременно, французские правящие круги прекрасно осознавали, что Россия будет вынуждена так или иначе вмешаться в новый австро-сербский конфликт и видели в этом прекрасную возможность для реализации своих внешнеполитических замыслов, которые сводились к военному разгрому Германии, невозможному без опоры на военную мощь Российской империи. В основе мировоззрения французской правящей элиты лежали глубоко укоренившиеся представления о необходимости радикального ослабления Германской империи для обеспечения безопасности восточных границ Франции; о перманентной угрозе, исходящей от

¹⁵⁶ Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны, 1908–1914. М., 1962. С. 192–193.

¹⁵⁷ Lieven D. *Russia, Europe and World War I // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921.* London, 1997. P. 42.

¹⁵⁸ Ibid. P.43.

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ Mulligan W. Op. cit. P. 219.

экспансионистского внешнеполитического курса Германии, подкрепленного военным и экономическим потенциалом этой страны. В сложившейся в июле 1914 года ситуации Франция гарантированно могла рассчитывать на вооруженное вмешательство России в случае франко-германского конфликта. Поэтому все усилия французских дипломатов, политиков и военных в тот период были направлены на поощрение жесткой линии царского правительства в отношении Австро-Венгрии и Германии, предоставление ему гарантий военной поддержки со стороны Франции¹⁶¹, что в определенной мере отразилось в публикациях официозных и консервативных изданий. Хотя в первые дни после опубликования ультиматума официальная позиция французского правительства отличалась пассивностью и неясностью¹⁶² (президент и глава правительства еще не вернулись из своего морского путешествия в Петербург и поддерживали связь с Парижем исключительно посредством телеграфа)¹⁶³, курс на полную (в том числе и военную) поддержку Российской империи был уже принят¹⁶⁴.

Этой политике противостояла сильная оппозиция, представленная главным образом французскими социалистами и анархистами. Они также признавали глубину франко-германских противоречий, но предлагали иной, мирный, способ их разрешения, основанный на интернационалистских идеях и ценностях. Впрочем, левые не были едины во взглядах на практические формы реализации интернационалистских постулатов, что ослабляло антивоенную оппозицию. Несмотря на это, правящие элиты вынуждены были учитывать опасность внутренних потрясений, спровоцированных левыми, опиравшимися на поддержку организованных рабочих, поэтому военные приготовления проводились без лишней огласки.

Большим своеобразием отличалась позиция Англии. В Форин Офис, кабинете министров и парламенте существовали разные, подчас диаметрально противоположные, взгляды на место Англии в системе международных отношений вообще и внутри Антанты в частности. С одной стороны, целый ряд видных сотрудников Форин Офис выступал за всемерное сближение с Россией и Францией и необходимость их решительной поддержки в разразившемся кризисе. В эту группу мы бы отнесли, прежде всего, постоянного помощника министра иностранных дел Великобритании А. Никольсона и посла в Петербурге Дж. Бьюкенена. С другой стороны, против подобного курса открыто выступила часть министров, английские радикалы и лейбористы в парламенте. Для них были характерны устойчивые представления об угрозе, исходившей от самодержавной России, которая представлялась им агрессивным авторитарным государством с непредсказуемой и коварной внешней политикой¹⁶⁵. Их взгляды были широко представлены в публикациях ряда либеральных и лейбористских изданий. Иными словами, речь шла о принципиально различном понимании разными группами английской политической элиты государственных интересов Великобритании и способов их достижения. К тому же, австро-сербский конфликт не нес для

¹⁶¹ Сергеев Е. Ю., Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 340.

¹⁶² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 378. Л. 58.

¹⁶³ Joll J. Op. cit. R16–17.

¹⁶⁴ Mulligan W. Op. cit. P. 219.

¹⁶⁵ AMAE. Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Grande Bretagne. Vol. 22. P. 165–166, 174–176; The Contemporary Review. Vol. 105. 1914, June. P. 868–869; Riddell G. The Riddell Diaries, 1908–1923. London, 1986. P. 87; Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны, 1908–1914. М., 1962. С. 226; Сенокосов А. Г. Указ. соч. С. 238; Hazlehurst C. Politicians at War. July 1914 to May 1915. London, 1971. P. 33–34.

Англии того ценностного, мировоззренческого «заряда», который он имел для элит Российской империи. Коллективным ценностям, лежавшим в основе самоидентификации английской правящей элиты, были чужды представления об ответственности Англии за судьбу той же Сербии, она могла совершенно безболезненно пожертвовать сербскими интересами во имя локализации конфликта. Это ни в коей мере не могло дестабилизировать внутривластительное положение в стране или подорвать легитимность правительства, чего нельзя было сказать о любой попытке открыто солидаризироваться с жесткой позицией Российской империи.

Глава Форин Офис Э. Грей накануне войны лавировал между этими двумя тенденциями, оттягивая момент формулирования официальной позиции британского правительства в отношении событий на континенте. Эта политика, равно как и его действия во время Июльского кризиса, отнюдь не были обусловлены каким-то особым «пацифизмом»¹⁶⁶, а объяснялись политическим расчетом и соображениями партийной борьбы. Если сам Э. Грей считал участие Англии в войне на континенте на стороне Антанты практически неизбежным¹⁶⁷, то он также ясно понимал, что открытая поддержка России и Франции в период Июльского кризиса означает неминуемый раскол Кабинета и правительственный кризис в момент, когда от страны требуется единство и сплоченность. Именно эти опасения скрывались за выжидательной позицией главы Форин Офис в период Июльского кризиса и его постоянными ссылками на настроения английского общества в разговорах с представителями иностранных держав.

Эта тактика со всей очевидностью проявилась уже 24 июля 1914 года, когда С.Д. Сазонов пригласил английского и французского послов, чтобы обсудить с ними сложившуюся ситуацию и прояснить позиции их правительств. Он отметил совершенно неприемлемый для дипломатического документа тон австрийской ноты и подчеркнул, что сама Австро-Венгрия никогда бы не решилась на подобную акцию без поддержки со стороны Германии. В этой связи русский министр иностранных дел обратился к послам с вопросом, может ли Россия в сложившейся ситуации рассчитывать на своих партнеров по Антанте¹⁶⁸. Французский посол М. Палеолог поспешил заверить С.Д. Сазонова, что французское правительство готово до конца выполнить свои обязательства, предусмотренные русско-французским союзом. Английский посол Дж. Бьюкенен был гораздо более сдержан и осторожен в своих высказываниях¹⁶⁹. Сославшись на английское общественное мнение, которое не поддержит вступление страны в войну из-за австро-сербского конфликта, не имеющего прямого отношения к интересам Великобритании, он заявил, что его правительство может оказать лишь дипломатическую поддержку своим партнерам по Антанте¹⁷⁰.

Одновременно наравне с отмеченными различиями в коллективных ценностях и способах самоидентификации в рассматриваемый период проявилась и фундаментальная близость мировоззренческих установок, объединявшая правящие элиты всех трех стран Антанты. К ним следует отнести широко распространенные и устойчивые представления о сущности великодержавного статуса и способах его поддержания. В частности, убеждение в

¹⁶⁶ Medlicott W.N. *Contemporary England, 1914–1964*. New York, 1967. P. 11.

¹⁶⁷ Grey E. *Twenty-five Years, 1892–1916*. Vol. 2. London, 1935. P. 157; Steiner Z.S. *Britain and the Origins of the First World War*. Basingstoke, 1977. P. 220.

¹⁶⁸ Buchanan M. *La dissolution d'un empire*. Paris, 1933. P. 100.

¹⁶⁹ Buchanan G. *My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs*. Vol. 1. London, 1923. P. 190.

¹⁷⁰ *Ibid.*

том, что война является не только возможным, но и наиболее удобным средством решения накопившихся противоречий, а готовность применить военную силу – главным показателем соответствия того или иного государства статусу великой державы. Несмотря на колебания общественного мнения и наличие антивоенной оппозиции, и в Англии, и в России, и во Франции уже тогда, 25–28 июля 1914 года, политическое руководство развернуло активную тайную дипломатическую и военную подготовку к войне. Мы склонны считать, что даже инициаторы мирных переговоров и поиска дипломатического выхода из сложившейся ситуации – глава русского МИДа С.Д. Сазонов и его английский коллега Э. Грей – сомневались в конечном успехе предпринимаемых ими усилий. Эти предложения по урегулированию конфликта выдвигались на фоне не прекращавшихся лихорадочных военных приготовлений во всех великих державах и преследовали двойную цель: выиграть драгоценное время, особенно нужное Антанте, учитывая разницу в темпах мобилизации русской армии с одной стороны, и германской – с другой; продемонстрировать миролюбие и уступчивость, чтобы заручиться общественной поддержкой внутри своих стран и ослабить тем самым влияние антивоенных кругов¹⁷¹.

К 29 июля в странах Антанты был уже предпринят целый ряд подготовительных военных мер. 27 июля объявлена частичная мобилизация в России, из Франции поступали постоянные подтверждения ее готовности выполнить свой союзнический долг¹⁷², подкрепленные усилением охраны мостов и железных дорог и наблюдением за границей, отменой увольнительных в армии¹⁷³. В Англии 26 июля по инициативе морского министра У. Черчилля были приняты решения о концентрации флота, который после маневров не распускался по базам мирного времени, были отменены отпуска¹⁷⁴. 28 июля У. Черчилль отдал распоряжение о переводе английского флота из Портленда на военно-морскую базу в Скапа-Флоу¹⁷⁵, операция проходила ночью в строжайшей тайне. Этот приказ был одобрен премьер-министром Г. Асквитом, который, однако, не стал сообщать о нем остальным членам Кабинета, опасаясь его раскола¹⁷⁶.

Если правящие элиты стран Антанты сравнительно быстро осознали угрозу, исходившую от нового обострения обстановки на Балканах, то этого нельзя было сказать о широких слоях городских и сельских обывателей, которые мало интересовались международными кризисами и совсем не ожидали скорого начала общеевропейской войны.

Лето 1914 года выдалось солнечным и жарким, все, кто мог, спешили разъехаться по курортам, на море, в горы или просто за город¹⁷⁷. Остальные были погружены в свои повседневные заботы. Крестьяне готовились к сбору урожая, который в этом году обещал

¹⁷¹ Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта. 1898–1914. М., 2008. С. 273–274.

¹⁷² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 372. Л. И.

¹⁷³ Там же. Л. 31; Joll J. Op. cit. P. 17.

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 372. Л. 13; Gilbert M. Churchill: A Life. London, 1992. P. 266; Романова Е.В. Указ. соч. С. 286.

¹⁷⁵ Военно-морская база в Скапа-Флоу, Шотландия, имела удобную, отлично защищенную гавань и играла большую роль в английской морской доктрине. Флот, находящийся в Скапа-Флоу, контролировал Северное море и должен был запретить в гаванях немецкий Флот Открытого Моря.

¹⁷⁶ Nomicos E. V., North R. C. Op. cit. P. 140.

¹⁷⁷ Buchanan M. Op. cit. P. 101; Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. London, 1989. P. 55; McMillan J. Op. cit. P. 15.

быть особенно хорошим; городские жители с интересом следили за светскими скандалами. В идиллических красках описывал последнее предвоенное лето английский журналист Ф. Гиббс: «В Европе, до того как всё это (т. е. война. – *Н.Ю.*) началось, в умах людей царил мир... В Англии это ощущение мира, как я помню, было особенно сильным. Его едва ли нарушали в широких массах населения хоть какие-то проблемы. Были неприятности в Ирландии. Они всегда там были. Страшно докучали суфражистки. Частыми и раздражающими были стачки. Но старый распорядок английской жизни шел своим чередом, безмятежный, спокойный, наполненный чувством абсолютной безопасности»¹⁷⁸.

Новость об убийстве Франца Фердинанда действительно стала сенсацией, но отнюдь не воспринималась широкими слоями населения как событие, способное поколебать европейский мир¹⁷⁹. Это был просто очередной политический, светский скандал, к которым тогда успели привыкнуть¹⁸⁰. Вновь сошлемся на Ф. Гиббса: «Австрийский эрцгерцог был убит в каком-то месте, со странным, чужеземным названием. Ужасно, нет сомнений. Но какое отношение это имело к Джону Смиту, поливающему цветы в своем загородном саду, или к миссис Смит, укладывающей ребенка спать?»¹⁸¹.

К тому же, эта новость достаточно быстро сошла с первых полос газет и скоро забылась. Именно поэтому, на наш взгляд, известие об австрийском ультиматуме Сербии стало шоком для современников. Впрочем, в этом отношении, даже в рамках Антанты, ситуация отличалась от страны к стране. Так, говоря о широких слоях населения Российской империи, справедливым представляется замечание, сделанное П.Н. Милюковым: «Набросанная нашим поэтом картина – в столицах “тремят витии”, а в глубине России царит “вековая тишина” – эта картина оставалась верной»¹⁸². Учитывая низкий уровень грамотности населения империи, влияние газетных кампаний, в том числе алармистских публикаций во время Июльского кризиса, ограничивалось сравнительно небольшой читательской аудиторией. Таким образом, еще до начала войны в России обозначились объективные препятствия к складыванию некоего единого представления о войне, общей военной культуры. Отношение деревни к грядущей войне оставалось для современников, в том числе для правящих кругов, полной загадкой.

События Июльского кризиса вызвали более активную реакцию со стороны городских и сельских обывателей во Франции, о чем позволяют судить материалы средств массовой информации и документы французского МВД. В частности, публикации социалистических и анархистских газет содержат ценную информацию о различных функциональных проявлениях настроений современников. При этом левые издания отнюдь не ограничивались освещением «удобных» для них фактов, как то: резолюций различных профсоюзов с осуждением политики великих держав¹⁸³ или статей об антивоенных митингах в Париже¹⁸⁴. Они также с сожалением констатировали наличие националистических,

¹⁷⁸ Gibbs P. Ten Years After: A Reminder. London, 1924. P. 9–10.

¹⁷⁹ Becker J.-J. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 35–36; Keiger J.F.V. Britain's "Union Sacrée" in 1914 // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P.40.

¹⁸⁰ Steiner Z.S. Op. cit. P.216.

¹⁸¹ Gibbs P. Op. cit. P. 12.

¹⁸² Милюков П. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 481.

¹⁸³ AN. F. 7.13348. La Bataille Syndicaliste. 1914, 27 Juil.

¹⁸⁴ Ibid. La Bataille Syndicaliste. 1914, 27 Juil.; Ibid. L'Humanite. 1914, 28 Juil.

реваншистских манифестаций, проходивших под лозунгами: «На Берлин!», «Да здравствует армия!», «Да здравствует война!»¹⁸⁵. О постепенном распространении среди населения Третьей республики представлений о возможности скорой войны докладывали префекты отдельных департаментов¹⁸⁶. Хотя они утверждали, что подобная перспектива воспринимается населением достаточно спокойно¹⁸⁷, отмечались и участившиеся случаи изъятия населением средств из сберегательных касс¹⁸⁸, антивоенные манифестации, организованные социалистами¹⁸⁹.

В то же время, на наш взгляд, не стоит преувеличивать значение или репрезентативность зафиксированных националистических и наоборот, антимилитаристских, выступлений. В эти дни демонстрации еще не приобрели массовости или широкого распространения. Можно предположить, что в них участвовали, с одной стороны, левые активисты и рабочие, составлявшие традиционную опору социалистов, с другой – активисты различных патриотических организаций, роялисты и националисты. Что важно, и что, несомненно, выглядело весьма обнадеживающим для правящих кругов Франции, так это сравнительное спокойствие широких слоев населения. Можно привести много догадок, объясняющих подобную реакцию современников, но, на наш взгляд, особую роль сыграли несколько факторов. Во-первых, люди той эпохи успели привыкнуть к воинственной риторике в прессе. В большей или меньшей мере осознавая опасность сложившейся международной обстановки, они всё же сохраняли веру в то, что и на этот раз гроза минует, что и этот кризис будет решен в рамках дипломатических переговоров. Во-вторых, мы считаем, что спокойствию французов в те дни способствовали сами обстоятельства очередного обострения отношений между великими державами: участие Франции в войне с Германией из-за событий в Сараево казалось чем-то неправдоподобным.

Еще более абсурдной идея участия страны в войне из-за такого повода представлялась жителям Британских островов. Традиционно погруженные во внутренние проблемы и мало интересовавшиеся перипетиями борьбы великих держав, англичане лишь постепенно и без особого энтузиазма вникали в причины европейского кризиса.

Как показал анализ реакции современников на события Июльского кризиса, общества стран Антанты в целом были застигнуты им врасплох. Но следует сразу сделать несколько оговорок. На наш взгляд, большую роль сыграло то обстоятельство, что кризис, буквально взорвавший международные отношения после опубликования австрийского ультиматума Сербии и повергший современников в состояние растерянности, разразился из-за уже полузабытого к тому моменту убийства австрийского эрцгерцога.

Одновременно тот факт, что правители Австро-Венгрии и Германии схватились за это убийство и решились именно в июле 1914 года пойти до конца, рискуя развязать общеевропейскую войну, а их коллеги в странах Антанты с готовностью «поддержали» этот курс, многое говорит как об экономическом перенапряжении великих держав, спровоцированном гонкой вооружений, так и о политической культуре, мировоззрении и коллективных представлениях их лидеров того времени.

¹⁸⁵ Ibid. La Bataille Syndicaliste. 1914, 27 Juil.

¹⁸⁶ AN. F. 7.12934. Haute-Saône. 1914, 26 Juil.

¹⁸⁷ Ibid. Dijon. 1914, 27 Juil.; Ibid. Aube. 1914, 28 Juil.; Ibid. Rhone. 1914, 28 Juil.; Ibid. Gard. 1914, 28 Juil.

¹⁸⁸ Ibid. Dijon. 1914, 27 Juil.; Ibid. Doubs. 1914, 28 Juil.; Ibid. Aube. 1914, 28 Juil.; Ibid. Vesoul. 1914, 28 Juil.; Ibid. Luneville. 1914, 28 Juil.

¹⁸⁹ Ibid. Vannes. 1914, 28 Juil.; Ibid. Dijon. 1914, 28 Juil.

Действительно, если политики и дипломаты Антанты и не ожидали подобного поворота событий летом 1914 года, то они уже в первые дни после опубликования австрийского ультиматума приняли решение не отступить и пойти на риск полномасштабного вооруженного столкновения. В этом отношении их реакция разительно отличалась от настроений широких масс населения Великобритании, Франции и России. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что во время Июльского кризиса ни в одной из стран Антанты не наблюдалось сколько-нибудь массовых провоенных демонстраций. Удивление, шок, растерянность – вот какими словами можно описать настроения современников. И всё же было бы ошибкой сводить реакцию обществ стран Антанты на события Июльского кризиса только к шоку и растерянности. Июльский кризис привел к тому, что международная ситуация стала предметом самого широкого обсуждения, перед всеми европейскими обществами встали проблемы переосмысления основ своей коллективной самоидентификации.

§ 2. Складывание общественного консенсуса по вопросу о войне

28 июля 1914 года последовало объявление Австро-Венгрией войны Сербии, последние надежды на мирное урегулирование конфликта между двумя странами рухнули, началась Первая мировая война. Именно 28 июля происходит своеобразный перелом в восприятии международной ситуации населением Англии и Франции. На повестку дня встал вопрос об участии этих стран в общеевропейской войне, с этого момента международный кризис перестал быть делом одних только правящих элит, он практически полностью заслонил собой все прежние социальные, экономические и внутривнутриполитические проблемы и разногласия. Во всех странах Антанты началась судорожная, иногда непоследовательная, но всё более набиравшая оборот пропагандистская кампания в прессе, имевшая целью мобилизовать моральные ресурсы наций, призвать их к единству перед лицом внешней угрозы.

Особенно ярко это проявилось в тот момент в России, где большинство средств массовой информации заняли воинственную позицию по отношению к Австро-Венгрии и требовали от царского правительства самых решительных мер для защиты Сербии¹⁹⁰. Конечно, не все газеты однозначно разделяли подобный энтузиазм. Перспектива войны пугала очень многих наблюдателей. 30 июля 1914 года в день объявления всеобщей мобилизации в России газета «Современное слово» писала: «Даже эпоха наполеоновских войн не дает и приблизительного представления о бедствиях, грозящих обрушиться на человечество XX века»¹⁹¹. О надеждах на мир, в тот момент уже совершенно несбыточных, писали провинциальные газеты в Киеве, Смоленске, Воронеже, Прибалтийском крае¹⁹². Но преувеличивать распространенность подобных воззрений не стоит, тем более нельзя говорить о существовании в русской печати оформленной и влиятельной оппозиции войне. Даже газеты, выражавшие похожие настроения, заключали, что в сложившейся ситуации империя обязана защитить с оружием в руках свои честь и достоинство, которым бросили вызов Центральные державы¹⁹³. Тем более что эти скромные призывы к умеренности быстро потонули в потоке воинственных и патриотических статей, последовавшем за

¹⁹⁰ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 23–29; Новое время. 1914, 15 (28) июля. С. 4; Там же. 1914, 18 (31) июля. С. 3; Там же. 1914, 19 июля (1 августа). С. 1; Московские ведомости. 1914, 17 (30) июля. С. 1.

¹⁹¹ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 23.

¹⁹² Там же. Л. 30.

¹⁹³ Там же. Л. 23.

объявлением 1 августа 1914 года Германией войны России.

Если в Российской империи фактически не было публичной оппозиции войне, то во Франции ситуация обстояла сложнее. Здесь новость о начале войны заставила прессу окончательно расстаться с мыслью о возможности примирения между Сербией и Австро-Венгрией. Это известие породило новую волну публикаций, в которых подчеркивалось единство Антанты и стремление держав, в нее входящих, сделать всё возможное для сохранения мира¹⁹⁴. Официозным газетам мало было показать агрессивность политики Австро-Венгрии, подстрекаемой Германией, важно было продемонстрировать, что Антанта, со своей стороны, до самого последнего момента боролась за мир, что все возможности для переговоров исчерпаны. Таким образом, создавалось моральное оправдание участия Франции в войне, необходимое для борьбы с антивоенной риторикой социалистических изданий. «Le Temps» писала: «Что... предпримет Германия? Мы не знаем. Мы уверены только в том, что и Франция, и Англия, равно как и Россия, делают всё возможное, чтобы не допустить углубления кризиса... Тройственная Антанта едина и полна решимости. Она отдала все свои силы служению миру. Она отдаст все силы войне, если та будет ей навязана»¹⁹⁵.

Именно на Германию возводились все обвинения в развязывании войны, французская пресса однозначно усматривала в действиях Австро-Венгрии руку и волю Берлина¹⁹⁶. По мнению «Le Temps», Германия сознательно отрицала угрозу, которую представляли для европейской стабильности действия Австро-Венгрии, утверждая, что австро-сербский конфликт имеет локальный характер и потому, якобы, не нуждается во вмешательстве других держав¹⁹⁷. Газета приходила к выводу, что «если завтра мир в Европе будет нарушен, вся ответственность за пролитую кровь падет исключительно на Германскую империю»¹⁹⁸. Со схожими обвинениями выступила газета «Le Petit Parisien»¹⁹⁹. Официозные газеты теперь писали о войне и об участии в ней Франции как о неизбежном следствии агрессивной политики Германии²⁰⁰, при этом стараясь заверить читателей, что в сложившихся обстоятельствах решительный перевес сил находится на стороне Антанты²⁰¹.

Особенно хотелось бы отметить одно обстоятельство: крупнейшие французские издания даже не ставили вопрос о том, должна ли Франция поддержать Россию, выполнить свои союзнические обязательства – это воспринималось как нечто само собой разумеющееся. В этой связи посол в Париже А.П. Извольский с нескрываемым удовлетворением доносил в Петербург: «Занятое французской печатью твердое положение продолжается. Она очень строго отзывается об австрийском нападении и о видимом соучастии Германии и без всяких колебаний сознает, что это нас задевает, и что мы не сможем остаться безучастными. Что

¹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 80, 82; Carroll M. E. Op. cit. P. 298–303.

¹⁹⁵ Le Temps. 1914, 30 Juil. P. 3.

¹⁹⁶ Ibid. 1914, 31 Juil. P. 1; Ibid. 1914, 1 Aout. P. 1; Le Figaro. 1914, 29 Juil. P. 1; Ibid. 1914, 31 Juil. P. 1.

¹⁹⁷ Le Temps. 1914, 1 Aout. P. 1.

¹⁹⁸ Ibid. 2 Aout. P. 1.

¹⁹⁹ Le Petit Parisien. 1914, 4 Aout. P. 1.

²⁰⁰ Le Figaro. 1914, 31 Juil. P. 1.

²⁰¹ Carroll M. E. Op. cit. P. 301–303.

касается солидарности с нами, то этот вопрос даже не подвергается подробным обсуждениям, как совершенно очевидный. В этом смысле выражаются все журналисты, в том числе такие крупные личности, самых разнообразных партий, как Пишон, Клемансо, и даже Жорес и инициатор антимилитаризма Эрве²⁰²,²⁰³.

Характерно, что русский посол забыл упомянуть в своем донесении о взглядах тех французских социалистов, которые продолжали отстаивать антивоенные, пацифистские ценности. В этот период (с 28 июля по 3 августа 1914 года, с начала австро-сербской войны и до нападения Германии на Францию) левые издания, как социалистические, так и анархистские, использовали всё свое красноречие и влияние, чтобы организовать массовые антивоенные демонстрации ²⁰⁴. Впрочем, их позиции и аргументация значительно различались.

Социалистическая «L'Humanité» на своих страницах трактовала причины начавшейся войны с точки зрения классово-борьбы. Она считала, что в основе разразившегося конфликта лежат империалистические и колониальные противоречия между правящими классами великих держав²⁰⁵. По ее мнению, французские социалисты и пролетариат должны решительно выступить против войны. Однако газета отнюдь не склонна была в тот период критиковать собственное правительство: «L'Humanité» высоко оценивала его усилия, направленные на мирное урегулирование австро-сербского конфликта и призывала продолжать оказывать сдерживающее влияние на Россию²⁰⁶.

Большой радикальностью отличались статьи анархистской «La Bataille Syndicaliste». Прежде всего, она обрушилась с критикой на политику России и лично на Николая II, назвав его не только посредственным политиком, окруженным бездарными советниками, но и просто варваром, от решений которого, в силу трагического стечения обстоятельств, зависит теперь судьба цивилизованной Европы²⁰⁷. Одновременно газета резко осудила действия французского правительства. «La Bataille Syndicaliste» писала, что в обществе нарастает напряжение и тревога, люди не хотят и боятся войны, если правительство вступит в войну, это будет означать предательство народных интересов. Она задавалась вопросом: какое вообще отношение имеет австро-сербская ссора к Франции²⁰⁸?

Таким образом, накануне войны французские левые продолжали, пусть и не всегда последовательно, отстаивать антимилитаристские и интернационалистские ценности. Но важно подчеркнуть, что при этом социалисты избегали нападок на правительство, проявляли большую сдержанность в оценках и, в сущности, разделяли тезис буржуазных газет о миролюбии Франции. Анархисты шли дальше, говорили о предательстве народных интересов правящими классами. Однако подобная риторика не находила в тот момент широкой поддержки в массах: анархисты продолжали оставаться маргинальной и сравнительно небольшой социальной группой. Умеренная позиция социалистов, по сути, не противоречила пропагандистским усилиям проправительственных газет, также способствуя

²⁰² В оригинале – «Гервэ» (прим. Н. Ю.).

²⁰³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 378. Л. 195.

²⁰⁴ AN. F. 7. 13348. L'Humanité. 1914, 29 Juil.; Ibid. La Bataille Syndicaliste. 1914, 29 Juil.

²⁰⁵ Ibid. L'Humanité. 1914, 30 Juil.

²⁰⁶ AN. F. 7.13348. L'Humanité. 1914, 30 Juil.

²⁰⁷ Ibid. La Bataille Syndicaliste. 1914, 30 Juil.

²⁰⁸ Ibid.

утверждению идеи о непричастности Франции к разгоравшейся войне.

1 августа 1914 года во Франции был опубликован приказ о всеобщей мобилизации²⁰⁹. Крупнейшие газеты приняли его с искренним воодушевлением. «Le Figaro» указывала, что Франция мобилизует свои армии не из-за австро-сербского конфликта, а для того, чтобы выполнить слово, данное своему великому союзнику. При этом она особенно подчеркивала, что и самой Франции брошен прямой вызов врагом, хитрым, гордым и коварным, который вынашивал этот план в течение 40 лет²¹⁰. Так на страницах печати зазвучал, пусть и в завуалированной форме, мотив реванша за поражение в войне 1870–1871 годов.

То, что даже консервативные газеты не спешили в тот момент открыто разжигать шовинистические и реваншистские настроения в обществе, объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, речь идет о самоцензуре. Как мы отмечали выше, французские журналисты пропагандировали идею о миролюбии своего правительства, его искреннем стремлении решить новый международный кризис мирными средствами. Реваншистские призывы были поэтому совершенно неуместны. Во-вторых, эта самоцензура получила 31 июля 1914 года формальное подтверждение: комитет профсоюза парижской прессы постановил, что все газеты должны максимально сдержанно и осторожно комментировать любые новости, касающиеся сложившейся международной обстановки²¹¹. В-третьих, мы бы предположили, что в откровенно реваншистских публикациях просто не было необходимости. Французы поколения 1914 года прекрасно знали, кто является их главным потенциальным врагом, накануне Первой мировой войны это не было тайной, как показала уже полемика вокруг закона о трехлетней службе в армии²¹².

«La Bataille Syndicaliste» из последних сил цеплялась за идею, что еще не всё потеряно, что мобилизация не означает войны, и согласованные действия пацифистов удержат Францию от вступления в нее²¹³. Вряд ли можно назвать подобные надежды хоть сколько-нибудь обоснованными: в той взрывоопасной атмосфере, что характеризовала международные отношения в начале августа 1914 года, объявление всеобщей мобилизации означало лишь одно – войну. И 3 августа 1914 года она докатилась и до Франции.

3 августа «Le Temps» сообщила о нападении Германии, без объявления войны, на Францию²¹⁴. С этого момента французские газеты уже не испытывали нужды искать какие бы то ни было аргументы, обосновывавшие необходимость для Франции вступить в войну на стороне России и Сербии. «Le Temps» писала, что эта война была навязана Франции, и та теперь вынуждена сражаться не только за «свое великое будущее, но за само свое существование»²¹⁵. Еще большей эмоциональностью отличались в тот момент статьи «Le

²⁰⁹ Приказ был опубликован 1 августа 1914 года во второй половине дня, официальным днем начала мобилизации объявлялось 2 августа.

²¹⁰ Le Figaro. 1914, 2 Aout. P. 1.

²¹¹ Le Temps. 1914, 1 Aout. P. 2.

²¹² Ibid. 1913, 21 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 23 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 26 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 28 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 7–28 Mars. P. 2; Le Matin. 1913, 21 Fev. P. 3; Ibid. 1913, 28 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 6–31 Mars. P. 3; Le Figaro. 1913, 16 Fev. P. 2; Ibid. 1913, 25 Fev. P. 1; Ibid. 1913, 3–25 Mars. P. 1; Michon G. La preparation a la guerre. La Loi de trois ans, 1910–1914. Paris, 1935. P. 137–138.

²¹³ AN. F. 7.13348. La Bataille Syndicaliste. 1914, 1 Aout.

²¹⁴ Le Temps. 1914, 3 Aout. P. 1.

²¹⁵ Le Petit Parisien. 1914, 3 Aout. P. 1.

Matin»²¹⁶. С особой гордостью главные французские газеты писали об отношении к мобилизации и войне в целом широких слоев населения Франции. Приведем цитату из «*Le Figaro*» от 3 августа 1914 года: «Каждый француз в данный момент является точным и абсолютным воплощением своей расы, со всеми присущими ей инстинктами, страстями и надеждами... Как будто вся нация двинулась на агрессора»²¹⁷.

Средства массовой информации со своей стороны сделали всё возможное в столь сжатый срок для того, чтобы мобилизовать моральные ресурсы нации. Ключевыми элементами этих пропагандистских усилий были идеи о миролюбии Франции и, как следствие, неспровоцированности агрессии Германии против нее, с одной стороны, а с другой – подчеркивание особого, цивилизационного характера нового конфликта. Уже в первые дни августа 1914 года в прессе активно пропагандировалась идея, что Франция не просто поддерживает союзника или защищает свою территорию, но что она является защитницей права, справедливости и европейской цивилизации перед лицом германского варварства²¹⁸.

В целом материалы прессы отразили складывание во Франции в начале августа 1914 года национального консенсуса по вопросу о войне, но необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, как мы отмечали выше, газеты в тот момент скорее призывали французов к единению, чем описывали его конкретные проявления. Из этого не следует, что пресса была совершенно оторвана от общества. По меньшей мере, ее данные говорят о складывании консенсуса среди представителей интеллектуальной элиты страны, на чьи плечи легла задача объяснения целей войны остальному населению. Таким образом, войну, еще до ее начала, приняли не только политики, военные и дипломаты, но и лидеры общественного мнения. Во-вторых, остается открытым вопрос об эффективности пропагандистских усилий газет и репрезентативности их мнений с точки зрения характеристики настроений в обществе в целом. На наш взгляд, следует с большой осторожностью подходить к приводимым ими описаниям патриотического подъема, энтузиазма, с которым французы якобы встретили новость о начале войны. В тот момент не только официозные, но и оппозиционные, социалистические газеты без тени сомнений включились в пропагандистскую кампанию в пользу войны. В такой ситуации на их страницах не находилось места пацифистским, антимилитаристским взглядам. Иначе складывалась ситуация с антивоенной оппозицией в Великобритании.

Начиная с 28 июля 1914 года Июльский кризис окончательно вытеснил с первых полос английских газет все прочие сюжеты и новости, широкие слои населения начинали проникаться серьезностью нового международного конфликта²¹⁹. С этого момента и вплоть до вступления Англии в войну в прессе шла самая ожесточенная полемика по вопросу о возможности и необходимости военного вмешательства в континентальные проблемы²²⁰. Консервативная пресса, прежде всего «*The Times*» и «*The Morning Post*», выступала за принятие Великобританией самых решительных мер, чтобы поддержать своих союзников²²¹. Но даже «*The Times*», являвшаяся одной из наиболее последовательных

²¹⁶ *Le Matin*. 1914, 4 Aout. P.1

²¹⁷ *Le Figaro*. 1914, 3 Aout. P. 1.

²¹⁸ *Le Petit Parisien*. 1914,4 Aout. P. 2; *Le Temps*. 1914, 2 Aout. P. 1; *Le Figaro*. 1914, 3 Aout. P. 1; *Le Matin*. 1914, 4 Aout. P. 1

²¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 378.1914 г. Л. 166.

²²⁰ Там же. Л. 168.

²²¹ Там же. Д. 10.1914 г. Л. 26; Hale O. J. Op. cit. P. 461–462; Steiner Z. S. Op. cit. P.

сторонниц укрепления Антанты и связей Англии с Россией и Францией, 31 июля трактовала европейскую ситуацию как исключительно славянское дело, спор между Австрией, Сербией и Россией, не имеющий прямого отношения к английским или французским интересам²²².

Лидерами антиинтервенционистского и пацифистского движения стали «The Manchester Guardian», «The Daily News», «The Liverpool Post», «The Westminster Gazette»²²³. Противниками участия Англии в европейской войне двигали самые разные мотивы. Среди них были убежденные пацифисты, например, известный английский математик и философ Б. Рассел, организовавший сбор подписей под антивоенным обращением, опубликованным затем в «The Manchester Guardian»²²⁴. «The Liverpool Post», прекрасно осведомленная о настроениях крупных промышленных и торговых кругов, чьи интересы она представляла, выступала решительно против вмешательства Англии в войну вплоть до объявления ею войны Германии²²⁵. Наиболее полно и последовательно эти идеи были представлены в статьях «The Manchester Guardian». По ее мнению, призывы к вооруженным действиям противоречили этосу времени, либерализму, идеалом которого являлась гармония в отношениях между государствами, основанная на социальном прогрессе и процветающей торговле²²⁶.

Отдельно стоит упомянуть чрезвычайно сильные русофобские настроения среди радикалов и лейбористов²²⁷. Одним из краеугольных камней аргументации антиинтервенционистов была идея о том, что если германский милитаризм и представляет опасность для Европы, то русское самодержавие является еще большей угрозой²²⁸. 1 августа 1914 года либеральная «The Daily Mail» писала: «Если мы сокрушим Германию и сделаем Россию повелителем Европы и Азии, то это будет величайшей катастрофой, когда-либо обрушивавшейся на западную культуру и цивилизацию»²²⁹. Аналогичные взгляды были характерны для английских лейбористов²³⁰.

Этот раскол в английской прессе прослеживается вплоть до 3 августа 1914 года. Никакие аргументы консервативных газет не могли сломить либеральную антивоенную оппозицию, которая непоколебимо стояла за строгий нейтралитет Англии в европейском

²²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 378. 1914 г. Л. 281; Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 9. 1914 г. Л. 43.

²²³ Eksteins M., Steiner Z. S. The Sarajevo Crisis // British Foreign Policy Under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977. P. 406; Hale O. J. Op. cit. P. 462; Lasswell H.D. Propaganda Technique in World War I. London, 1927. P. 48.

²²⁴ Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell. 1914–1944. Toronto, 1968..3.

²²⁵ Hale O. J. Op. cit. P. 462.

²²⁶ Юдин Н.В. Реакция английского общественного мнения на Июльский кризис 1914 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. Часть 1. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. С. 217; Keiger J.F.V. Britain's "Union Sacree" in 1914 // Les Societes europeennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P.41.

²²⁷ Steiner Z. S. Op. cit. P. 231.

²²⁸ Taylor A. J.P. The Trouble Makers. London, 1957. P. 127–128.

²²⁹ Carsten F.L. War against War. British and German Radical Movements in the First World War. London, 1982. P. 24.

²³⁰ Ibid.

конфликте²³¹. Серьезный сам по себе, этот раскол приобретал особое значение для английских политиков, поскольку, и здесь необходимо согласиться с Дж. Ф. В. Кейгером, тогда для многих пресса и была общественным мнением как таковым²³². Тем более, у власти в Великобритании в тот момент находился либеральный Кабинет. А именно либеральные газеты до последнего момента самым решительным образом выступали против любого вооруженного вмешательства Англии в дела на континенте. И парламентарии, и министры должны были считаться со столь однозначно заявленными антивоенными настроениями своего электората.

Но уже 3 августа от этой сильной публичной оппозиции войне не осталось практически ни следа. Причиной такого, невероятного на первый взгляд, перелома в общественных настроениях стал германский ультиматум Бельгии от 2 августа 1914 года с требованием предоставить свободный проход немецким армиям через территорию этой страны.

Угроза нейтралитету Бельгии со стороны Германии стала настоящим подарком для сторонников вступления в войну в их борьбе за симпатии общественности²³³. Мотив защиты маленькой, слабой страны от вооруженной агрессии обладал, как оказалось, просто колоссальной притягательностью. Именно защита Бельгии дала столь необходимое для либерального общественного мнения моральное оправдание войны и отказа от прежних ценностей нейтралитета²³⁴. Отражением резкой перемены общественных настроений стали различные либеральные издания. Журнал «The Economist», который на протяжении описываемого периода занимал негативную по отношению к участию Великобритании в войне позицию, скрепя сердце признавал, что «если и есть какая-то причина, ради которой можно пожертвовать благосостоянием английского народа, ради которой надо отказаться от политики невмешательства в европейские дела, проводимой Англией со времен Крымской войны, то пусть этой причиной будет защита прав маленького государства»²³⁵. К 5 августа из всех либеральных газет только «The Manchester Guardian» продолжала выступать против войны²³⁶. Таким образом, когда 4 августа английское правительство отправило в Берлин ультиматум с требованием вывести немецкие войска из Бельгии, оно опиралось на подлинный национальный консенсус внутри страны.

В Англии полемика об участии страны в войне носила особенно ожесточенный характер, здесь, как ни в какой другой стране Антанты отчетливо и громко заявила о себе антивоенная оппозиция. Одновременно ярко проявилось влияние и значение средств массовой информации: здесь процесс активного обсуждения перспективы участия в войне растянулся на целую неделю (28 июля – 4 августа 1914 года), причем всё это время вопрос оставался открытым. Газеты не только успели поупражняться в ведении полемики со своими идейными противниками, но и получили представление об отношении к войне населения страны. Именно в Великобритании пресса в этот период в полной мере реализовала обе свои социальные функции: репрезентация общественных мнений и одновременно их создание,

²³¹ Eksteins M., Steiner Z.59S. Op. cit. P. 406.

²³² Keiger J.F.V. Britain's "Union Sacree" in 1914 // Les Societes europeennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 41.

²³³ Нейтралитет Бельгии был гарантирован Великобританией, Францией, Россией, Пруссией и Австрией в 1839 г.

²³⁴ Haste C. Keep the Home Fires Burning. Propaganda in the First World War. London, 1977. P. 22.

²³⁵ The Economist. Vol. 79.1914, 8 Aug. P. 271.

²³⁶ АВПРИ. Ф. 133. Он. 470. Д. 9.1914 г. Л. 86.

направление²³⁷.

Однако для того, чтобы проследить перипетии складывания национального консенсуса в Англии, равно как в России и Франции, понять его специфические особенности, объяснить крах антивоенной оппозиции, одних лишь материалов прессы недостаточно. Для этого необходимо качественно расширить источниковую базу нашего исследования, обратиться к материалам архивов, источникам личного происхождения и официальным документам стран Антанты, в которых содержится информация о функциональных проявлениях общественных настроений, непосредственная оценка происходящих событий очевидцами.

Как было отмечено выше, 28 июля 1914 года стало поворотным моментом в отношении современников к ситуации на Балканах. Обсуждение перспективы втягивания той или иной великой державы в войну окончательно перестает быть прерогативой узкого круга политиков, дипломатов или военных и становится предметом широкой общественной дискуссии. Охват и масштаб этой дискуссии, равно как и ее специфические черты и значение с точки зрения формирования внешнеполитического курса, определялись структурными особенностями социального и политического устройства конкретной страны.

В Российской империи публичная сфера, в рамках которой шла полемика по вопросу о войне, ограничивалась сравнительно небольшим кругом представителей образованных, как правило, городских, слоев населения. Писатели, публицисты, ученые, учителя в те дни оказались охвачены водоворотом новых страстей, эмоций. Зачастую они не отдавали себе отчета о тяжелейшей цене грядущей войны и рисовали ее в совершенно утопических, идиллических, оторванных от реальности красках. Характерен пример В. В. Розанова, известного публициста того времени, который писал 30 июля 1914 года: «Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг... Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал... Всё забыто, всё отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысел слил огромные массы русских людей в одного человека»²³⁸.

Мессианское звучание приобретала война в глазах искусствоведа Н.Н. Врангеля, младшего брата генерала П.Н. Врангеля: «Мне думается, что грядущая война, в которой все великие державы примут участие, – разрешение векового вопроса о борьбе двух начал: Божеского и человеческого»²³⁹. Ключевую роль в этом отношении, по мнению Н.Н. Врангеля, должны сыграть славяне, «народ-богоносец», призванный вдохнуть новую жизнь в угасающую западную цивилизацию²⁴⁰. Уже в этих, самых первых, отзовах интеллигенции на войну были заявлены образы и мотивы, которые впоследствии станут характерными для пропаганды всех воюющих стран периода Первой мировой войны: культ молодости, связанный с культом силы и жизненной энергии²⁴¹; чувство единения, растворения частного в коллективном целом²⁴²; мессианское призвание своего народа, своей нации.

Со всех концов империи в МИД присылались телеграммы с выражением поддержки твердого внешнеполитического курса русского правительства в новом международном

²³⁷ Hale O.J. Op. cit. P.461.

²³⁸ Розанов В. В. Последние листья. М., 2000. С. 255.

²³⁹ Врангель Н.Н. Дни скорби. СПб., 2001. С. 15.

²⁴⁰ Там же. С. 16.

²⁴¹ Mosse G.L. De la Grande Guerre au totalitarisme: la brutalization des societes europeenes. Oxford, 1990. P. 76; Idem. Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990. P. 57–63.

²⁴² Leed E. J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 70.

кризисе. Авторами их, как правило, выступали представители различных патриотических, монархических или националистических организаций и обществ²⁴³.

Политиков и военных в тот момент больше беспокоили перипетии дипломатических переговоров между великими державами и, прежде всего, неясная позиция Англии, а также отношение к войне широких слоев населения Российской империи. Либералы, в частности П.Н. Милюков, всецело поддерживали внешнеполитический курс Великобритании и считали, что та абсолютно не обязана выступать на стороне царского правительства. П.Н. Милюков признавался: «Я в то время был влюблен в Грея²⁴⁴ и понимал его мотивы – менажировать разногласия в кабинете и в английском общественном мнении... Голос Грея мне всегда казался голосом государственной мудрости, внутренней честности и благородства»²⁴⁵. Со страниц кадетской газеты «Речь» он призывал консервативные газеты прекратить националистическую пропаганду²⁴⁶. Тем не менее, постепенно и русские либералы пришли к выводу о неизбежности войны и ее справедливом характере для Антанты. Ключевую роль в этом сыграли действия Германии, которая своими агрессивными внешнеполитическими демаршами вызвала сначала разочарование, а потом негодование в среде либералов²⁴⁷. К моменту объявления войны Германией России 1 августа 1914 года кадетская «Речь» уже полностью приняла патриотический тон прочих русских газет, что напрямую отражало перемену в настроениях либеральных кругов.

Капитан Генерального штаба Б.Н. Сергеевский с горечью вспоминал, как в довоенные годы русские офицеры встречали со стороны образованных слоев общества презрительное, враждебное отношение²⁴⁸. Накануне войны ситуация изменилась самым радикальным образом: «Я вышел на площадку вагона, где был узан двумя молодыми людьми, местными дачниками... Они бросились ко мне с вопросами. Это повело к целой овации, масса молодежи стащила меня с площадки на перрон, пыталась качать, кричала «ура!»; меня целовали»²⁴⁹.

Однако это принятие войны и основанный на нем консенсус так и не охватили в последние предвоенные дни широкие слои населения Российской империи. Рабочие мало интересовались внешней политикой: куда больше их беспокоила борьба за свои экономические интересы, противостояние с полицией и фабрикантами²⁵⁰. Тем более, внешнеполитические известия не могли поколебать устоявшееся, традиционное течение деревенской жизни²⁵¹. Вот как описывал настроения в деревне современник, И. В. Кучеренко, чьи записки хранятся в Государственном архиве Российской Федерации: «В

²⁴³ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473.1914. Д. 12. Л. 1 – 13.

²⁴⁴ В оригинале везде – «Грэй» (прим. Н. Ю.).

²⁴⁵ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 477.

²⁴⁶ АВПРИ. Ф. 139 Оп. 476.1914 г. Д. 588. Л. 21.

²⁴⁷ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 480.

²⁴⁸ Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 4.

²⁴⁹ Там же. С. 23.

²⁵⁰ Коллонтай А. М. Отрывки из дневника, 1914 г. Л., 1924. С. 4; Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Л., 1926. С. 7.

²⁵¹ Арамилев В. В дыму войны. М., 1930. С. 3.

деревне всё тихо и спокойно, никто не думал, что в скором времени разразится гроза, гроза над всем миром, и что каждому из нас придется оставить на время, а иному и навсегда, свой родной дом, отца, мать, а иному жену и детей»²⁵². Поэтому чиновники и военные с большим беспокойством следили за настроениями населения в те судьбоносные дни, гадая, как оно отреагирует на начало новой войны²⁵³. Русское правительство, и в этом ярко проявляется специфика государственного устройства империи, когда вступало в войну, не опиралось на массовую поддержку населения своей страны, да и не испытывало в этом острой нужды. Консенсус и патриотический подъем в лучшем случае охватили правящую элиту и образованные слои населения России. Именно эти слои были основной аудиторией средств массовой информации, одновременно их взгляды и стремилась выразить пресса.

Отношение же к войне широких народных масс городских и сельских обывателей оставалось загадкой для современников вплоть до получения первых сообщений об успешном ходе мобилизации. Сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация: в Российской империи, в стране, где раньше, чем в Великобритании и Франции, развернулась масштабная пропаганда в пользу войны, где антивоенная оппозиция практически не имела возможности громко заявить о себе или призвать своих сторонников к антимилитаристским, антиправительственным акциям, подлинный консенсус в общенациональном масштабе до начала боевых действий так и не оформился. Парадоксальность этой ситуации становится еще более очевидной при сопоставлении реакции российского общества на события Июльского кризиса с реакцией населения Англии и Франции.

Во Франции в последние предвоенные дни (28 июля – 3 августа 1914 года) развернулась по-настоящему широкая дискуссия по вопросу о вмешательстве страны в австро-сербо-русский конфликт. Громко заявила о себе оппозиция в лице социалистов, анархистов и профсоюзов. В ответ на призывы левых по всей стране прокатились антивоенные митинги, шествия и собрания²⁵⁴. Особенно крупные манифестации прошли в Бресте (5000 участников), Монлюсоне (10000) и Лионе (около 20000)²⁵⁵. В Реймсе произошли столкновения между демонстрантами и полицией²⁵⁶. При этом все отмеченные функциональные проявления антивоенных настроений отнюдь не замалчивались: «L'Humanite» и «La Bataille Syndicaliste» подробно и сочувственно освещали антивоенные акции в различных департаментах и городах²⁵⁷.

Тем не менее, на наш взгляд, не стоит преувеличивать силу и распространенность антивоенных настроений во Франции накануне Первой мировой войны. Во-первых, как и во время Июльского кризиса, на призывы левых средств массовой информации откликнулись, прежде всего, активисты профсоюзов, убежденные социалисты, анархисты и пацифисты. Об этом говорит сравнительно небольшое количество участников демонстраций в конце июля –

²⁵² Государственный архив Российской Федерации [Далее – ГАРФ]. Ф. 6281. Оп. 1.Д. 178. Л. 1.

²⁵³ Джунковский В.Ф. Воспоминания, 1905–1915. Т. 2. М., 1997. С. 373–374.

²⁵⁴ AN. F. 7. 13348. Versaille. 1914, 31 Juil.; Ibid. Lorient. 1914, 28 Juil.; Ibid. Brest. 1914, 29 Juil.; Ibid. Grenoble. 1914, 29 Juil.; Ibid. Chalon. 1914, 30 Juil.; Ibid. Lyon. 1914, 30 Juil.; Ibid. Lille. 1914, 30 Juil.; Ibid. Lens. 1914, 30 Juil.

²⁵⁵ Loez A. La Grande Guerre. Paris, 2010. P. 12.

²⁵⁶ AN. F. 7.13348. Chalon. 1914, 30 Juil.; Loez A. Op. cit. P. 12.

²⁵⁷ AN. F. 7. 13348. L'Humanite. 1914, 30 Juil.; Ibid. 1914, 1 Aout; La Bataille Syndicaliste. 1914, 31 Juil.; Ibid. 1914, 1 Aout.

начале августа 1914 года. В большинстве случаев префекты докладывали о нескольких сотнях демонстрантов. Даже масштабные манифестации в Бресте, Монлюсоне и Лионе уступали по размаху антивоенным выступлениям в Англии и Германии²⁵⁸.

Во-вторых, потенциал левой оппозиции сковывался внутренними противоречиями. Социалисты оставались расколотыми по вопросу об отношении к участию страны в войне. Крайне левые взгляды отстаивал Г. Эрве, который утверждал, что социалисты ненавидят свою родину и являются антипатриотами²⁵⁹. Столь радикальные взгляды не находили поддержки даже среди социалистов, не говоря уже о широких слоях населения. Противоположную позицию занимал Ж. Гед, считавший подобные идеи в условиях обострения международной обстановки контрреволюционными и нецелесообразными, поскольку они подрывали обороноспособность Франции, страны с наиболее развитым социалистическим движением, и ослабляли влияние партии в народе²⁶⁰. В какой-то степени уравновесить две крайности стремился Ж. Жорес. Исходя из идеи, что существуют, с одной стороны, справедливые, оборонительные войны, а с другой – империалистические и захватнические, Ж. Жорес считал, что в случае, если Франция подвергнется внешней агрессии, долг пролетариата и социалистов выступить с оружием в руках в защиту республики; если же в качестве агрессора выступит французское правительство, то рабочий класс должен ответить всеобщей забастовкой и даже восстанием²⁶¹.

Точка зрения Ж. Жореса заслуживает особого комментария, так как она представляла собой попытку примирения пролетарского интернационализма, который традиционно проповедовали социалисты, с патриотизмом, идеей о необходимости защиты родины от внешней угрозы. На наш взгляд, это теоретическое обоснование допустимости для социалистов выступления с оружием в руках в защиту своего государства нужно было скорее левой интеллигенции, давая ей моральное оправдание отходу от прежних интернационалистских идеалов. Широкие слои населения, рабочие, не испытывали подобной внутренней дилеммы: их мировоззрение сочетало в себе национализм и интернационализм, верность родине и верность классу²⁶². Именно это сочетание различных лояльностей во многом и предопределило ограниченность антивоенных выступлений накануне Первой мировой войны. Усилиями газет, в том числе «L'Humanite», новая война представлялась современникам как справедливая, оборонительная.

В итоге в первые дни августа 1914 года национальный консенсус по вопросу о войне распространился даже на те социальные группы, которые правительство считало неблагонадежными и к борьбе с которыми готовилось. Казалось, что буквально за несколько часов все пацифистские и интернационалистские теории и клятвы, годами пропагандировавшиеся социалистами, были сметены и забыты.

В-третьих, еще до объявления всеобщей мобилизации сообщения об антивоенных выступлениях отнюдь не были доминирующими в донесениях префектов. В большинстве департаментов настроения населения описывались как «спокойствие», «решительность», «готовность выполнить свой долг»²⁶³. Об этом же докладывал в Петербург А.П. Извольский

²⁵⁸ Loez A. Op. cit. P. 12.

²⁵⁹ Wohl R. French Communism in the Making, 1914–1924. Stanford, 1966. P. 45.

²⁶⁰ Ibid. P.46.

²⁶¹ Ibid.

²⁶² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 197.

²⁶³ AN. F. 7.12934. Epinal. 1914, 29 Juil.; Ibid. Toulon, 1914, 31 Juil.; Ibid. Dijon. 1914, 31 Juil.; Ibid. Bordeaux. 1914, 30 Juil.; Ibid. 31 Juil.; Ibid. F. 7.13348. Dijon. 1914, 29 Juil.

со ссылкой на ближайшее окружение президента Пуанкаре²⁶⁴. Отмечались различные проявления патриотических чувств: в ресторанах и кафе у музыкантов требовали играть «Марсельезу», в иных случаях молодые люди сами начинали исполнять национальный гимн²⁶⁵; происходили патриотические манифестации; были зафиксированы столкновения с социалистами, пытавшимися выступить с антивоенными лозунгами, в результате полиция была вынуждена вмешаться, чтобы защитить агитаторов от толпы²⁶⁶.

Если накануне мобилизации открытые проявления националистических чувств и энтузиазма оставались уделом сравнительно небольших групп националистов, роялистов и членов различных патриотических обществ, и вряд ли являются репрезентативными при оценке настроений населения в целом, то, начиная с 1 августа 1914 года, с момента объявления всеобщей мобилизации во Франции, можно констатировать, что широкие народные массы приняли идею войны.

Донесения об общественных настроениях за конец июля 1914 года не носят систематического характера, возможно, отражая личную инициативу того или иного префекта. Ситуация меняется 2 августа, когда префекты получают распоряжение докладывать в Париж о реакции населения на приказ о мобилизации. Многочисленные телеграммы описывают энтузиазм и патриотический подъем, которыми было отмечено начало мобилизации²⁶⁷. Современники отмечали воодушевление среди призывников, манифестации под флагами Антанты, которые иногда организовывались гражданами нейтральных стран²⁶⁸, случаи массового перехода границы эльзасцами, желающими сражаться за Францию²⁶⁹. Многие писали, что объявление войны вызвало сплочение общества перед лицом внешней опасности²⁷⁰. Более того, в некоторых департаментах социалисты отменили ранее запланированные антивоенные акции, решив поддержать правительство²⁷¹.

С наибольшей силой патриотический подъем проявился, вполне предсказуемо, в Париже. Многочисленные демонстрации под лозунгами «Долой Вильгельма!», «Долой Германию!», «Нам нужен Эльзас!» фиксировались в разных частях города²⁷². Таковую же картину рисует в своем письме из Парижа анонимный русский автор, по всей видимости,

²⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133.1914. Оп. 470. Д. 378. Л. 196,197.

²⁶⁵ AN. F. 7.12934. Besangon. 1914, 31 Juil.; Ibid. Bordeaux. 1914, 31 Juil.

²⁶⁶ Ibid. F. 7.13348. Basses-Pyrenees. 1914, 31 Juil.

²⁶⁷ AN. F. 7. 12937. Aisne. 1914, 2 Aout; Ibid. Ardeche. 1914, 2 Aout; Ibid. Aveyron. 1914, 2 Aout; Ibid. Correze. 1914, 2 Aout; Ibid. Maine-et-Loire. 1914, 3 Aout; Ibid. F. 7. 12938. Basses-Pyrenees. 1914, 2 Aout; Ibid. Pyrenees-Orientales. 1914, 3 Aout; Ibid. F. 7. 12939. Somme. 1914, 2 Aout; Ibid. Sarthe. 1914, 3 Aout; Ibid. Savoie. 1914, 2 Aout.

²⁶⁸ Ibid. F. 7. 12937. Bouches-du-Rhone. 1914, 2 AoCit; Эррио Э. Из прошлого. М., 1958. С. 35.

²⁶⁹ AN. F. 7.12937. Belfort. 1914, 5 Aout.

²⁷⁰ Ibid. Ardeche. 1914, 5 Aout; Ibid. F. 7.12938. Rh6ne. 1914, 2 Aout.

²⁷¹ Ibid. F. 7.12938. Cote-d'Or. 1914, 2 Aout; Ibid. F. 7.12939. Tarn. 1914, 2 Aout.

²⁷² Ibid. F. 7.12936. Paris. 1914, 2 Aout; Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955. С. 12–13; Barnard Ch. I. Paris War Days. Boston, 1914. P. 5–6.

политэмигрант (письмо было перлюстрировано): «2-го августа здесь началась мобилизация. Буквально нет семьи, из которой бы не ушел весь цвет... С виду мужчины ушли бодро и будут драться злобно. Все считают выступление необходимостью»²⁷³.

А вот как вспоминает эти дни Робер Пусти (Robert Poustis), французский студент, участник Первой мировой войны: «Все кричали и рвались на фронт. Машины и железнодорожные вагоны, перевозившие солдат, были увешаны национальными флагами и пестрели призывами: “На Берлин!” <...> Мы думали, война продлится два, ну или три месяца»²⁷⁴. В лозунгах тех дней часто фигурировали реваншистские мотивы²⁷⁵.

А.П. Извольский в первые дни войны достаточно часто сообщал в секретных телеграммах о состоянии французского общества. Он отмечал царящие и в столице и в провинции энтузиазм и воодушевление²⁷⁶. Сбылось предсказание консервативной прессы: общество, казавшееся накануне войны совершенно разобщенным, разделенным политическими противоречиями, сплотилось перед лицом внешней угрозы²⁷⁷.

Разумеется, не стоит абсолютизировать подобные свидетельства.

А.П. Извольский был горячим сторонником укрепления Антанты, поэтому давал зачастую весьма тенденциозную оценку положению дел во Франции. Среди воспоминаний современников также встречаются иные описания первых военных дней в Париже. Например, историк Марк Блок, участник Первой мировой войны, вспоминал, что в городе царила тишина и торжественность, заплаканные глаза женщин выдавали печаль и тревогу²⁷⁸. Однако он признавал, что в целом люди были охвачены неким единым порывом, не радостью, но решимостью²⁷⁹.

Можно по-разному оценивать эмоциональную реакцию французов на события последних предвоенных дней и начало мобилизации. Действительно, существуют как многочисленные свидетельства военного энтузиазма, реваншистских и националистических настроений, так и описания растерянности, подавленности и испуга, с которыми современники встретили войну²⁸⁰. Остается открытым вопрос, что подразумевали те же префекты, когда писали о «спокойствии» во вверенных им департаментах. Вполне возможно, что за этой нейтральной фразой скрывались чувства беспомощности людей той эпохи перед лицом роковых событий, развивавшихся с катастрофической быстротой²⁸¹. Оценить

²⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 99.

²⁷⁴ Arthur M. Forgotten Voices of the Great War. A History of World War I in the Words of Men and Women Who Were There. Cambridge, 2004. P. 11.

²⁷⁵ Ibid.

²⁷⁶ Российский государственный военно-исторический архив [Далее – РГВИА]. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3436. Л. 28, 33, 57; АВПРИ. Ф. 133.1914. Оп. 470. Д. 60. Л. 74.

²⁷⁷ Le Matin. 1914. 26 Juil. P. 1.

²⁷⁸ Bloch M. Memoirs of War. 1914–1915. London, 1980. P. 78.

²⁷⁹ Ibid.

²⁸⁰ Becker J.-J. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 36; Keiger J.F.V. France and the Origins of the First World War. London, 1983. P. 162–163; Loez A. La Grande Guerre. Paris, 2010. P.12.

²⁸¹ Carroll M. E. Op. cit. P. 307.

репрезентативность, справедливость и достоверность тех или иных субъективных суждений, мнений и свидетельств можно, на наш взгляд, если обратиться к анализу функциональных, объективных проявлений настроений современников.

И в этом отношении особого внимания заслуживает полный крах социалистической оппозиции войне в первые дни августа 1914 года.

Еще до начала военных действий правительству стало ясно, что ни идеологи социалистов, ни, тем более, рабочие не будут устраивать антиправительственных акций. Свидетельством этой уверенности может служить решение МВД не предпринимать превентивных арестов политически неблагонадежных лиц из знаменитого «списка Б»²⁸². Ни в одном из департаментов не произошло сколько-нибудь значительных антивоенных выступлений в качестве реакции на объявление мобилизации, а потом и начала войны. И это в стране, где на протяжении всех предвоенных лет шла активная пацифистская, антимилитаристская пропаганда социалистов, где полемика вокруг закона о трехлетней службе в армии ярко показала существование сильной и достаточно влиятельной левой оппозиции²⁸³. Именно это обстоятельство красноречиво говорит о складывании в стране в целом, а не только в столице, национального консенсуса.

Этот национальный консенсус стал основой патриотического подъема, зафиксированного в Париже уже 1–2 августа 1914 года. На наш взгляд, ошибочно предполагать, будто открытые манифестации националистических и патриотических чувств в столице являлись каким-то исключением из правил, были следствием воздействия на население шовинистической пропаганды, и противопоставлять их гораздо более сдержанной реакции провинции, как более репрезентативной. Столичные жители, и в этом заключалась их специфическая черта, по сравнению с остальным населением, раньше были охвачены национальным подъемом, ярче выразили его, что объясняется интенсивной политической и культурной жизнью города, активным социальным взаимодействием, обменом мнениями между его жителями.

Говоря о ситуации во Франции накануне Первой мировой войны, хотелось бы остановиться на еще одном важном вопросе: в какой степени настроения широких слоев населения могли повлиять на внешнеполитический курс французского правительства? На первый взгляд, правящие круги Третьей республики, как показывают архивные документы, приняли решение силой поддержать Российскую империю и вступить в общеевропейскую войну задолго до складывания широкого национального консенсуса. К 29 июля 1914 года были проведены масштабные военные приготовления, а в последующие дни различные представители правящей элиты Франции неоднократно заверяли российских дипломатов в своей полной решимости и готовности выполнить союзнические обязательства²⁸⁴.

Русский посол в Париже А. П. Извольский 30 июля 1914 года докладывал: «Французское Правительство, отнюдь не желая вмешиваться в наши военные приготовления, считало бы крайне желательным ввиду продолжающихся переговоров с целью сохранить мир, чтобы приготовления эти носили как можно менее открытый и вызывающий характер. Со своей стороны военный Министр (А. Мессими. – Н.Ю.), развивая ту же мысль, высказал графу Игнатьеву²⁸⁵, что мы могли бы заявить, что в высших

²⁸² Эррио Э. Из прошлого. М., 1958. С. 35.

²⁸³ Юдин Н.В. Полемика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе 1913 г.: к вопросу об общественных настроениях во Франции накануне Первой мировой войны // *Per Aspera*. М., 2011. Вып. 3. С. 155–167.

²⁸⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 372. Л. 43; Там же. Д. 378. Л. 197, 213, 262; РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3436. Л. 13.

²⁸⁵ Игнатьев А. А. в 1912–1917 годах служил русским военным агентом в Париже.

интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не помешало бы нам продолжать и даже усилить военные приготовления»²⁸⁶. Из приведенной цитаты следует, что для правящих кругов Франции и России вопрос об участии в войне был уже решенным, и перспектива мирного выхода из кризиса путем переговоров всерьез в тот момент уже не рассматривалась. Речь шла только о темпах мобилизации, в повышении которых виделся залог победы в грядущей войне, а громкие заявления антантовских газет о миролюбии своих правительств предстают в совершенно ином свете.

Тем не менее, мы считаем, что состояние общественных настроений было существенным фактором в формировании внешнеполитического курса правительства Третьей республики. Однако в тот момент правительство не испытывало сомнений, что война против Германии будет поддержана большинством населения страны. Единственным исключением могли стать социалисты и активисты левых организаций и профсоюзов. Но они не обладали достаточным влиянием, чтобы сильно изменить ситуацию в стране в целом. С ними предполагалось расправиться с помощью превентивных полицейских репрессий. В итоге они не потребовались: как мы знаем, даже левые радикалы сознательно и добровольно выступили на защиту своей страны.

Подобной уверенности в общественной поддержке новой войны отнюдь не испытывало в тот момент английское правительство. 28 июля 1914 года произошел своеобразный перелом в восприятии Июльского кризиса в Великобритании. С точки зрения реакции широких слоев населения, этот период характеризовался тем, что они

всё больше начинали проникаться серьезностью ситуации на континенте²⁸⁷, которая отодвигала в сознании современников на второй план все прежние проблемы. В то же время, ни о каком национальном консенсусе тогда говорить не приходилось, общество только начинало осознавать перспективу втягивания в общеевропейскую войну, и она не вызывала у англичан никакого энтузиазма. Весьма показательным в этом отношении был раскол в правящем либеральном Кабинете.

Если сам Э. Грей считал вступление Англии в войну необходимым и неизбежным, то ему также приходилось считаться с оппозицией этому курсу в правительстве и парламенте. 27 июля Э. Грей впервые выступил перед Кабинетом по ситуации на континенте²⁸⁸. Большинство министров были настроены против любого вмешательства в европейский конфликт²⁸⁹. На том же заседании Э. Грей впервые в очень осторожных выражениях коснулся вопроса об участии в войне Англии. Хотя эта идея встретила сильную оппозицию среди министров, Кабинет всё же одобрил принятое накануне решение У. Черчилля об отмене отпусков на флоте²⁹⁰. Э. Грей указывал в своих воспоминаниях, что, в сущности, не было смысла выяснять, сколько именно министров выступало против вмешательства в войну, их было достаточно, чтобы спровоцировать раскол правительства, чего нельзя было допустить, принимая во внимание международную обстановку²⁹¹. Доминирующим

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3436. Л. 13.

²⁸⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 378. Л. 166.

²⁸⁸ Nomicos E.V., North R.C. Op. cit. P. 118; Joll J. Op. cit. P. 16.

²⁸⁹ Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта. 1898–1914. М., 2008. С. 287; Nomicos E.V., North R.C. Op. cit. P. 118; Joll J. Op. cit. P. 16.

²⁹⁰ Joll J. Op. cit. P. 16.

²⁹¹ Grey E. Twenty-five Years, 1892–1916. Vol. 2. London, 1935. P. 187.

настроением в Кабинете в тот момент было отчаянное нежелание предпринимать какие бы то ни было действия, давать какие бы то ни было гарантии²⁹².

К 31 июля в полной мере определилась расстановка сил в английском правительстве. Существовала неформальная группа политиков, выступавших за полный и безусловный нейтралитет Англии в случае общеевропейской войны. В нее входили лорд Морли, Дж. Бернс, Дж. Саймон и еще несколько человек. Им противостояла группа министров, считавших необходимым вступление Англии в войну на стороне России и Франции. Ее возглавляли Г. Асквит, Э. Грей, У. Черчилль. Между этими двумя крайностями находились политики, составлявшие большинство Кабинета, колебавшиеся и попеременно склонявшиеся то к одной, то к другой точке зрения. Сюда можно было отнести и Д. Ллойд Джорджа²⁹³.

Ошибочно было бы называть «группу Морли» пацифистской в прямом смысле этого слова. Оппозицией курсу на вмешательство страны в войну двигали совсем иные, подчас очень разнородные мотивы. Прежде всего, они не выступали против идеи войны как таковой, их больше смущала перспектива войны на стороне России, и в этом они в полной мере были выразителями русофобских настроений, доминировавших в то время среди английских либералов²⁹⁴. Не меньшее значение имели для либеральных министров соображения партийной борьбы, и здесь, на наш взгляд, в полной мере проявилось влияние прессы, которая воспринималась современниками как непосредственный и адекватный источник информации о настроениях в обществе. Именно либеральные издания встали во главе антивоенной оппозиции. Из их публикаций следовал вполне однозначный вывод: значительная часть английских либералов не желала поддерживать силой Францию, не говоря уже о России, считали свою страну не связанной какими бы то ни было формальными обязательствами с Антантой, воспринимали европейский конфликт как не имеющий отношения к британским интересам²⁹⁵. Перед лицом столь явно выраженной позиции любые открытые шаги, направленные на вовлечение страны в войну, означали бы политическое самоубийство для либерального Кабинета. Никакие рассуждения о государственных интересах не могли перевесить в глазах большинства либеральных политиков перспективу раскола правительства и связанных с ним политических потерь.

Это обстоятельство ярко и полно проявилось 31 июля 1914 года. Тогда на заседании Кабинета был впервые поставлен вопрос о нейтралитете Бельгии²⁹⁶. Министры сошлись во мнении, что если все остальные державы откажутся соблюдать договор 1839 года, гарантировавший нейтралитет Бельгии, то и Великобритания не будет считать себя обязанной его придерживаться, и, если возникнет необходимость принимать решение, надо исходить не из договорных обязательств, а из соображений реальной политики²⁹⁷. Иными словами, идея защиты нейтралитета Бельгии, которая в последующие дни полностью

²⁹² Ibid. P. 197; Steiner Z. S. Op. cit. P. 234.

²⁹³ Виноградов К. Б. Указ. соч. С. 166–167; Beaverbrook W. M. A. Politicians and the War, 1914–1916. London, 1968. P. 19; Steiner Z. S. Op. cit. P. 234.

²⁹⁴ Riddell G. The Riddell Diaries, 1908–1923. London, 1986. P. 87; Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны, 1908–1914. М., 1962. С. 226; Hazlehurst C. Politicians at War. July 1914 to May 1915. London, 1971. P. 33–34.

²⁹⁵ Wilson T. The Downfall of the Liberal Party, 1914–1935. Ithaca, 1966. P. 30–31.

²⁹⁶ Asquith H. H. Memoires and Reflections. 1852–1927. Vol 2. Boston, 1928. P. 10.

²⁹⁷ Nomicos E. V., North R. C. Op. cit. P. 151; Grigg J. Lloyd George: From Peace to War. 1912–1916. London, 1985. P. 146–147.

перевернула настроения английского общества, в тот момент не произвела особого впечатления на политиков: связывать себя обязательствами в условиях, когда отношение к этому вопросу большинства населения оставалось неизвестным, никто не хотел.

Все эти дни английское правительство в лице главы Форин Офис Э. Грея отказывалось давать какие бы то ни было гарантии России и Франции относительно военного участия страны в войне с Германией и Австро-Венгрией. В своих беседах с иностранными послами Э. Грей постоянно ссылался на состояние английского общественного мнения²⁹⁸. Так произошло и во время «весьма болезненного»²⁹⁹, по его собственным словам, разговора с французским послом П. Камбоном 31 июля 1914 года Э. Грей заявил, что Франция не может рассчитывать на военную поддержку со стороны Англии, так как та не связана никакими формальными обязательствами, ее интересы напрямую не затронуты, а общество не поддерживает вмешательства в войну³⁰⁰. П. Камбон сказал в ответ, что отказывается сообщить эту информацию своему правительству, и подчеркнул, что рано или поздно Великобритания всё равно будет вовлечена в войну, но ее престиж будет потерян³⁰¹.

1 августа последовало объявление войны Германией России. Английскому правительству теперь было необходимо окончательно определить, по крайней мере для себя, отношение к положению дел в Европе. Этому настоятельно добивались и партнеры по Антанте, и страны Тройственного союза. Нельзя было дальше медлить и с формулированием своей позиции по отношению к Бельгии. 2 августа Кабинет постановил, что «значительное» нарушение ее нейтралитета будет представлять для Англии *casus belli*³⁰². Тогда же правительство уполномочило Э. Грея передать французскому послу, что английский флот обеспечит защиту французского северного побережья³⁰³. Одновременно было постановлено провести мобилизацию армии и флота, однако вопрос о вступлении в войну вновь был отложен³⁰⁴. Утром 2 августа, когда принимались эти решения, Кабинет находился на грани раскола³⁰⁵. В этом отношении как нельзя кстати пришлось письмо от лидеров консервативной оппозиции с заверением полной поддержки любых действий правительства, направленных на подготовку страны к вступлению в войну³⁰⁶.

Моментом истины для Э. Грея и сторонников вмешательства в континентальную войну стало выступление министра иностранных дел перед обеими палатами Парламента 3 августа

²⁹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470.1914 г. Д. 378. Л. 284.

²⁹⁹ Asquith H.H. Op. cit. P. 10; Steiner Z.S. Britain and the Origins of the First World War. Basingstoke, 1977. P. 233.

³⁰⁰ Lowe C.F., Dockrill M.L. The Mirage of Power. Vol. 3. The Documents. British Foreign Policy. 1902–1922. Boston, 1972. P. 491.

³⁰¹ Ibid.

³⁰² Ibid.

³⁰³ Asquith H.H. Memoires and Reflections. 1852–1927. Vol 2. Boston, 1928.. 12.

³⁰⁴ Beaverbrook W.M. A. Op. cit. P. 21.

³⁰⁵ Asquith H. H. Op. cit. P. 12; Nomicos E. V., North R. C. Op. cit. P. 206.

³⁰⁶ Nomicos E.V., North R.C. Op. cit. P. 206.

1914 года³⁰⁷. Сама речь, и по воспоминаниям сотрудников Э. Грея, и по мнению последующих исследователей, была совершенно невнятной и тусклой, и едва ли была подготовлена заранее³⁰⁸. Тем не менее она имела оглушительный успех. В начале выступления глава Форин Офис, словно зондируя настроения Палат, обратился к поэтапному изложению истории англо-французских отношений в последние годы. Он подчеркивал, что Англия не связана абсолютно никакими формальными обязательствами и с этой точки зрения может оставаться нейтральной³⁰⁹. В то же время, Э. Грей старался внушить членам Парламента, что этого делать не стоит, так как речь шла не о судьбе Франции, а о коренных интересах самой Англии, ее безопасности и торговли³¹⁰. Только под самый конец своей речи он «вспомнил» о проблеме Бельгии³¹¹. Именно в вопросе о защите нейтралитета этой страны, по его мнению, крылись моральные обязательства Англии, именно за ним стояла честь и гордость страны. Эта последняя мысль обеспечила Э. Грею поддержку подавляющего большинства обеих Палат³¹².

Впрочем, эта поддержка не была единодушной: целый ряд видных либеральных парламентариев и лидеров лейбористов на том же заседании Парламента открыто осудили правительственный курс, направленный на вовлечение страны в войну. Можно выделить три ключевых сюжета, служивших основой аргументации антиинтервенционистов. Во-первых, они неустанно повторяли, что у Англии нет никаких реальных оснований для вмешательства в континентальный конфликт, агрессивные действия Германии не затрагивают ее непосредственных интересов, и никаких формальных обязательств перед партнерами по Антанте у нее нет³¹³. Во-вторых, со всей отчетливостью и полнотой проявились русофобские взгляды многих видных английских либералов. Ф. Моррелл, А. Понсонби, А. С. Раунтри и другие заявляли, что победа России в войне с Германией обернется подлинной трагедией для европейской цивилизации³¹⁴. Наконец, в-третьих, лидеры лейбористов указывали на угрозу нищеты и голода, которую война представляет для малообеспеченных слоев населения Великобритании³¹⁵. И всё же эти антивоенные выступления тонули на фоне всеобщего воодушевления, не только охватившего парламентариев, но и выплеснувшегося в массовых провоенных манифестациях в Лондоне.

В Англии значение этого консенсуса, ставшего наглядной демонстрацией существования фундаментального единства коллективных ценностей различных групп английского общества, проявилось в наибольшей степени. Ссылки Э. Грея и других английских дипломатов о влиянии общественного мнения на формирование

³⁰⁷ Parliamentary Debates. Official Report. House of Commons. Ser. V. London. [Далее – H.C. Deb.] Vol. 65. Col. 1809–1827.

³⁰⁸ Steiner Z. S. Op. cit. P. 238; Hazlehurst C. Op. cit. P. 43–44.

³⁰⁹ H. C. Deb. Vol. 65. Col. 1809–1815.

³¹⁰ Steiner Z. S. Op. cit. P. 238; Hazlehurst C. Op. cit. P. 45.

³¹¹ H. C. Deb. Vol. 65. Col. 1818–1823.

³¹² Steiner Z. S. Op. cit. P. 238.

³¹³ H.c. Deb. Vol. 65. Col. 1829–1831, 1833, 1848–1853.

³¹⁴ Ibid. Col. 1833–1837, 1841–1846; 1866–1869.

³¹⁵ Ibid. Col. 1839–1841.

внешнеполитического курса страны представляются вполне обоснованными и правдоподобными, даже если они имели в виду не настроения широких слоев населения, а мнение либеральной оппозиции курсу на вовлечение страны в войну. С одной стороны, ряд военных приготовлений был предпринят задолго до того, как вопрос об участии страны в войне стал предметом широкой дискуссии в обществе. В этих мерах нашло отражение убеждение части политической элиты Великобритании в необходимости и неизбежности участия Англии в войне на стороне Антанты. Но эти меры не выходили за рамки полномочий чиновников соответствующих ведомств и не требовали одобрения парламента, тем более – общественного мнения. Их можно было представить как исключительно меры предосторожности.

С другой стороны, собственно вопрос о войне не мог быть решен положительно без одобрения большинства кабинета министров и парламента. Министры же, в свою очередь, перед лицом оппозиции либеральных и лейбористских СМИ, не хотели брать на себя ответственность за вступление в непопулярную войну. Поэтому-то вступление Англии в войну летом 1914 года стало возможным лишь тогда, когда ее популярность стала очевидной и неоспоримой. Именно массовая общественная поддержка новой войны во многом и обусловила вовлечение Англии в войну уже в августе 1914 года. Конечно, речь вовсе не идет о совершенно фантастичной и просто циничной идее Д. Ллойд Джорджа, высказанной им в воспоминаниях, будто миролюбивые и мудрые государственные мужи скрепя сердце пошли на поводу у шовинистически настроенных народных масс и были вынуждены вступить в войну³¹⁶. Политическое руководство ясно осознавало неизбежность участия страны в войне и готовилось к ней, поддержка общества была ему необходима для последнего шага – формального объявления войны. Но принципиальной разницы в отношении к войне элиты и широких масс не было, они в равной степени оказались готовы принять ее.

Еще 2 августа на Трафальгарской площади собирались многотысячные демонстрации пацифистов и антимилитаристов, а уже 3 августа, когда в обществе осознали реальность угрозы Бельгии, от этих демонстраций не осталось и следа³¹⁷. Когда в тот же день министры направлялись в Парламент, чтобы послушать речь Э. Грея, на улицах их окружали восторженные толпы³¹⁸, было ясно, что война популярна. Б. Рассел, непреклонный противник милитаризма, вспоминал, что люди вокруг были в восторге от перспективы войны³¹⁹. Об этом же говорил в своем выступлении в Парламенте А. Понсонби³²⁰. В те дни (3–4 августа 1914 года) консенсус в английском обществе не был абсолютным в том смысле, что, во-первых, к нему не присоединились некоторые левые группы и их лидеры³²¹, во-вторых, ареной его проявления стала, прежде всего, столица. И тем не менее мы считаем допустимым называть его общенациональным.

Тот факт, что имеющиеся в нашем распоряжении источники описывают патриотический подъем и воодушевление, с которым англичане приветствовали войну во имя защиты Бельгии, характеризуют, как правило, только ситуацию в Лондоне, не означает,

³¹⁶ Lloyd George D. War memoirs. Vol. 1. 1914–1915. Boston, 1933. P. 60.

³¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Он. 470. Д. 9. 1914 г. Л. 63; Medlicott W.N. Contemporary England, 1914–1964. New York, 1967. P. 12.

³¹⁸ Asquith H.H. Memoires and Reflections. 1852–1927. Vol 2. Boston, 1928..25.

³¹⁹ Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell, 1914–1944. Toronto, 1968..4.

³²⁰ H.C.Deb.Vol. 65. Col. 1841.

³²¹ Carsten F. L. Op. cit. P. 25–27.

что подобные эмоции и настроения были исключительно прерогативой столичных жителей. Речь идет о манифестации того мировоззрения, что было характерно для развитых обществ рассматриваемой эпохи в целом. Как и парижане во Франции, в Великобритании лондонцы просто раньше и в более полной и законченной форме демонстрировали ту реакцию, что впоследствии станет характерной для всего английского общества. В этом отношении никакой принципиальной разницы между столицей и провинцией не было. Ни у кого из современников не возникало даже тени сомнений, что реакция провинции не будет отличаться от волны патриотического энтузиазма в Лондоне. Существовало подсознательное ощущение культурного, мировоззренческого единства. Левые группы, выступившие с осуждением войны как империалистической, не имели широкой поддержки даже среди рабочих, да и внутри них самих не было единства по этому вопросу, поэтому они никак не могли оказать серьезного влияния на общественные настроения³²².

До 3 августа 1914 года оппозиция войне опиралась на действительно широкую социальную базу, ее решимость противостоять вовлечению страны в войну не была поколеблена никакими аргументами³²³. Против войны высказывались представители финансовых и промышленных кругов³²⁴, интеллигенции³²⁵, лейбористы³²⁶. Однако менее чем за сутки от этой оппозиции практически не осталось и следа. Угроза нейтралитету Бельгии сделала то, чего не могли добиться сторонники вмешательства Англии в войну на континенте в течение всего Июльского кризиса. Почти так же резко, буквально за несколько дней (1–3 августа), исчезла организованная антивоенная оппозиция во Франции. Как объяснить столь кардинальную перемену в настроениях английского и французского общественного мнения, складывание в этих странах широкого консенсуса?

Этот вопрос заслуживает совершенно особого рассмотрения. Большинство исследователей, изучающих реакцию населения Англии на начало Первой мировой войны, сходятся во мнении, что ультиматум Германии выглядел для англичан пощечиной самой цивилизации, дикой и варварской атакой на маленькую, беззащитную страну, жившую в мире со всеми, и приходят к выводу, что вступление Англии в войну объяснялось, главным образом, соображениями защиты неких высших ценностей³²⁷. Однако встает вопрос: почему же эти идеи защиты абстрактных ценностей справедливости, международного права стали личным делом для самых широких слоев населения Британских островов, почему они были настолько важными, что ради них стоило пожертвовать всем, в том числе собственной жизнью, почему они стали основой подлинного национального консенсуса.

Точно так же, на наш взгляд, мало сказать, что французы приняли перспективу войны из чувства долга, на чем делают упор современные западные исследователи³²⁸. Одной этой

³²² Carsten F. L. *Op. cit.* P. 26–28.

³²³ Романова Е.В. Указ. соч. С. 289; Grey E. *Twenty-five Years, 1892–1916. Vol. 2.* London, 1935. P. 189–197; Carsten F. L. *Op. cit.* P. 24–26; Keiger J.F.V. Britain's "Union Sacree" in 1914... P. 41–46; Eksteins M., Steiner Z. S. *Op. cit.* P. 406.

³²⁴ Lloyd George D. *War memoirs. Vol. 1.* 1914–1915. Boston, 1933. P. 61; Grey E. *Op. cit.* P. 189; Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 167.

³²⁵ Russell B. *The Autobiography of Bertrand Russell, 1914–1944.* Toronto, 1968.. 3.

³²⁶ Carsten F. L. *Op. cit.* P. 24–25.

³²⁷ Gibbs P. *Ten Years After: A Reminder.* London, 1924. P. 14; McMillan J. *Op. cit.* P. 18; Medlicott W. N. *Op. cit.* P. 12; Steiner Z. S. *Op. cit.* P. 233, 237; Laity P. *The British Peace Movement, 1870–1914.* Oxford, 2004. P. 218; Taylor A. J. P. *Illustrated History of the First World War.* New York, 1964. P. 19.

³²⁸ Loez A. 14–18. *Les refus de la guerre. Une histoire des mutins.* Paris, 2010. P. 42–44; Winter J. M. *The*

идеей не объяснить практически мгновенное исчезновение оппозиции социалистов: ведь долг можно трактовать по-разному. Для социалистов долг перед своей страной накануне Первой мировой войны был чем-то далеко второстепенным по сравнению с долгом перед классом, перед интернациональным братством трудящихся. Тот факт, что они, наравне со всеми остальными социальными группами, в итоге приняли перспективу войны и добровольно встали на защиту своей страны, предполагает отнюдь не пассивное, фаталистичное смирение перед лицом неожиданно разразившейся войны, а активное, деятельное сопереживание тем роковым событиям.

Нельзя объяснить складывание консенсуса во Франции и одной лишь ссылкой на соображения оборонительного патриотизма. Действительно, в принятии перспективы войны населением Франции во время Июльского кризиса большую роль сыграло восприятие ее в качестве оборонительной, справедливой. Однако, как показывают донесения префектов, война стала популярной во французском обществе еще до нападения Германии, последовавшего 3 августа; уже в реакции на приказ о мобилизации 1–2 августа 1914 года доминирующими настроениями были воодушевление, энтузиазм, а иной раз и реваншизм.

Мы выдвигаем гипотезу, что в основе широкого общественного консенсуса, сложившегося в Англии и Франции накануне

Первой мировой войны, лежали национальные по своей природе коллективные представления, национализм. На наш взгляд, именно национализм составлял глубинный слой коллективных идентичностей всех социально-функциональных групп в Англии и Франции. В мирное время мировоззрение их представителей складывалось из целого комплекса привязанностей и симпатий, в котором национализм мог вовсе не проявлять себя, теряясь в тени политических и классовых лояльностей³²⁹. Однако подспудно он присутствовал всегда, и, когда европейские общества столкнулись с вызовом Центральных держав, его сила и значение проявились в полной мере. Эта гипотеза отчасти подтверждается уже обращением к источникам, относящимся непосредственно к периоду Июльского кризиса.

Крах антивоенной оппозиции, установление широкого общественного консенсуса стали возможны потому, что внешний вызов, исходивший от Германии, самым непосредственным образом затронул все те представления и ценности, что составляли основу национальной самоидентификации в Англии и Франции. Именно поэтому нарушение нейтралитета Бельгии было воспринято в Англии как личное дело отнюдь не только политической элитой или интеллигенцией, но и широкими слоями городских и сельских обывателей. Это был вызов идеалам свободы, справедливости, «честной игры», вызов английскому образу жизни³³⁰. Перед этим вызовом бледнели пацифистские идеалы, отодвигались на второй план русофобские взгляды радикалов и лейбористов. Во Франции события Июльского кризиса показали, что для ее граждан поколения 1914 года самоидентификация как французов была гораздо важнее любых политических, классовых или религиозных идентичностей. Вызов Германии был вызовом французской нации, и она ответила на него сплочением перед внешней угрозой. В этом отношении, справедливым представляется утверждение современного отечественного исследователя С. А. Богомолова: «Национальная идея, как вид идеологии, в сравнении с другими ее видами максимально “биологизирована”, укоренена в подсознании индивида и поэтому оказывает сильнейшее

Experience of World War I. Edinburgh, 1988. P. 118.

³²⁹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 196–197; Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. New Haven, 1992. P. 6.

³³⁰ Хмелевская Ю. Ю. «Большая игра?» Роль спортивной этики в поддержании морального духа британской армии в Первой мировой войне // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001. С. 86–91; Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. London, 1989. P. 116–118.

мотивационное воздействие на его когнитивные ориентации и социальное поведение»³³¹. Все прочие способы самоидентификации и коллективные лояльности бледнели перед мощным подъемом национального самосознания, именно поэтому потерпела крах антивоенная оппозиция в западных странах.

Реакция населения Российской империи на события Июльского кризиса и начала Первой мировой войны отличалась большим своеобразием. Если мы обратимся к изучению исторических источников, то увидим, что, в сущности, в России применялись абсолютно те же способы мобилизации общественных настроений, что и в союзных Англии и Франции. Более того, применялись последовательнее и масштабнее. В российских средствах массовой информации во время Июльского кризиса практически не было оформленной и влиятельной оппозиции правительственному курсу на вовлечение страны в войну. Это свидетельствовало о том, что, по крайней мере, в среде политических и интеллектуальных элит Российской империи уже во время Июльского кризиса складывается относительно широкий консенсус по вопросу о войне. В его основе лежали глубоко укоренившиеся представления о Балканах как средоточии имперских интересов, о моральной ответственности России за судьбы балканских народов. Эти коллективные ценности настоятельно требовали решительного вмешательства России в австро-сербский конфликт. Складывание консенсуса в русском обществе шло по тому же пути, что и на Западе: от принятия перспективы войны правящими классами через распространение этого понимания на интеллигенцию к общенациональному согласию. Однако оно остановилось на стадии принятия войны интеллектуальной элитой и дальше не пошло: накануне начала военных действий общественного консенсуса в масштабах всей страны в России так и не сложилось, о чем свидетельствует полное отсутствие данных об отношении к войне широких слоев населения империи. Эта специфика ситуации в Российской империи, на наш взгляд, объяснялась не только такими объективными обстоятельствами, как сравнительно низкая грамотность широких слоев населения (особенно сельского), что оставляло их во многом равнодушными перед пропагандистской шумихой в средствах массовой информации и затрудняло восприятие ими причин и целей новой войны, но и принципиальным отличием в характере и способах коллективной самоидентификации этих слоев от ценностей и идентичностей имперских элит.

Чтобы объяснить реакцию населения стран Антанты на события Июльского кризиса 1914 года и понять особенности мировоззрения людей той эпохи, представляется необходимым обратиться к изучению различных конкретных проявлений патриотического подъема, который мощной волной прокатился по всем великим державам и стал наиболее яркой манифестацией общественного консенсуса по вопросу о войне. В этом отношении большой интерес представляет анализ содержания пропаганды военного времени, материалов средств массовой информации, в которых отразился процесс осмысления феномена патриотического подъема самими современниками, поиска и переоценки ими идейных основ патриотизма и коллективного самовосприятия. Внешняя угроза, исходившая от Германии, послужила мощным импульсом к развитию этих процессов, вывела их в разряд наиболее актуальных и животрепещущих для воюющих обществ.

Глава II

Патриотический подъем и проблемы пропаганды в странах Антанты

³³¹ Богомолов С. А. Имперская идея в Великобритании в 70–80-е годы XIX века. Ульяновск, 2000. С. 234.

§ 1. «Война в потемках»:

Влияние военной цензуры на деятельность средств массовой информации в странах Антанты

Первая мировая война наглядно продемонстрировала глубокие социальные перемены в развитых европейских государствах, обусловленные «пробуждением» масс, возрастанием их влияния на общественно-политические процессы в своих странах. Это ставило проблему создания и поддержания общественного консенсуса по вопросу о войне в разряд ключевых с точки зрения успешного ведения боевых действий^[332]. Как отмечает английский историк К. Хейст, «впервые состояние общественного мнения нуждалось в таком же пристальном внимании, как и состояние войск на фронте, и это обстоятельство революционизировало отношение к пропаганде»^[333]. Важнейшим же условием активного участия больших масс людей в кровопролитной и затяжной войне, их готовности рисковать и жертвовать своей жизнью является сильная положительная мотивация войны^[334]. Задать подобную мотивацию в тех условиях могли, прежде всего, газеты и журналы.

Сами современники склонны были воспринимать средства массовой информации одновременно и как зеркало общественных настроений, и как главное средство воздействия на них, инструмент для создания определенного общественного мнения^[335]. Неудивительно поэтому, что, когда встает вопрос об оценке психологической атмосферы в воюющих странах периода Первой мировой войны, материалы прессы выглядят наиболее очевидным источником по ее изучению. Именно на страницах печатных средств массовой информации в наиболее полной мере отразились специфические черты пропаганды того времени, страхи и надежды поколения 1914 года. Поэтому представляется логичным начать наше исследование патриотического подъема в странах Антанты в 1914–1915 годах именно с изучения публикаций газет и журналов.

В рамках данной главы мы постараемся осветить круг проблем, связанный с деятельностью средств массовой информации в странах Антанты, которая была направлена на осмысление феномена патриотического подъема, поиск и формулирование его идейных оснований. Это позволит нам понять, какие коллективные представления, ценности, способы самоидентификации лежали, по мнению самих современников (прежде всего, представителей интеллигенции), в основе патриотического подъема 1914 года, как они объясняли причины и цели новой войны, к чему призывали своих соотечественников, что, в свою очередь, приблизит нас к пониманию специфики мировоззрения людей той эпохи в целом.

Первая мировая война вывела проблему коллективного самоопределения того или иного общества на совершенно новый уровень: она уже не была предметом дискуссий в узком кругу представителей интеллектуальной элиты, а стала достоянием всего общественного мнения в воюющих странах в целом. Это дало мощный импульс развитию культуры военного времени, в том числе, пропаганды, в которой можно выделить два крупных направления, связанных с разработкой внутренней и внешней мотивации войны соответственно. Первое из этих направлений концентрировалось на внутренних коллективных образах, ценностях и идентичностях, на представлениях общества о самом себе. Второе направление отвечало потребности в самоопределении через противопоставление воюющих обществ иному, в данном случае его крайнему проявлению – врагу^[336]. Конечно, деление пропаганды периода Первой мировой войны на эти крупные направления является условным. В действительности, внутренняя и внешняя мотивация развивались в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, и подчас невозможно провести четкую разделительную грань между ними. В то же время, принимая во внимание поставленные исследовательские задачи и необходимость структурировать чрезвычайно

разнообразный и обширный фактологический материал, подобное деление, с указанными оговорками, представляется допустимым и целесообразным.

Прежде чем переходить к анализу основных сюжетов и мотивов пропаганды в странах Антанты, на наш взгляд, необходимо обратиться к рассмотрению объективных условий, в которых вынуждены были функционировать средства массовой информации после начала военных действий. Этот вопрос является отнюдь не праздным. Действительно, к началу Первой мировой войны общественное мнение, в том числе представленное на страницах печатных изданий, начинало играть всё большую роль в жизни европейских государств и, как показали события Июльского кризиса, подчас могло оказывать серьезное влияние на внешнеполитический курс демократических правительств. Так, именно широкий общественный консенсус по вопросу о войне сделал возможным вовлечение в нее Великобритании в августе 1914 года. В то же время, эта новая объективная реальность только начинала осознаваться политическими элитами. И даже тогда, когда правящие круги в достаточной мере оценили значение информации и роль консенсуса в условиях современной войны, они отнюдь не были уверены в том, что могут каким-то образом целенаправленно сформировать или поддержать нужное настроение в широких слоях населения^[337].

Как следствие, участие правительств в пропагандистской деятельности и поддержании общественного консенсуса во всех воюющих странах выразилось, в первую очередь, в мерах запретительного характера, введении жесточайшей цензуры всех новостей, поступавших с театров боевых действий или имевших отношение к войне. Всё это самым непосредственным образом сказалось на содержании газетных и журнальных публикаций того периода.

В Российской империи уже Уголовное уложение 1903 года предусматривало суровые кары за «государственную измену», под которую подводились и так называемые «оскорбления в печати войска или воинской чести» (заключение в тюрьму на срок от 2 до 16 месяцев)^[338]. Этот закон, позволявший весьма широко трактовать понятие «оскорбление», был дополнен еще одним, утвержденным Государственным советом и Государственной думой 5 (18) июля 1912 года. Министр внутренних дел получал право на любой срок запрещать сообщение в печати сведений, касающихся внешней безопасности России и ее вооруженных сил^[339]. 28 января (10 февраля) 1914 года был опубликован первый «Перечень» сведений, которые запрещалось помещать в печати по военным соображениям. «В него включалось всё, что касалось изменений в вооружении армии и флота, формирования воинских частей, ремонтных работ, стрельб, боеприпасов, маневров и сборов»^[340].

Самый канун войны ознаменовался новыми законами, расширявшими полномочия цензоров. 16 (29) июля 1914 года Николай II подписал «Положение о полевом управлении войск в военное время», согласно которому главнокомандующий и военное министерство получили право закрывать органы печати даже без объявления причины^[341]. Одной из первых жертв нового закона стала кадетская газета «Речь», закрытая по распоряжению великого князя Николая Николаевича. Интересно отметить, что закрытие газеты совпало с ее переходом к резкому осуждению агрессии Германии^[342]. Иными словами, поводом к санкциям послужил не какой-то конкретный номер газеты, нарушавший цензурные предписания, а ее «недостаточно патриотическая» позиция во время Июльского кризиса, репутация оппозиционного органа^[343]. Благодаря посредничеству председателя Государственной думы М.В. Родзянко инцидент был улажен: гранки газеты с патриотическими статьями были доведены до сведения «кого следует» и запрет был снят^[344]. Вполне естественно, полному запрещению после начала военных действий подверглись все печатные издания противостоящих России держав^[345].

Дальнейшее оформление система цензуры в России получила с подписанием царем 20 июля (2 августа) 1914 года «Временного положения о военной цензуре»^[346]. В данном документе

нас в первую очередь интересует организация цензуры в тылу, за пределами фронтовых районов. Здесь ответственность за досмотр печатных изданий была возложена на Военно-цензурную комиссию, организованную при Главном управлении Генерального штаба, и местные военно-цензурные комиссии при штабах военных округов^[347]. В состав Военно-цензурной комиссии входили 9 человек, представлявших Военное министерство, Морское, юстиции, МИД, а также Главное управление по делам печати, Департамент полиции и Главное управление почт и телеграфов МВД. В целом вопросы цензуры находились практически в единоличном ведении военных, для представителей прессы места в комиссии не нашлось.

Во многом аналогичным образом была организована цензура во Франции. Согласно закону об осадном положении, принятому 8 августа 1849 года и дополненному в октябре 1913 года, военные власти имели право запрещать любые публикации и собрания, способные повлечь за собой беспорядки^[348]. Статья 29 предусматривала немедленное закрытие издания в случае нарушения этого закона, а согласно статье 31 расследование подобных дел находилось в ведении военных трибуналов^[349]. В целях дальнейшей регламентации деятельности периодической печати 3 августа 1914 года было создано бюро по делам прессы, подчинявшееся военному министру и, помимо цензуры, призванное заниматься распространением «проверенных» новостей.^[350] 4 августа 1914 года префектам было предписано воздерживаться от опубликования новостей, касающихся военных вопросов, без предварительного разрешения этого бюро^[351]. Тогда же был принят закон, согласно которому запрещалось публиковать под угрозой тюремного заключения сроком до 5 лет любые новости, касающиеся мобилизации, боевых действий, положения на фронте или дипломатических переговоров, исключая те, что будут сообщены самим правительством^[352]. Для налаживания контактов со средствами массовой информации при военном министерстве 13 августа 1914 года была создана «Комиссия французской прессы», в которую вошли представители различных газетных ассоциаций и агентств, под председательством редактора «Le Petit Parisien» Ж. Дюпюи^[353]. Таким образом, в отличие от России, во Франции журналисты и редакторы газет получили возможность для формального взаимодействия с военным ведомством и выработки общих подходов к созданию пропаганды.

В Англии, как и во всех других воюющих странах, начало войны было отмечено принятием законов, жестко ограничивавших свободу слова и ставивших прессу под контроль правительства. Этот процесс сопровождался чрезвычайно болезненной ломкой традиционных представлений о месте и роли печати в общественной жизни и ее отношениях с властью. Накануне Первой мировой войны взаимоотношения между правительством и средствами массовой информации строились на основе личных неформальных контактов, при значительной самостоятельности и неподконтрольности государству могущественных газетных баронов^[354]. Отсутствие опыта в централизованном контроле печати, соответствующих органов и подготовленных кадров, обернулось в начале войны импровизацией со стороны государства и принятием им не всегда продуманных мер^[355].

Осознание английским правительством важности контроля за информацией ярко проявилось буквально в первый же день участия Великобритании в войне. 5 августа 1914 года английский корабль «Телкония» перерезал телеграфный кабель, шедший по дну Атлантического океана и соединявший Германию с Америкой. Это обрекало американские газеты, если те хотели получать свежие новости о ходе войны, на сотрудничество с английскими информационными агентствами^[356]. Одновременно была установлена крайне жесткая военная цензура. В мирное время содержание газетных публикаций ограничивалось скорее самоцензурой журналистов и редакторов, чего с началом военных действий было явно недостаточно^[357]. В августе 1914 года был принят Закон о защите королевства (Defence of the Realm Act, DORA), согласно которому под угрозой военного трибунала запрещалась публикация любых сведений, могущих представлять интерес для противника^[358]. В эту

категорию входила информация о передвижении сухопутных и морских сил, военном снабжении, размещении отдельных полков.

6 августа 1914 года У. Черчилль объявил о создании специального Бюро по делам прессы во главе с его близким другом Ф. Э. Смитом, которое призвано было служить для прессы стабильным источником проверенной информации от Военного и Морского министерств^[359]. Однако упорное желание военных максимально ограничить освещение положения дел на фронтах фактически саботировало работу данного Бюро: английские газеты в определенный момент в начале войны вообще практически не получали достоверных сведений о ходе военных действий^[360].

Деятельность Бюро отличалась непоследовательностью и противоречивостью, что подрывало доверие к нему со стороны прессы и лишней раз демонстрировало неподготовленность чиновников к новой для себя роли цензоров. Так, новость о переброске во Францию Британского экспедиционного корпуса, опубликованная во французских газетах 8 августа, в Англии стала известной только 22 августа^[361]. Одновременно Бюро допустило к публикации сенсационную статью в «The Times» от 31 августа 1914 года, посвященную отступлению английских войск под Монсом в ходе их первого столкновения с немцами^[362]. Эта публикация обернулась настоящим скандалом и послужила поводом для активной критики деятельности Бюро в стенах Парламента^[363]. Многочисленные нарекания к работе цензурного ведомства и, как следствие, рост противоречий между ним и средствами массовой информации привели к отставке Ф.Э. Смита, чье место занял С. Букмастер, однако эта кадровая перестановка не изменила ситуацию в целом.

Ограничение информации о ходе военных действий достигалось во всех трех странах не только посредством цензуры газетных публикаций, каблогграмм и писем, но и путем недопуска журналистов и корреспондентов во фронтовые районы. В Российской империи действовало специальное «Положение о военных корреспондентах в военное время», предусматривавшее допуск в русскую армию 20 корреспондентов (в том числе 10 иностранных) и 3 фотографов. Их работа строго регламентировалась, они не имели права покидать пределы расположения штаба главнокомандующего и могли пользоваться лишь информацией, предоставленной специальным офицером штаба. Как совершенно справедливо заключает А.Ф. Бережной, «лишенные возможности общаться с солдатами и офицерами на передовой, корреспонденты ограничивались лишь пространными рассуждениями о войне»^[364]. Даже на таких условиях военные отнюдь не горели желанием принимать журналистов, тем более иностранных, что стало поводом для многочисленных обращений со стороны русских дипломатов^[365]. Не менее жесткие ограничения существовали для военных корреспондентов во французской армии. Они не допускались на фронт, в качестве корреспондентов могли работать только представители союзных Франции держав, все их сообщения должны были быть написаны по-французски и получить предварительное одобрение военного цензора, за нарушение установленных порядков грозил военный трибунал и обвинение в шпионаже^[366]. В Англии даже проверенные и лояльные корреспонденты были допущены в прифронтовые районы только в мае 1915 года^[367]. Многие аккредитованные журналисты, отправленные в начале войны в Европу, столкнувшись с мелочным контролем военных и ограничениями в передвижениях, уже в конце 1914 года вернулись в Англию^[368].

Во всех трех странах Антанты в отношениях между правящими элитами и СМИ тон задавали представители военных ведомств, которые на практике не имели опыта взаимодействия с прессой, да и не испытывали особого желания налаживать с ней контакт. Их первым стремлением было максимально ограничить доступ журналистов к театрам военных действий и сократить объем информации о войне, поступающий гражданскому населению. И в России, и в Англии, и во Франции журналисты, отмечая тяжесть новых цензурных ограничений, в целом признавали их необходимость и обоснованность^[369]. Эти настроения ярко выразил некий Б. Звониц, журналист из Петербурга, в письме от 4 (17) августа 1914

года: «С сегодняшнего дня мы под властью военной цензуры. Конечно, это лишь техническая неприятность, так как приходится считаться с потерей времени в выпуске газеты и т. п., по существу же, все мы настолько “цензурны” и осторожны, что новый порядок выпуска газеты не причиняет нам ни малейшего ущерба. Да и хотел бы я найти русского человека в эту войну, который бы искренно, чистосердечно, с полной готовностью – не шел бы навстречу всем требованиям, обеспечивающим нужную тайну»^[370].

Однако очень скоро первое воодушевление сменилось ростом напряженности и конфликтности в отношениях между властью, особенно военными, и прессой. Можно согласиться с мыслью, высказанной в свое время английскими историками М.Л. Сандерсом и Ф. М. Тэйлором в их фундаментальной работе «Британская пропаганда во время Первой мировой войны, 1914–1918», что возникновение конфликтов между прессой и цензурой – это просто вопрос времени: слишком различны их интересы, цели и задачи^[371]. В то же время, эта объективная тенденция усугублялась рядом дополнительных обстоятельств. Можно выделить два самых болезненных вопроса, отравлявших отношения между средствами массовой информации и обществом, с одной стороны, и государством и цензурой – с другой, в рассматриваемый период (конец 1914 – первая половина 1915 года): чрезвычайная скупость и неопределенность официальных сводок о положении дел на фронтах, оставлявшая широкие слои населения в тревожном неведении о судьбе родных и близких; совершенно предосудительное с точки зрения печати стремление цензоров распространить свою деятельность на вопросы, не имеющие прямого отношения к военным новостям. Последнее подразумевало введение полного запрета на критику действий правительств, гражданских и военных чиновников.

Неинформативность официальных сообщений и отсутствие иных стабильных и сколько-нибудь надежных источников новостей имели далеко идущие последствия не только для прессы, но и для воюющих обществ в целом. Во всех трех странах Антанты широкие слои населения, а подчас и правящие круги, имели совершенно искаженную картину реалий окопной войны, не знали подробностей военных операций и лишь в самых общих чертах представляли себе их последствия^[372]. Барон Н. Н. Врангель так описывал ситуацию, сложившуюся с освещением положения дел на фронтах в российской печати в начале Первой мировой войны: «“Немая война” – вот название для происходящих событий. Никто ничего не знает и не понимает, и отрывочные краткие сведения, появляющиеся в газетах, составлены столь бестолково, что не только [не] успокаивают, но просто пугают публику»^[373].

В «Новом времени» отмечалось: «Нынешняя великая война... окружена двумя непроницаемыми завесами: официальной ложью воюющих с нами стран, а также военной тайной, к которой приходится прибегать всем правительствам... Особенно жалкую роль играет в эту войну печать, основной долг которой быть общественным сознанием. Откуда нам вырабатывать это сознание, если самые источники понимания хода вещей – тщательно скрыты?»^[374]. По мнению газеты, правительства воюющих держав стремились привести общество в «полусознательное состояние», уподобить их борцам на ринге^[375]. В целом «Новое время» в этот период воздерживалось от прямой критики правительственных мер по ужесточению цензуры, объясняя их стратегическими соображениями, а также проводя параллели с положением прессы в Германии, которая, с точки зрения газеты, превратилась в простое орудие государственной пропаганды. В России же, по мнению «Нового времени», пресса идет навстречу правительству из патриотических чувств.

В таком же положении оказались печать и общество во Франции. Русский посол в Париже А.П. Извольский докладывал в конце августа 1914 года в Петербург: «Французская главная квартира продолжает сообщать печати и публике крайне скудные сведения о ходе военных операций, даже высшие военные власти, оставшиеся в Париже, почти ничего не знают ни о военных операциях, ни вообще о планах и распоряжениях генерала Жоффра»^[376]. Один из

крупнейших публицистов того времени М. Баррес в разговоре с президентом Р. Пуанкаре охарактеризовал эту ситуацию как «война в потемках»^[377].

Столкнувшись с ограниченностью информации о ходе кампании, французская пресса решила представить это в глазах общественности как плюс: «Существует опасность, которую необходимо всеми силами избегать – это опасность распространения ложных новостей.

Хорошие ли или плохие, если они выдуманы, они могут породить в толпе самые страшные иллюзии. Потому, мы должны противостоять искушению опубликовать даже самую, казалось бы, великую и радостную весть, если она не подтверждена официально»^[378]. Из подобного утверждения логично следовало, что всё, о чем пишут французские газеты, заслуживает полного доверия, так как является проверенной и точной информацией.

Во Франции неразговорчивость военных объяснялась не только их консервативностью или замкнутым характером французского главнокомандующего Ж. Жоффра^[379], но и объективно далеко не блестящим положением антантовских армий на Западном фронте в августе – сентябре 1914 года. Военные до последнего момента пытались скрыть от общества истинный масштаб продвижения немецких армий, сообщая о победах французского оружия и замалчивая поражения^[380]. Когда же открылось истинное положение дел, доверие к официальным новостям и прессе со стороны городских и сельских обывателей было серьезно подорвано^[381].

Пики активности военной цензуры в той или иной стране и в дальнейшем вполне естественно совпадали с обострением для нее ситуации на фронтах. Осенью 1914 года во время Восточно-Прусской операции русской армии Н.Н. Врангель писал: «Газеты немые, и только зловещие белые пятна – вытянутых в печати гранок – говорят о каких-то ужасах и горе, о которых мы все не должны знать»^[382]. Эта картина повторилась и весной 1915 года, во время начавшегося наступления немцев на Восточном фронте^[383].

Стремление к замалчиванию неудобных фактов, поражений, потерь, ошибок командования было в равной мере характерно и для английской цензуры^[384]. Одним из наиболее последовательных критиков военной цензуры стал либеральный журнал «The Economist». На его страницах высказывались опасения, что из-за мер, принятых правительством, население скоро потеряет всякое доверие к новостям, публикуемым английской прессой^[385]. Также отмечалось: «Вероятно, контроль за поступающими новостями был установлен, чтобы, с одной стороны, не раскрывать перед противником планов стратегических операций, с другой – чтобы не провоцировать паники, или наоборот, излишнего оптимизма населения распространением непроверенных новостей. Со всей уверенностью можно говорить, что первая цель достигнута. Однако этого никак нельзя сказать о второй: новостей с фронта поступает так мало, что это скорее вызывает панику в обществе, нежели успокаивает его»^[386].

В итоге, во многом благодаря усилиям военной цензуры, образовалась и всё больше начала разрастаться пропасть непонимания между фронтом и тылом^[387]. Газеты не печатали фотографий с мест сражений, изображений раненых и убитых, о потерях со своей стороны говорилось лишь вскользь, и поэтому реальная цена как побед, так и поражений оставалась в целом неизвестной для тылового населения^[388]. Исключением были первые недели войны, когда в печати порой проскальзывали сравнительно подробные данные о «своих» потерях, а в крупных газетах публиковались поименные списки погибших^[389]. Однако по мере становления и упорядочения работы цензуры образ войны, создаваемый средствами массовой информации, всё больше терял связь с действительностью, что было чревато полным крахом общественных иллюзий в случае их резкого столкновения с реальностью окопной войны, принимавшей затяжной характер.

Параллельно с этим процессом развитие получили и другие потенциально опасные для внутреннего консенсуса тенденции, связанные с усилением государственного вмешательства в деятельность средств массовой информации. С самого начала военных действий правительства всех воюющих держав продемонстрировали настойчивое стремление, опираясь на законы о военной цензуре, положить конец критике любых своих действий со страниц печатных изданий. Например, во Франции эта политика получила практическое оформление в циркуляре военного министра А. Мильерана от 19 сентября 1914 года, запрещавшем публикацию передовиц, в которых бы содержались нападки в адрес правительства и высшего военного командования^[390]. Уже в конце сентября была закрыта газета Ж. Клемансо «L'Homme Libre» («Свободный человек») за статьи, разоблачавшие дезорганизацию в санитарных службах армии^[391]. В ответ Ж. Клемансо создал новую газету, «L'Homme Enchaîné» («Человек в оковах»), и с новой энергией обрушился на французское правительство и военные власти.

Ту же ситуацию в отношениях власти и прессы мы увидим, если обратимся к примеру Российской империи. В письме некоего Б. Ушакова из действующей армии от 14 (27) января 1915 года читаем: «Понемногу военная цензура печати начинает вторгаться в область внутренней политики, всё больше и больше влияет она на то или иное политическое направление газеты. Уже много прибавилось у нас параграфов, предписывающих не пропускать в газеты вещи, ничего общего с военными соображениями не имеющие»^[392].

В России штрафы и иные наказания обрушивались на те газеты, которые позволяли себе критику внутренней политики царского правительства или выступали за послевоенные демократические преобразования^[393]. Депутат от кадетской партии в IV Государственной думе А. И. Шингарёв жаловался в письме от 16 (29) августа 1914 года, перлюстрированном Особым отделом Департамента полиции: «Внешние успехи окрылили наших беспардонных бюрократов, и они во внутренних делах снова хотят загнуть салазки “дерзкому” населению... “Речь” оштрафована на 3 тыс. р. только за то, что осмелилась сказать, очень умеренно, правду о внутреннем положении»^[394].

Меж двух огней оказалось в Англии руководство Бюро по делам прессы, которое газеты критиковали за излишне суровые, на их взгляд, цензурные ограничения, а военное и морское министерства в лице военного министра Г. Китченера и морского министра У. Черчилля – за неспособность положить конец критике их действий со страниц газет и журналов^[395]. У. Черчилль, по свидетельству одного из «газетных баронов» Дж. Риддела, вообще желал закрыть это Бюро и вернуться к прежнему порядку цензуры новостей, существовавшему в Англии до войны, когда она осуществлялась соответственно Военным и Морским министерствами^[396]. Впрочем, большинство Кабинета, по-видимому, не разделяло этого взгляда, и на встречах с представителями крупнейших лондонских газет премьер-министр Г. Асквит решительно отрицал существование планов правительства по ограничению свободы критики^[397].

Надо отметить, что если цензура новостей, имеющих отношение к военным действиям, встречала сравнительно слабое сопротивление со стороны средств массовой информации, хотя тоже вызывала нарекания, то поползновения в сторону расширения круга «запретных» тем вызывали бурные протесты. Особенно это было характерно для Англии, где пресса сохранила всё же большую свободу и независимость по сравнению с континентальными аналогами.

Во главе этой борьбы встала газета «The Times». Она отмечала стремление чиновников воспретить к публикации не только информацию, действительно имеющую отношение к военным действиям, но и материалы, содержащие критику действий правительства, что, с точки зрения «The Times», было недопустимо^[398]. Эта позиция привела газету к острому конфликту с внешнеполитическим ведомством Великобритании. Дело в том, что хотя формально журналисты обязаны были получать всю информацию из рук Бюро по делам

прессе, на деле установилась практика непосредственных контактов журналистов с чиновниками Форин Офис для получения международных новостей. Вслед за рядом статей в «The Times», жестко критиковавших политику главы Форин Офис Э. Грея в отношении Османской империи осенью 1914 года, внешнеполитическое ведомство закрыло двери для журналистов этой крупнейшей газеты. И редактор международного отдела «The Times» Г. В. Сид, и владелец издания лорд Нортклифф, решительно осудили действия Форин Офис, заявив, что в данном случае имеют полное право критиковать действия правительства. Зимой 1914–1915 годов «The Times» оказалась практически в состоянии войны с Форин Офис^[399]. Принятые санкции оказали очень слабое влияние на газету: она располагала своей развитой службой иностранных корреспондентов и пользовалась большим авторитетом за границей.

Форин Офис, и ранее тяготившийся своим участием в деятельности военной цензуры, окончательно убедился в непродуктивности одних только репрессивных мер и стал искать способы улучшения отношений со средствами массовой информации. В итоге, лишь в мае 1915 года, после формирования коалиционного правительства и очередных кадровых перестановок в Бюро по делам прессы, ознаменовавших поворот правительства к диалогу с прессой, этот конфликт был в целом преодолен^[400].

Проведенный анализ взаимоотношений прессы и власти в странах Антанты рассматриваемого периода важен с точки зрения данного исследования в силу нескольких обстоятельств: во-первых, он позволяет оценить объективные условия, в которых вынуждены были действовать средства массовой информации в 1914 – первой половине 1915 года; во-вторых, благодаря этому становится более понятной внутренняя логика развития пропаганды во время войны; в-третьих, он открывает перспективу для понимания восприятия современниками событий Первой мировой войны, уникального морально-психологического климата, сложившегося в воюющих державах.

Во всех трех рассматриваемых странах взаимоотношения правительства и прессы развивались в первые месяцы войны, в сущности, в одном направлении: всё больше регламентировалась деятельность средств массовой информации, оформлялись институты военной цензуры. Однако были и различия. Большим своеобразием характеризовалась в этом отношении ситуация в Англии. В отличие от континентальных держав, там пресса сохранила сравнительно большую самостоятельность и свободу в критике правящей элиты. Объяснение этому обстоятельству, на наш взгляд, кроется в глубоко укоренившихся представлениях англичан о месте и роли прессы в общественной жизни, устоявшихся традициях ее контактов с властью. Первая мировая война нанесла сильный удар по этим традициям, повлекла за собой рост государственного вмешательства в сферу деятельности СМИ, однако в начальный период военных действий эти тенденции не успели еще развиться в полной мере и отношения печати и государства строились в рамках довоенных представлений. Этому способствовал и сравнительно ограниченный характер участия Англии в войне (на ее территории боевые действия не велись, экономика в целом продолжала работать в нормальном режиме).

Везде военная цензура в значительной степени оставляла широкие слои гражданского населения в неведении относительно подлинных масштабов потерь на фронтах, общего развития военных действий, их возможной продолжительности и цены. Конечно, полностью скрыть колоссальные людские потери и материальные разрушения было невозможно. Скорее речь шла об их преуменьшении, искажении реальной картины мировой бойни.

Из признания того факта, что цензурные ограничения вели к искажению восприятия современниками событий Первой мировой войны, не следует непременно негативная оценка деятельности цензуры того периода. Ее введение было необходимой мерой в условиях новой по своему характеру войны. На наш взгляд, цензура, при всех своих издержках, в значительной мере содействовала поддержанию общественного консенсуса в воюющих странах на протяжении практически всей войны.

Средства массовой информации оказались в тот момент в крайне противоречивом положении: с одной стороны, и традиции самовосприятия в качестве выразителей общественного мнения, и объективная сосредоточенность всего внимания населения воюющих держав на перипетиях военных действий, и, наконец, чисто экономический интерес толкали газеты и журналы к максимально подробному освещению на своих страницах военных новостей; с другой стороны, введенные с первых дней войны цензурные ограничения заставляли их, под страхом привлечения к военному суду, довольствоваться в этом отношении чрезвычайно скудными и неинформативными официальными сводками. Чтобы удовлетворить читательский спрос, средства массовой информации стали искать иные темы и сюжеты, связанные с войной, но не подлежащие цензуре. Так были созданы предпосылки для развития специфической пропаганды военного времени, основанной не столько на документально подтвержденных фактах, сколько на анонимных свидетельствах «очевидцев», откровенных выдумках журналистов и умозрительных рассуждениях писателей и ученых о природе и сущности новой войны. Изначально существовавшая тенденция к трактовке новой войны с позиции морали, как столкновения добра со злом, справедливости с беззаконием, постепенно превратилась едва ли не в главную отдушину для средств массовой информации в их отчаянном стремлении удовлетворить читательский интерес к войне. Это становится особенно заметным, если мы обратимся к изучению образа врага, создаваемого на страницах газет и журналов в странах Антанты.

§ 2. Разработка внешней мотивации в пропаганде стран Антанты

Первейшей задачей всех пропагандистских организаций и структур, не важно, государственных или частных, в начальный период военных действий было создание убедительной внешней мотивации войны: объяснения причин участия своих стран в конфликте, оправдывавшего необходимость жертв и лишений со стороны гражданского населения. Эта задача отвечала потребности в самоидентификации, остро вставшей перед всеми воюющими обществами рассматриваемого периода – в данном случае – через их противопоставление внешним явлениям и факторам, через создание образа «другого», образа «врага».

Само понятие «образ врага», которое мы будем активно использовать в данной работе, нуждается в определенном уточнении. Вот как его трактует Е.С. Сеньявская, посвятившая этой проблеме ряд работ: «Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационного или суггестивного типа»^[401]. На наш взгляд, это несколько громоздкое определение достаточно удачно, так как концентрирует наше внимание сразу на нескольких ключевых аспектах, составляющих феномен «образа врага». Во-первых, подчеркивается, что образ этот формируется не только под давлением извне, посредством правительственной пропаганды (что ни в коей мере не умаляет ее значения), но имеет под собой основу в виде устойчивых социальных стереотипов. Во-вторых, важно указание на динамический характер этого образа, его способность изменяться вслед за изменением обстановки и с течением времени. Эти особенности процесса складывания образа врага ярко проявились и в пропаганде стран Антанты периода Первой мировой войны, одновременно продемонстрировав наличие ярко выраженной местной специфики.

Для того чтобы образ врага, создаваемый средствами массовой информации, нашел путь к сердцу читателя или зрителя, необходимо было, чтобы он опирался на некие стереотипы, глубоко укорененные образы и представления. В то же время, страны Антанты находились в этом отношении в совершенно разных условиях. Несмотря на утверждения, распространенные в современной западной историографии, об отсутствии во Франции кануна Первой мировой войны сильных реваншистских настроений^[402], для поколения 1914 года было характерно устойчивое представление о существовании сильного и опасного врага на востоке в лице Германской империи. После Франко-прусской войны 1870–1871 годов главными антагонистами во французской популярной и фантастической литературе становятся немцы, окончательно вытеснившие с этой роли англичан; правонационалистические круги интеллигенции неустанно твердили со страниц крупнейших газет о том, что Франция потеряла «двух детей»; в школьных учебниках территория Эльзаса и Лотарингии была выделена особым цветом, как если бы их оплакивали^[403]. Острое обсуждение в печати и обществе закона о возвращении к трехлетней службе в армии в 1913 году показало, что именно Германия представлялась современникам наиболее вероятным противником в следующей войне, и эта перспектива не являлась секретом ни для кого во Франции^[404]. Подтверждением этому служит и та готовность, с которой население Третьей республики встретило начало Первой мировой войны и которая выразилась в установлении широкого национального консенсуса и социального мира уже во время Июльского кризиса. Иными словами, французы не нуждались в дополнительных объяснениях, почему в новой войне их врагами оказались именно немцы, наоборот, это был совершенно предсказуемый поворот событий.

В меньшей степени к восприятию немцев в качестве врага было подготовлено население Британских островов. Здесь, как и во Франции, популярная литература много внимания уделяла созданию образа будущей войны, в которой противниками Англии вслед за перипетиями развития международных отношений становились то Франция (как эхо острожного колониального соперничества двух стран), то Россия (вплоть до ее поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов), то, наконец, Германия^[405]. Ослабление англо-германского морского соперничества в 1912–1914 годах способствовало улучшению образа Германии в глазах английского общественного мнения и ослаблению алармистских настроений, и всё же именно Германия продолжала в тот период восприниматься им как наиболее вероятный противник Англии в будущей войне. Однако в Англии образу немца как врага недоставало той опоры на историческую память, которой он обладал во Франции; он не успел столь же прочно укорениться в сознании англичан, как это имело место в случае с французами.

Уникальная ситуация сложилась в Российской империи. Несмотря на активные дискуссии о международном положении накануне Первой мировой войны и острую критику внешнеполитического курса Германии в столичной прессе, немцы отнюдь не воспринимались как потенциальный враг широкими слоями населения страны, которые редко интересовались перипетиями международных отношений. К тому же это усугублялось и бездействием самого царского правительства, не уделявшего сколько-нибудь значительного внимания идейной подготовке будущей войны. Так, генерал А. А. Брусилев вспоминал: «Если бы в войсках какой-нибудь начальник вздумал объяснять своим подчиненным, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас, и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если бы не был предан суду»^[406]. В условиях, когда уровень грамотности подавляющего большинства населения империи продолжал оставаться крайне низким^[407], что резко снижало эффективность прессы как средства пропаганды, идеологической разработки образа врага не велось и в рамках армии, которая потенциально представляла собой мощный инструмент социологизации и патриотического воспитания.

Восприятию немцев в качестве врага препятствовало еще одно важное обстоятельство. Народная традиция, песни, молитвы рисовали образ врага, прежде всего, как «нехристия», врага христианской веры, что отражало специфические черты крестьянского мировоззрения. Тот факт, что новые противники – немцы – являлись христианами, не укладывался в голове крестьян, призванных в армию^[408]. Русский философ Ф. А. Степун вспоминал о своих разговорах с солдатами: «Мое сообщение, что немцы христиане, а больше трети из них католики, то есть христиане, каждое воскресенье обязательно ходящие в церковь, крестьящиеся в ней и становящиеся на колени, совершенно сбило моих собеседников с толку, так как явно не вязалось с их представлением о враге – турке или японце»^[409]. В итоге в Российской империи широкие слои населения оказались наименее подготовленными к восприятию нового образа врага-немца, усиленно насаждавшегося средствами массовой информации. Ему не хватало ни укорененности в виде социальных стереотипов, ни идеологической разработанности. Это обстоятельство создавало объективные трудности для деятельности пропагандистов, заранее снижало эффективность газетных кампаний. Впрочем, это не остановило русских журналистов и публицистов, которые, как и их западные коллеги, посвятили себя информационной войне, развернувшейся между двумя противостоящими блоками держав^[410].

Прежде чем переходить к рассмотрению основных сюжетов и мотивов антантовской пропаганды рассматриваемого периода (1914 – первая половина 1915 года), хотелось бы специально подчеркнуть, что она не базировалась исключительно на государственном вмешательстве в дела прессы, не была только следствием правительственных усилий по искусственной мобилизации общественных настроений; она так же была результатом самостоятельной творческой деятельности, самоорганизации журналистов, писателей и публицистов, то есть частных лиц, которые добровольно и вполне искренно стремились тем самым послужить родной стране, внести свою лепту в поддержание общественного консенсуса^[411].

Впрочем, достоверно установить соотношение правительственного контроля и творческой инициативы в создании пропаганды военного времени в той или иной стране Антанты достаточно проблематично. Это наблюдение ярко иллюстрирует ситуация в Англии. Считая, что неприкрытое и откровенное спонсирование тех или иных публикаций заведомо подрывало доверие к ним со стороны читательской аудитории, особенно в нейтральных странах, английские государственные деятели предпочитали более неформальные, личные контакты с нужными авторами, не афишируя свои заказы и связи. Например, уже 2 сентября 1914 года ряд крупнейших английских писателей, журналистов и ученых были приглашены на специальное секретное заседание под руководством канцлера Герцогства Ланкастерского, и в этой должности члена кабинета Г. Асквита, Ч. Мастермана. Так было положено начало особой пропагандистской организации – Бюро военной пропаганды, – ориентированной на работу в нейтральных странах и известной также как Веллингтон Хаус, по названию резиденции, где она расположилась^[412], ^[413]. В дальнейшем именно Веллингтон Хаус выступал в качестве заказчика многих пропагандистских памфлетов и статей, никогда не предавая огласке эту свою деятельность. Складывалось впечатление, что авторитетные ученые и писатели исключительно по собственной инициативе выступали с осуждением и обличением Германии. О масштабах работы Веллингтон Хауса не знали даже члены парламента, что становилось поводом для нападок на правительство, которое парламентарии обвиняли в полном пренебрежении вопросами пропаганды. В итоге, в силу описанной секретности, точно оценить степень участия английских правящих кругов в создании пропаганды военного времени не представляется возможным. Можно лишь констатировать, что в этой деятельности они шли значительно дальше своих континентальных союзников, что свидетельствовало об осознании ими значения общественного мнения и роли национального консенсуса для успешного ведения войны.

Разумеется, не стоит преувеличивать и бескорыстие газетчиков и журналистов того времени. Наравне с патриотическим порывом, серьезным побудительным мотивом для их включения в информационную войну были и соображения экономического характера. Газетам нужно было «продаваться», а в условиях жестких цензурных ограничений едва ли не единственным средством удовлетворения ими читательского спроса на информацию о войне стали различные более-менее связанные с ней рассуждения о причинах, характере, целях и возможных итогах европейского «пожара». К тому же развитие массовой прессы на рубеже XIX–XX веков убедительно показало, что лучше всего «продаются» скандалы, шокирующие новости, а не серьезные аналитические материалы^[414]. Совокупность описанных факторов предопределила специфические облик и содержание пропаганды военного времени в странах Антанты, которые проявились буквально в первые недели войны и характеризовались тягой к сенсационности, скандальности и безапелляционности.

В этом отношении разработка образа врага открывала перед журналистами и публицистами широчайшие перспективы и, вполне предсказуемо, заняла центральное место в процессе формулирования внешней мотивации в пропаганде периода Первой мировой войны^[415]. Деятельность пропагандистов в странах Антанты облегчалась тем, что Германия и Австро-Венгрия объективно выступили в качестве агрессоров, а их войска вели боевые действия на чужих территориях. Уже с первых дней войны широчайшее хождение во всех странах Антанты получили многочисленные сообщения о жестоком и грубом обращении немцев с гражданским населением оккупированных территорий в Бельгии и подданными враждебных им государств, волею судеб застигнутых войной на территории Германии и спешивших вернуться домой^[416]. Характерным примером такого рода публикаций может послужить статья «Увековечение варваров XX в.» из газеты «Новое время» от 30 июля (12 августа) 1914 года: «Доходящие до нас с разных сторон известия о невероятных в наш век насилиях и преступлениях, совершаемых озверевшими немцами над безоружными гражданами воюющих с ними держав, лишней раз показывают, что может таиться даже в наши дни под личиной культуры и прогресса у народов, основную черту которых составляют тупость и грубость души»^[417].

Особенно усердствовала русская печать. Статьи, посвященные злоключениям русских путешественников и отдыхающих в Германии, напечатанные в ведущих газетах, впоследствии издавались отдельными сборниками и в виде памфлетов^[418]. Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, истории о немецких жестокостях в отношении соотечественников встречали сравнительно больший отклик у читателей, чем описания событий в далекой Бельгии; во-вторых, даже они поначалу наталкивались на недоверие со стороны населения, что отражало его неподготовленность к восприятию немцев в качестве врага и говорило о необходимости дополнительных усилий для популяризации войны в массах. Автор одного из памфлетов, А. С. Резанов, признавал: «Мы, русские, привыкли немцев считать культурными европейцами, а потому трудно было верить, чтобы этот народ дошел до такой степени нравственного падения, чтобы вся страна вдруг превратилась в гнусных насильников, убийц и подлых грабителей»^[419]. Тем не менее он заключал, что свидетельства тому слишком многочисленны, чтобы быть ложными.

Большой резонанс получали все новости о нарушении немцами законов войны в Бельгии. Многие подобные сообщения были зачастую заведомо ложными, либо являясь плодом фантазий журналистов, которых в реальности и близко не подпускали к зоне боевых действий, либо основываясь на непроверенных анонимных показаниях беженцев. Многие, но не все: германская армия действительно широко применяла тактику устрашения местного населения, ее пребывание на территории Бельгии и Франции сопровождалось репрессиями в отношении гражданского населения, реквизициями и разрушением памятников культуры^[420]. Всё это давало богатую пищу для пропагандистов стран Антанты, и в этом отношении Германия представляла собой идеального противника.

К числу достоверно установленных фактов нарушения немцами законов и обычаев войны можно отнести разрушение ими бельгийского города Лувена, включая его знаменитую библиотеку, и бомбардировку Реймского собора в августе и сентябре 1914 года соответственно. Эти новости вызвали взрыв возмущения во французской прессе^[421]. «Лувен останется навечно в памяти народов, не только потому, что этот город был очагом высокой науки и культуры, но также и потому, что он стал свидетельством беспредельной жестокости... Пусть же кровь детей, стариков и женщин, истребленных в Лувене, падет на головы их палачей! Пусть же Лувен останется в истории постоянным напоминанием о неискупимом преступлении!»^[422]. В том же эмоциональном ключе были выдержаны статьи, посвященные обстрелу Реймского собора. Помимо обвинений в уничтожении бесценного памятника культуры, немцев обвиняли в совершенно варварском пренебрежении законами войны. Газета «Le Petit Parisien» сообщала, что собор служил временным лазаретом, в котором размещались не только французские, но и немецкие раненые, что он находился под защитой Красного креста, что никак не помешало немцам подвергнуть его бомбардировке^[423].

Крайне эмоциональной статьей отреагировала на известие о разрушении немцами Лувена газета «Новое время»: «Звери... другого слова нет для того, чтобы назвать этих пруссаков, баварцев, саксонцев, оскверняющих своими действиями священные имена “человек” и “воин”. Ничего человеческого не видно в этом скопище озверевших убийц, насильников и поджигателей... Звери, звери и звери! Сколько сердец вчера облилось кровью, как сжимались в негодовании руки, когда, может быть, многие сквозь слезы читали описание “торжества победителей” в Лувене. Бедный город, светлое видение живописной старины, погибший от рук остервеневших палачей»^[424]. Не отставали и «Московские ведомости»: «Кто они – эти дикари, предающие изощренным мучениям ни в чем не повинных младенцев и женщин, разрушающие вековые памятники искусства, свою злобу на неудачи срывающие на произведениях человеческого гения, при жутком зареве пожаров, совершающие свою дикую пляску на развалинах сожженных городов?»^[425].

Постепенно, под влиянием новостей из Бельгии, стала меняться тональность прежде сдержанных английских изданий. Первоначально пропагандистские публикации в английских СМИ концентрировались вокруг описаний вероломности Германской империи, цинично нарушившей нейтралитет Бельгии. Но очень скоро необходимость обеспечения стабильного и массового притока добровольцев в формирующиеся полки китченеровской армии толкает английских пропагандистов к более детальной разработке образа врага, использованию при его создании более понятных и близких широким народным слоям образов и мотивов, апеллирующих, прежде всего, к эмоциям и чувствам^[426].

10 сентября 1914 года «The Times» признала: «Свидетельства о систематических насилиях, творимых немцами во Франции и в Бельгии, настолько детальны, многочисленны и повсеместны, что даже люди, вполне естественно и справедливо с подозрением относящиеся к подобным историям, не могут не признать, что они, должно быть, правдивы»^[427]. Самым настоящим варварством газета назвала бомбардировку Реймского собора^[428]. Необычно резко писал о действиях немцев 17 октября журнал «The Economist»: «Менее чем за два месяца опустошив одну из самых процветающих и индустриально развитых стран Европы, превратив ее жителей в бездомных голодающих беженцев, разрушив ее города и уничтожив множество памятников, которые теперь уже никогда не восстановить, – сделав всё это, немцы превратили Бельгию в вечный упрек Германии, о котором Европа никогда не забудет, и на который США должны смотреть с ужасом»^[429].

Так, уже с первых месяцев войны было задано самое общее направление в выработке внешней мотивации в пропаганде стран Антанты, которое заключалось в создании образа врага-немца как дикого, жестокого варвара. Достаточно прочитать названия статей «Нового времени» в начале 1915 года, чтобы примерно представить их содержание: «Каннибалы»^[430], «Грабители, убийцы и насильники»^[431], «Бесполезные злодеяния»^[432], «Палачи»^[433]. Говоря

о немецких зверствах, пропагандисты стремились подчеркнуть, что описываемые преступления являются делом рук людей совершенно чуждых европейской цивилизации, европейской культуре, чуждых христианству; всячески подчеркивалась их «немецкость»^[434].

К 1915 году активизировались правительства стран Антанты, не только начав всё больше спонсировать частные пропагандистские публикации, но и предпринимая собственные шаги в этой сфере. Так, 8 января 1915 года был опубликован отчет французского правительства о немецких зверствах в отношении мирного населения захваченных территорий Бельгии и Франции и военнопленных, получивший широкий резонанс в союзных и нейтральных средствах массовой информации^[435].

Описанные в этом отчете преступления, как и следовало ожидать, вызвали бурю возмущения в антантовской прессе. По мнению «The Times», он должен был шокировать все государства, которые разделяют общечеловеческие представления о гуманности^[436]. Газета подчеркивала, что самое страшное в немецких зверствах заключалось в том, что они не были совершены солдатами в горячке боя, а являлись следствием систематической политики высшего немецкого военного командования^[437].

Гораздо большей эмоциональностью отличались публикации французских изданий. Так, например, газета «Le Petit Parisien» писала: «Из этого обвинительного акта становится очевидно, что немецкий народ, народ Шиллера, Гёте, Лейбница и Шуберта, за последние сорок лет превратился в сборище отвратительных и кровожадных зверей»^[438]. «Le Matin» приводила этот отчет целиком^[439]. По мнению «Le Matin», в то время как абсолютно все народы мира, не исключая самые отсталые районы Азии и Африки, неуклонно развивались в сторону идеалов свободы, равенства и братства, Германия также неуклонно скатывалась до уровня самых примитивных и жестоких племен древности^[440]. Из этих и подобных им публикаций следовал вывод, что объяснение немецким зверствам следует искать в специфической германской культуре, в корне отличной, противопоставленной культуре европейской.

Барон де Бай, автор многочисленных памфлетов на русском и французском языках, писал: «Зверства немецких генералов, офицеров и солдат, подлость и лицемерие немецких ученых, таковы последствия ядовитого влияния микробов германской культуры»^[441] (так в тексте. – Н.Ю.). Эту же мысль встречаем у другого автора, Э. Бутру: «Германцы, которые подготовили, объявили и ведут настоящую войну, нарушая без всякого зазрения совести законы цивилизованного мира, действуют так не вопреки своей цивилизации, а именно в силу ее»^[442].

Для пропагандистов в России, равно как и для их французских и английских коллег, очень важно было также показать, что немцы своими действиями исключили себя из числа христианских народов, и потому война с ними не только допустима, но и необходима^[443]. Один из выдающихся французских публицистов М. Баррес неоднократно возвращался к этой теме в своих статьях. Он утверждал, что немцы во главе с кайзером фактически отошли от христианства и стали вновь поклоняться древним германским языческим богам^[444].

В целом, образ врага не претерпел значительных изменений в течение практически всей войны, его развитие шло в рамках сюжетов и мотивов, выработанных еще в первые месяцы конфликта, и сводилось, главным образом, к их конкретизации. В то же время, этот образ не был начисто лишен своей внутренней динамики и в определенном смысле был способен к эволюции. Речь идет о проблеме определения ответственности немцев как нации за развязывание войны. И в русской пропаганде, буквально с первых дней войны отличавшейся особой безапелляционностью, и во французской – уже осенью 1914 года – утвердилась точка зрения, что вина эта лежит отнюдь не только на правящей элите Германской империи или ее военной касте, а на всех немцах^[445].

Например, газета «Le Figaro» в августе 1914 года писала: «Мы столкнулись не только с варварской армией, а с целым народом, который считает себя выше остальных, который хочет править всеми и уничтожить всех несогласных с его господством»^[446]. Эта мысль активно развивалась и на страницах памфлетов^[447]. А.М. Оссендовский в памфлете «Великое преступление» подчеркивал, что «обвинения в таких тяжких, почти невозможных в наше время преступлениях должны быть возведены на весь немецкий народ, его правителей и его войска. Необходим суд над целой нацией. Суд суровый и беспристрастный. Обвинителями выступят правда и история»^[448]. Предельно четко эти мысли и настроения выразил Б. Назаревский: «Мы боремся со всем немецким народом, мы боремся с его завоевательными и порабощительными стремлениями, которые легли в основу всей немецкой культуры, немецкого мировоззрения, немецких приемов, немецкого образа действий. Немцы для нас – злейшие враги, с которыми у нас во имя блага, во имя великого будущего нашей родины нет, не может быть и не должно быть примирения»^[449].

В отличие от их русских и французских коллег, английские пропагандисты пришли к выводу о вине в развязывании войны всех немцев, а не только военной и политической элиты Германии, далеко не сразу. Конечно, преувеличением было бы утверждать, как это делают некоторые исследователи, что английская пресса вообще ориентировалась исключительно на образованную публику, интеллектуалов, и мало считалась со вкусами массового читателя^[450], но факт остается фактом – в рассматриваемый период она, в целом, отличалась стремлением избегать откровенно германофобских высказываний. Порой проскальзывали положительные оценки боевых и моральных качеств немецких солдат и офицеров^[451]. Со скепсисом воспринимались первые истории о немецких зверствах^[452], а случаи ложных обвинений германской армии в бесчеловечном отношении к гражданским и военнопленным иной раз влекли за собой судебное преследование^[453].

Английские средства массовой информации склонны были проводить четкую грань между правящими классами Германии, зараженными духом милитаризма и виновными в разжигании европейской войны, и широкими слоями населения Германской империи, которые были обмануты немецкой пропагандой^[454]. Эта тенденция еще более отчетливо прослеживается в английских памфлетах. Так, в одном из наиболее известных памфлетов периода Первой мировой войны «Война, которая положит конец войне», принадлежащем перу Г. Уэллса, утверждалось: «Будем же помнить, что европейский конфликт спровоцирован немецким государством, а не немецким народом; системой, а не расой»^[455]. И Г. Уэллс, и другие авторы, например, А. Клаттон-Брок, писали, что Англия и ее союзники борются, прежде всего, с идеологией, с доктриной прусского милитаризма, проповедуемой военными, профессорами и государственными деятелями Германской империи^[456]. С одной стороны, в этой первоначальной сдержанности отразились глубокие связи, в том числе, семейные, объединявшие интеллектуальные элиты двух стран, традиционное уважение англичан к немецкой философии и науке. С другой стороны, не меньшую роль сыграло и то обстоятельство, что участие Англии в военных действиях в тот период носило сравнительно ограниченный характер, в этих условиях английские авторы могли позволить себе смотреть на войну как бы со стороны, с позиции заинтересованного, но все-таки наблюдателя.

Лишь постепенно, под давлением постоянных сообщений о немецких зверствах в Бельгии и оккупированной Франции, а также достоверно установленных фактов нарушения немцами законов войны, тон английской печати стал всё более ужесточаться, что сближало ее с континентальными аналогами. Во многом поворотным моментом стала весна 1915 года, когда развитие образа врага в пропаганде стран Антанты получило новый импульс. Причиной этому стали два события, вызвавшие резонанс во всем мире: потопление

7 мая 1915 года немецкой подводной лодкой пассажирского лайнера «Лузитания» и выход в свет в том же месяце доклада комиссии по расследованию немецких зверств на территории Бельгии, которую возглавлял лорд Дж. Брайс.

Потопление «Лузитании», которое обернулось гибелью 1198 человек, в том числе женщин и детей, вызвало шквал гневных статей в странах Антанты^[457]. Оно стало также сюжетом для многочисленных агитационных плакатов. Обычно сдержанная газета «The Times» не скупилась на выражения: «Целью германского кайзера, немецкого правительства и немецкого народа – теперь уже не может идти речи о разделении вины – было массовое убийство и ничто иное»^[458]. Газета решительно отвергала обвинения Германии, утверждавшей, что лайнер перевозил военный груз, подчеркивая, что пассажирский корабль, каким и была «Лузитания», просто не был для этого приспособлен^[459]. Отметим, что военный груз на «Лузитании» всё же был^[460], что являлось грубым нарушением военных законов.

В последующих статьях развивалась мысль о беспримерности нового преступления Германии: «Этот акт ужасает не только своей жестокостью, но, возможно даже сильнее, своей бессмысленностью. Он вызывает сильнейшее негодование, он должен, наконец, убедить всех сомневающихся или безразличных в том, что политика безобразной и неумной жестокости поставила весь немецкий народ вне рамок цивилизованных обществ»^[461].

Таким образом, газеты всех стран Антанты признали и взяли на вооружение идею, что новая война ведется не с кайзером и немецким правительством, не с немецкими солдатами и офицерами, а со всем немецким народом. На наш взгляд, постепенный отказ средств массовой информации проводить границу между военной кастой Германии и немецким народом в целом диктовался внутренней логикой развития образа врага. Совершенно справедливым представляется замечание Е.С. Сеньявской: «В экстремальной ситуации вооруженной борьбы «на взаимоуничтожение» имеет ценность только то, что способствует уничтожению противника,

то есть всё, обеспечивающее мобилизацию собственных сил, в том числе морально-психологических. Эта мобилизация, помимо всего прочего, предполагает непереносимое возбуждение в массовом сознании сильных негативных эмоций по отношению к противоборствующей стороне, вплоть до чувства ненависти к врагу»^[462]. Пропаганда вообще не терпит полутонов и оговорок. С этой точки зрения утверждение, будто ответственность за преступления, совершённые Германской армией, не должна распространяться на немецкий народ, вступало в противоречие с задачами и логикой пропаганды.

Важной вехой в развитии пропаганды в Англии в период Первой мировой войны стало и издание так называемого «отчета Брайса». Лорд Джеймс Брайс по поручению английского правительства возглавил работу комиссии по расследованию германских зверств в Бельгии. Подобные комиссии, французские и бельгийские, работали на постоянной основе во Франции, регулярно публикуя отчеты о зафиксированных преступлениях, совершённых германской армией на территории оккупированной Бельгии и французских департаментов^[463]. Для Англии же это был первый опыт создания подобного отчета. Однако опыт чрезвычайно успешный.

Отчет Брайса представлял собой 360-страничный памфлет – «краткое изложение показаний» – и 300-страничное дополнение: избранные дела. Эти последние состояли из 500 свидетельств бельгийских беженцев, а также выдержек из 37 дневников пленных немецких солдат^[464]. Отчет Брайса поступил в свободную продажу по цене обычной газеты. С точки зрения содержания, доклад Брайса не представлял собой ничего нового, всё те же описания совершенно немыслимых зверств, совершённых немецкими солдатами, приводимые со слов анонимных беженцев. Перечислены были все возможные преступления, на которые только могло хватить выдумки авторов: массовые изнасилования, насаживание детей на штыки, отрезание детям же рук, пытки заложников^[465]. Одной из основных задач этого доклада была, безусловно, мобилизация общественного мнения в Англии. В тылу он произвел эффект разорвавшейся бомбы, еще сильнее, чем потопление «Лузитании», подстегнув

германофобские настроения в Англии и поспособствовав завершению формирования образа врага. До конца войны доклад Брайса служил английским пропагандистам стабильным источником примеров немецкой жестокости и бесчеловечности^[466].

Публикация этого отчета преследовала и еще одну цель: воздействие на общественное мнение США. Отнюдь не случайным в этой связи представляется назначение главой следственной комиссии именно Джеймса Брайса. Он был всемирно известным ученым и пользовался огромным уважением^[467]. В 1907–1913 годах он служил послом Великобритании в США и за время своей работы сумел завоевать симпатии американцев^[468]. К тому же, будучи главой комиссии, он всё равно воспринимался в Америке как частное лицо, беспристрастный наблюдатель, а не как сотрудник английского правительства^[469]. Всё это предопределило громкий успех отчета Брайса в Америке^[470].

Остановимся еще на некоторых сюжетах, которые, присутствуя в той или иной степени в пропагандистских материалах всех воюющих держав, служили составными элементами деятельности, направленной на создание образа врага. Объектами самой язвительной и беспощадной критики пропагандистов в странах Антанты стали кайзер Вильгельм II, а также немецкая культура в целом и философия в частности, воплощением которой стал Ф. Ницше^[471]. Автор памфлетов, скрывающийся за инициалами А. Р., не скупился на выражения, описывая Вильгельма II: «Кто же этот новоявленный антихрист, апокалипсический зверь, химерическое порождение напуганной фантазии? Наполеон на глиняных ногах, воскресший Атилла, легендарно-кроважидный Тамерлан, или злорадная гримаса истории, напялившей тогу мрачного величия на огородное пугало? От макушки своей, убого начиненной, головы, мимо приказчичьих усов и до последнего гвоздя... Вильгельм был и есть солдат, только лишь грубый немецкий солдат, в самом специфически-ограниченном значении этого слова»^[472].

Другой памфлет, явно предназначенный для малограмотного читателя, в нарочито просторечных выражениях излагает суть разгоревшегося конфликта и рисует образ немецкого императора: «Есть такая сумасшедшая болезнь: мания величия называется. Так этой болезни Вильгельм чуть ли не с детства подвержен был. А глядя на своего царя и все немцы с ума посходили... Руки у них загребущие, глаза у них завидующие, а царствует у них Вильгельм Бешеный... Думает, что не найдется на него управы, и что некому его унять!»^[473]. Постоянным насмешкам подвергалась внешность кайзера, в этом отношении совершенно справедливым является вывод историка Б. Хеллмана: «Острые усы немецкого кайзера, бодро стремящиеся вверх, и его подданных, слепо подражающих своему правителю, стали любимым объектом карикатуристов. В дерганье за усы был элемент кастрации врага, лишения его силы»^[474]. Высмеивание врага было характерно отнюдь не только для российской пропаганды. К. Хейст пишет, что безошибочно узнаваемая внешность кайзера стала настоящим подарком для карикатуристов и авторов различных памфлетов^[475]. Это было важным элементом пропаганды и служило укреплению морали в тылу.

На наш взгляд, сосредоточение значительной части критики конкретно на фигуре кайзера преследовало вполне определенные цели. В отличие от обвинений абстрактных «немцев» в совершении разного рода преступлений в отношении мирного населения, превращение немецкого императора в один из главных объектов ненависти позволяло привязать картины немецких зверств к конкретному образу, визуализировать его. Возникла устойчивая ассоциативная связь, что в дальнейшем позволяло значительно облегчить труд пропагандистов^[476].

Во многом этими же соображениями объясняется внимание антантовских, прежде всего английских, пропагандистов к Ф. Ницше. По прочтении публикаций в газетах и журналах, у людей, не знакомых с творчеством Ф. Ницше, складывалось представление, что именно его сочинения подстрекали немцев к жесткости в обращении с мирными жителями на захваченных территориях, служили оправданием любого варварства и дикости. По мнению

английского историка Н. Мартина, кампания против Ф. Ницше в английской прессе преследовала две основные цели. Во-первых, она давала войне объяснение с культурной и интеллектуальной точек зрения. Во-вторых, из нее следовало, что Германия не просто ответственна за эту войну, но, более того, война является истинным призванием Германии^[477]. В итоге, английские пропагандисты приписывали Ф. Ницше совершенно невероятное влияние на формирование немецкой нации и культуры.

Параллельно и в тесной взаимосвязи с созданием образа врага в пропаганде стран Антанты формулировался и специфический образ войны. Как и в случае с образом врага, журналисты и публицисты в странах Антанты столкнулись с острой нехваткой достоверной информации о положении дел на фронтах и постарались компенсировать ее за счет околовоеенных тем, религиозно-философских рассуждений и просто своей собственной фантазии. Всё это вело к созданию совершенно оторванного от реальности образа войны у тылового населения, которое продолжало мыслить новый конфликт в духе наполеоновских походов с лихими кавалерийскими атаками и генеральными сражениями, способными переломить весь исход войны. Как справедливо отмечает историк С. Уоллас, английские пропагандисты, изображая в своих сочинениях Западный фронт как «огромное игровое поле», где английские Томми с легкостью крушат «гуннов», во многом способствовали образованию непреодолимого барьера между восприятием войны ее участниками и гражданским населением^[478]. Очень показательным письмом в журнал «The Nation» историка Р. Г. Тоуни, записавшегося в начале войны добровольцем в Манчестерский полк, приводимое С. Уолласом: «Реальность ужасна, но она ужасна не так, как тот уродливый, карикатурный образ, который вы создаете»^[479]. Эта ситуация в равной мере была характерна и для континентальных держав^[480].

В первые месяцы конфликта тон в создании образа войны задавал мотив ее оборонительного, справедливого характера для стран Антанты. Средства массовой информации на все лады расписывали коварство Германии, вынашивавшей агрессивные замыслы в течение долгих десятилетий, и благородство и миролюбие стран Антанты, которые сделали всё возможное для предотвращения мирового пожара; подробно освещались события Июльского кризиса, особенно мирные инициативы союзников^[481].

Рука об руку с этим мотивом развивалось изображение новой войны с религиозно-мистических позиций: как Божьего испытания, как крестового похода во имя добра и мира, как религиозного таинства^[482]. Газета «Московские ведомости» писала: «Война нынешняя – это для нас прямо Божье чудо и Божья милость. В нашей болезни она – лекарство горькое и страшное, но необходимое. Уже с самого начала война переродила русское общество: все мы преображены, к нам вернулось наше здоровье, а вместе с ним и наша сила, наша решимость»^[483]. В русских памфлетах эта мысль получила дальнейшее развитие: «Народный смысл назвал современную войну священной. Она священна потому, что есть борьба царства добра и правды против царства лжи и зла, царства божественной жизни на земле против царства духовной смерти, царства свободы против нового рабства, уничтожающего дарованную во Христе свободу и достоинство человеческой личности»^[484]. В другом памфлете автор, скрывавшийся за инициалами А. Р, писал: «С крестом в руке, с молитвой на устах, с любовью и милостью в сердце идет наш народ, народ богоносец, объявить человечеству свободу»^[485].

Большое значение имел образ войны как крестового похода и во французской пропаганде, где он тесно переплетался с идеей войны во имя цивилизации, во имя победы добра над абсолютным злом. Религиозные мотивы в пропаганде помогали современникам принимать смерть родных и близких, поскольку она рисовалась как акт мученичества, высшей искупительной жертвы^[486]. Впрочем, во Франции использование религиозных мотивов в пропаганде ограничивалось рядом факторов. Во-первых, и авторы пропагандистских материалов, и католические священники в своих проповедях и ежедневном общении с паствой сталкивались с проблемой обоснования военных действий против единоверцев. В рядах германской армии против Франции сражалось много католиков, это не было ни для

кого секретом. Обвинения их в язычестве, в преднамеренном осквернении соборов и католических святынь выглядели неубедительно. Во-вторых, следует помнить о весьма напряженных отношениях, сложившихся между Католической церковью и Третьей республикой после целого ряда антиклерикальных законов, принятых во Франции в конце XIX века. В этом отношении весьма показательно донесение префекта из департамента Алье от 11 августа 1914 года. Префект докладывал в Париж, что солдаты многих полков, концентрирующихся в департаменте перед отправкой на фронт, носят на форме нашивку «Сердце Иисуса»^[487], и указывал, что подобная демонстрация религиозности солдатами может вызвать недовольство общественного мнения в Алье и других «республиканских» департаментах^[488].

Образ войны как крестового похода не был чужд и более скептическим английским публицистам, правда, в их случае он приобретал специфическую окраску. Крестовый поход понимался ими не как поход в защиту веры и христианских ценностей от варварства, а скорее как символ беззаветной преданности англичан в данной войне неким высшим, но вполне светским и рациональным, идеалам международного права, справедливости и мира^[489]. Г. Уэллс писал в своем знаменитом памфлете: «Каждый солдат, который сражается сейчас против Германии, является крестоносцем в борьбе с самой войной»^[490].

Следуя той же внутренней логике развития, что и образ врага, образ войны в пропаганде стран Антанты постепенно всё больше приобретал черты принципиального столкновения целых народов, наций, рас; борьбы между ними не на жизнь, а на смерть. В русской прессе эта тенденция выразилась в интерпретации начавшейся войны как финального аккорда векового противостояния славянства и тевтонства, славянского мира с миром германским^[491]. Уже 2 августа 1914 года газета «Новое время» писала: «Напор германских племен на славянские – завершился. Германская империя объявила войну Русской империи... Это – не простая война; не политическая. Это борьба двух народов между собой»^[492]. По мнению газеты, «все ясно поняли, что под видом “карательной экспедиции” против непокорного славянского государства в действительности начинается последний акт великой расовой борьбы»^[493]. Л.Н. Андреев писал в памфлете «В сей грозный час»: «Победить Германию необходимо, это – вопрос жизни и смерти не только для России, величайшего славянского государства... но и для европейских государств»^[494].

Аналогично шло развитие образа войны в Англии и Франции^[495]. Во Франции новая война рисовалась как столкновение цивилизации, древней латинской культуры, с диким тевтонским варварством, победа которого грозила обернуться трагедией и регрессом всего человечества^[496]. Английские пропагандисты проводили идею о необходимости защиты английского образа жизни и культуры, которые трактовались как наивысшие достижения европейской цивилизации как таковой и будущему которых угрожал прусский милитаризм^[497].

Создание подобных образов врага и войны преследовало несколько целей. Например, оно способствовало утверждению в сознании воюющих обществ мысли, что завершение войны возможно только после полного и бесповоротного разгрома Германии, который лишил бы ее всяких надежд на возможность реванша и тем самым гарантировал бы мир на вечные времена для всей Европы^[498]. Так, барон де Бай сравнивал Германию с раковой опухолью, которая угрожает распространиться на все государства Европы^[499]. Из этого утверждения он делал вывод, что войну следует вести до полной победы, до безоговорочной капитуляции Германии: «Зверства, учиненные дикарями в Бельгии, требуют войны до конца, так как эти зверства вызвали негодование всего мира»^[500]. Обыгрывая скандальные слова германского канцлера Т. Бетман-Гольвега, который назвал договор о гарантиях нейтралитета Бельгии «клочком бумаги», де Бай писал: «Не нужно представлять себе, что после войны подведение счетов может быть закончено мирными договорами. Что такое договоры для немцев? Клочки бумаги»^[501].

В то же время, следует отметить, что в рассматриваемый период средства массовой информации в странах Антанты в целом воздерживались от обсуждения конкретных планов послевоенного урегулирования. Прежде всего, это объяснялось секретностью, которой были окутаны дипломатические переговоры между союзниками по Антанте. Политическая элита, дипломаты, не спешили публично озвучивать содержание своих проектов послевоенного передела мира, разработка которых тайно велась во всех воюющих державах, и не рекомендовали заниматься этим средствам массовой информации. Так, согласно документам парижской префектуры полиции, приводимым в своем исследовании А. В. Ревякиным, 16 апреля 1915 года состоялась встреча председателя совета министров Р. Вивиани и руководителей ведущих французских газет. Р. Вивиани настоятельно просил газетчиков избегать публичного обсуждения условий будущего мира, при этом обрисовав в общих чертах его видение французским правительством^[502]. В частности он заявил: «По мнению союзников, мир возможен только в результате их победы. Для нас победа будет означать возвращение Эльзаса и Лотарингии, а также аннексию Палатината. В результате Германия должна будет перенести свои границы на правый берег Рейна... Великобритания будет удовлетворена ликвидацией германского торгового флота и германских колоний в Африке... Россия получит территориальные выгоды в Турции, к ней отойдет также Константинополь»^[503].

Лидеры Антанты тем самым стремились сохранить для себя максимальную свободу для политического маневра в условиях, когда исход военных действий оставался мало предсказуемым, и одновременно получали сильный пропагандистский аргумент в борьбе за сохранение внутреннего консенсуса и симпатии нейтральных государств, утверждая, что они ведут справедливую, бескорыстную войну, не преследуют никаких агрессивных, империалистических целей. Этот аргумент, естественно, активно использовался в пропаганде стран Антанты^[504].

Впрочем, эта тенденция, характерная для всех трех стран Антанты в целом, не исключала и определенных оговорок. Так, в России средства массовой информации, прежде всего либеральные, поспешили озвучить претензии своей страны на черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, а также Константинополь. В рамках широкой пропагандистской кампании подчеркивалось, что в новых условиях все прежние традиционные возражения и опасения Англии и Франции относительно усиления России в зоне проливов окончательно потеряли всякие основания; что передача проливов России не только отвечает устремлениям всего русского народа, но и послужит лучшей гарантией мира и безопасности для всей Европы; что, наконец, это является совершенно справедливой наградой за военный вклад России в борьбе с Центральными державами^[505].

Эта газетная кампания была удачным дипломатическим ходом: она позволяла недвусмысленно обозначить территориальные и политические претензии России в зоне проливов, при этом они преподносились не как проект царского правительства, а как выражение настроений всего русского общественного мнения, что позволяло правящим кругам империи избежать обвинений в вынашивании захватнических планов. Эти претензии были весьма неоднозначно встречены французскими и английскими средствами массовой информации и политиками^[506]. Однако в рассматриваемый период необходимость борьбы с общим врагом вынуждала западных союзников избегать открытого противодействия внешнеполитическим устремлениям России и мириться с подобными претензиями. Первоочередной задачей Англии и Франции в тот момент было максимальное использование военного и людского потенциала Российской империи, поэтому они в итоге поддержали российские устремления, впрочем, обставив свое согласие целым рядом условий^[507]. В частности, Франция связывала признание прав России на Константинополь и проливы с доведением войны до победного конца и «согласием на осуществление французских планов на Востоке, равно как и в других местах»^[508].

Еще одним исключением из общей тенденции обходить молчанием планы послевоенного передела мира стала позиция Франции в отношении Эльзаса и Лотарингии. Возвращение этих провинций объявлялось безусловной целью Франции в новой войне^[509]. Впрочем, некоторые авторы шли дальше и выдвигали более смелые проекты изменения границ в Европе. Подробно на этом вопросе останавливался в своем памфлете «После войны» Ж. Донтенвилль. Он подчеркивал, что в вопросе послевоенного урегулирования Франция должна забыть о мести и гневе, какими бы справедливыми они ни казались^[510]. По его мнению, французской дипломатии следовало руководствоваться тремя основными соображениями. Во-первых, речь шла о восстановлении стабильного баланса сил, поколебленного агрессивными амбициями «пруссских тевтонов». Во-вторых, выдвигалось требование предоставления гарантий безопасности Франции за счет передачи ей левого берега Рейна. В-третьих, необходимо было по возможности создать условия для реализации принципа самоопределения народов^[511]. Ж. Донтенвилль подчеркивал, что требование Франции по проведению границы по Рейну не может рассматриваться как аннексионистское, так как оно продиктовано исключительно желанием оградить себя от возможного повторения варварских вторжений, является гарантией долгого и прочного мира^[512].

Последнее утверждение Ж. Донтенвилля представляется нам очень важным: оно показывает, как последовательное развитие образов врага и войны в пропаганде стран Антанты подготавливало почву для выдвижения этими государствами откровенно захватнических планов послевоенного передела мира. Они оправдывались в глазах современников тем, что Германия уже самим фактом нарушения нейтралитета Бельгии поставила себя вне всяких норм международного права, и единственным способом предотвращения подобных актов с ее стороны в будущем могло быть лишь физическое ограничение ее военного, экономического и политического потенциала.

Одновременно представление войны как борьбы стран Антанты с абсолютным злом, воплощенным в прусском милитаризме, призвано было оправдать в глазах современников, в том числе нейтральных стран, использование союзниками всех возможных способов достижения победы, в том числе установления морской блокады Германии^[513]. Газета «Новое время» утверждала, что после нарушения нейтралитета Бельгии все ссылки Германии на международное право и международные нормы теряют всякий смысл^[514]. Всегда отличавшаяся резкостью высказываний, эта газета вообще выдвинула предложение, чтобы английские моряки в случае потопления ими германских подводных лодок, вопреки сложившимся нормам ведения войны, не спасали немецких подводников^[515]. Впрочем, такие бесчеловечные призывы в тот момент являлись скорее исключением для пропаганды стран Антанты и не находили сочувствия и отклика у современников, о чем свидетельствует их единичность. В рассматриваемый период страны Антанты скорее стремились противопоставить себя Германии и ее союзницам, подчеркивали разницу в способах ведения ими войны, в отношении к нейтральным государствам, мирным жителям, пленным.

Изучение проблем внешней мотивации войны в пропаганде стран Антанты, проведенное нами в данном параграфе, позволяет сделать некоторые выводы относительно особенностей патриотического подъема в трех рассматриваемых странах, его внутренней динамики, природы и механизмов развития. Разработка образов врага и войны на страницах средств массовой информации во всех рассматриваемых странах подчинялась общей логике, выражавшейся в создании бинарной, черно-белой картины действительности, с четким разделением на «плохих» и «хороших», врагов и союзников. В пропаганде стран Антанты немцы в лучшем случае изображались как люди, обманутые своим правительством, но чаще всего – как принципиально противоположная, враждебная сила, воплощение всех пороков. Им оказывались чужды ценности цивилизации, европейской культуры, христианской нравственности. Война с ними приобретала характер борьбы не на жизнь, а на смерть, в которой все средства хороши. Через это противопоставление себя иному, в пропаганде формулировались новые способы коллективного самовосприятия обществ Антанты: они

становились защитниками абсолютного добра и справедливости, носителями высшей культуры, новыми крестоносцами, противостоящими тевтонскому варварству. Важно отметить, что общей тенденцией стало изображение войны не как столкновения правительств, режимов, не как конвенционального конфликта, в котором участвуют регулярные армии, а как борьбы целых народов, наций. Патриотический подъем в трактовке пропагандистов приобретал отчетливо выраженный национальный, если не сказать националистический характер.

В то же время предпринятый анализ образов врага и войны уже позволяет, во-первых, выявить специфику коллективных ценностей, присущих интеллектуальным элитам России, Франции и Англии, и, во-вторых, проследить связь между этими ценностями, нашедшими свое выражение в пропаганде, и объективными условиями, которые характеризовали военно-стратегическое положение каждой страны в рассматриваемый период. В России, к примеру, в разработке образа врага и образа войны большую роль играли религиозно-мессианские мотивы, при этом сама пропаганда отличалась особенной агрессивностью и безапелляционностью. Это сближало русскую пропаганду с французской, которая также характеризовалась крайней эмоциональностью. Ее отличительными особенностями можно признать сравнительно меньшее присутствие религиозных мотивов при особом упоре на противопоставление французской нации, культуры и цивилизации немецкой, при котором последняя рисовалась как генетически варварская, порочная и враждебная всему французскому. На этом фоне публикации английских средств массовой информации в рассматриваемый период отличались значительно большей сдержанностью, они апеллировали к необходимости защиты идеалов справедливости и законности, подчеркивали противоправный характер немецкой внешней политики; образ врага, противопоставление себя иному, не играли в английской пропаганде (по крайней мере, поначалу) той роли, которую они играли в континентальных державах. На наш взгляд, это обстоятельство объяснялось как спецификой коллективных ценностей, присущих английским интеллектуальным элитам, так и тем, что положение Англии, степень ее вовлеченности в военные действия были несопоставимы с положением России и Франции. Объективные особенности военно-стратегического положения континентальных держав вели к тому, что, несмотря на социально-политические и культурные различия России и Франции, французская пропаганда была содержательно ближе к российской, нежели к английской.

§ 3. Проблема внутренней мотивации в пропаганде стран Антанты

Одновременно и в тесной взаимосвязи с разработкой внешней мотивации войны в каждой из рассматриваемых стран как ответ на вызовы военного времени происходила переоценка, подчас весьма болезненная, представлений того или иного общества о самом себе. В пропаганде военного времени этот процесс получил свое воплощение в целом ряде сюжетов, образов и мотивов, которые призваны были ответить на вопросы «Кем ведется новая война?» и «Во имя чего она ведется?». Темы и сюжеты, которые мы относим к проблематике внутренней мотивации, прочно заняли одно из ведущих мест в пропаганде в странах Антанты уже с самых первых дней войны.

Особое значение приобрел мотив сплочения и объединения всех общественных сил, классов и политических партий перед лицом внешней угрозы^[516]. Характерным примером подобного рода публикаций может послужить статья в «Московских ведомостях» от 16 (29) июля 1914 года: «Всё русское общество сверху донизу, начиная от власть имущих до простых рабочих, объединилось в одном общем чувстве, в одном единодушном порыве любви к своей родине, которой угрожает внешняя опасность, к своей России, которой нанесено тяжкое, незабываемое оскорбление»^[517]. Атмосферу в Англии в первые месяцы войны красочно

описывал журналист Ф. Гиббс: «Больше нет либералов, консерваторов или социалистов; только англичане, шотландцы, ирландцы, валлийцы, с их расовыми инстинктами и старинными боевыми традициями, ранее направленными друг против друга. Перед лицом общей угрозы они сомкнули ряды»^[518]. Французский публицист барон де Бай писал: «Франция и Россия, когда им была объявлена война, движимые одной и той же могущественной силой, равно встали перед лицом опасности, перед оскорблением, перед вызовом и перед целым светом... Внутренние несогласия исчезли сами собою, и все души охватила одна и та же вера в грядущую победу»^[519].

Мотив единения всего общества во имя победы не только не потерял своей актуальности в последующие месяцы войны, но и, наоборот, приобрел новое звучание и значение. Не имея возможности сослаться на убедительные победы союзнических армий, столкнувшись с нарастанием усталости в широких слоях населения и в то же время понимая острую необходимость поддерживать внутренний консенсус, пропагандисты стран Антанты в 1915 году всё чаще начинали подменять и без того малоинформативные описания положения дел на фронтах отвлеченными рассуждениями о моральном превосходстве союзников над немцами и их твердой решимости довести войну до конца^[520].

Отмеченная тенденция была особенно характерна для русских средств массовой информации, стремившихся тем самым компенсировать негативный эффект, который производили на общественные настроения просачивавшиеся в тыл сообщения и слухи о начавшемся отступлении русских армий в Галиции, сопровождавшемся огромными людскими потерями. В конце февраля 1915 года газета «Новое время» писала в этой связи: «К чести в русском обществе некоторые – всегда неизбежные – затруднения наши на войне не вызывают не только чувства паники, на которое видимо рассчитывают немецкие стратеги, но даже сколько-нибудь повышенной тревоги, которую нужно было бы успокаивать правительству и печати... В России все понимают, что судьба войны, особенно в нынешнем мировом масштабе, может решиться не отдельными удачами или неудачами, а стихийною борьбою рас»^[521].

Аналогичные публикации широко распространились и в западных средствах массовой информации. В номере за 1 января 1915 года французская официальная газета «Le Temps» вкратце обрисовывала предысторию войны, положение на фронтах и в самой Франции, заключая: «Если и есть среди нас те, кто боится, что война сметет прежние общечеловеческие ценности, старые привычки и обычаи; для кого только настоящее имеет цену, и кто не приемлет жертв во имя будущего, то их так мало, что их голос совершенно неразличим»^[522]. Основная же масса французов, по мнению «Le Temps», вне зависимости от их политических убеждений, сплотилась в поддержке своего правительства и желала только одного – победы^[523]. С особым чувством писала о единстве французского общества «Le Matin»: «Весь французский народ, оторванный от своей работы, от своих повседневных радостей и забот, живет лишь одной надеждой, одним желанием, одной горячей страстью: он готов сражаться до последнего человека, только чтобы покончить с захватчиком. Да, час славы скоро наступит для этих храбрых сынов нашей расы, которые пишут в настоящий момент самую прекрасную страницу в истории Франции, которые с улыбкой сражаются, с улыбкой страдают, с улыбкой умирают»^[524].

Наравне с идеей объединения того или иного общества перед лицом внешней угрозы в пропаганде стран Антанты в рассматриваемый период активно развивался мотив сплочения союзных держав, конкретизировался и переосмыслился образ союзника. Как и образы, связанные непосредственно с проблематикой национальной самоидентификации, образ союзника, создаваемый пропагандистами, призван был ответить на вопросы «Кем ведется новая война?» и «Во имя чего она ведется?». Он служил также важным средством для поддержания внутреннего консенсуса, патриотического подъема в тылу.

Описания военной мощи союзников по Антанте, решимости их правительств довести войну до победного конца, их преданности общему делу сокрушения германского милитаризма и общественного единения в этих странах заняли одно из ведущих мест в публикациях средств массовой информации уже с августа 1914 года^[525]. Особенно это было характерно для французской пропаганды. М. Баррес, например, писал: «Именно с Лондоном, Брюсселем и Петроградом связывают нас интересы общественного благополучия и самые священные узы чести и братства. Единодушное стремление Парижа окончательно разрешить германский вопрос, чтобы дать возможность всему миру снова вздохнуть спокойно, полностью совпадает с устремлениями этих трех братских городов»^[526].

Подобное внимание к образу союзников в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны объяснялось несколькими объективными обстоятельствами. Во-первых, оно отражало общую тенденцию в развитии пропаганды военного времени, отмеченную нами выше, и сводившуюся к постепенному складыванию в ней бинарной картины действительности, где абсолютному злу в лице Германии было противопоставлено абсолютное добро в лице стран Антанты. Пропагандистам мало было показать варварство немцев, ему следовало противопоставить высокие моральные качества союзников по Антанте.

Во-вторых, это уже не раз упоминавшиеся цензурные ограничения, вынуждавшие публицистов и журналистов в поиске материалов для своих статей волей-неволей обращаться к различным отвлеченным околовоенным рассуждениям.

В-третьих, популярность данного сюжета отражала обостренный интерес гражданского населения к положению дел в союзных державах, их вкладу в борьбу с Центральными державами. О необходимости по возможности подробного освещения в союзнических средствах массовой информации действий русской армии на Восточном фронте постоянно писали русские военные и дипломатические представители в Париже и Лондоне^[527]. Так, русский посол в Париже А.П. Извольский в одном из донесений в Петроград подчеркивал: «Позволю себе обратить серьезнейшее Ваше внимание на первостепенную важность своевременного и правильного осведомления здешней печати и общественного мнения о ходе наших военных операций. В здешней публике с лихорадочным нетерпением ожидают известий о наступательном движении наших войск, и следует опасаться, что возможное разочарование в этом отношении произведет здесь удручающее впечатление»^[528].

И в Англии, и особенно во Франции широкие слои населения возлагали огромные надежды на мощь «русского парового катка», который должен был смять сопротивление германских армий и привести войну к скорому победному окончанию^[529]. Во многом этими надеждами подпитывался патриотический подъем, от них зависело моральное состояние гражданского населения. Русский военный агент в Париже А. А. Игнатъев вспоминал о настроениях во Франции в начале сентября 1914 года: «Широкой, в палец толщины, стрелой обозначался на первых страницах таких газет, как «Le Matin», наш поход на Берлин, представлявшийся уже не мечтой, а действительностью. В эти тяжелые дни германского нашествия наши успехи явились единственной могучей поддержкой духа французского народа»^[530].

Наконец, в-четвертых, подробная разработка образа союзника носила отчасти вынужденный характер, отражая объективно существовавшие противоречия между членами Антанты. Она должна была положить конец негативным стереотипам, подозрениям и обидам, существовавшим в той или иной стране по отношению к союзным народам, и заменить их новыми, позитивными образами, которые призваны были способствовать сплочению Антанты. Особенно ярко этот мотив прослеживается на примере английских пропагандистских публикаций.

Во время Июльского кризиса 1914 года многие английские либералы яростно выступали против самой идеи войны на стороне авторитарной, самодержавной России. И после начала военных действий они не смирились с правительственным курсом, продолжая антирусские

выпады со страниц периодических изданий^[531]. К ним присоединились лейбористские и еврейские издания. Лейбористы критиковали антидемократический характер политического строя Российской империи, утверждая, что ее победа над Германией обернется порабощением европейских народов^[532]. По признанию русского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа, большой урон образу России в Англии и США наносила антирусская кампания в еврейской прессе, обличавшая антисемитский характер российских законов^[533]. Много лет спустя, в 1930-е годы, Д. Ллойд Джордж вспоминал о подобных настроениях в Англии в начале Первой мировой: «Русское самодержавие было почти так же непопулярно у жителей наших островов, как большевизм сегодня. Оно ассоциировалось с сибирскими тюрьмами для политических преступников, с массовыми погромами беззащитных евреев и с избиванием рабочих»^[534].

С этой негативной пропагандой можно было бороться с помощью цензуры, благо законы военного времени это позволяли, но для английских правящих кругов было очевидно, что одними запретительными мерами ситуацию исправить невозможно, а соображения укрепления межсоюзнических отношений настоятельно требовали прекращения русофобской кампании в прессе. С этой целью правительство инициировало ряд публикаций и лекций, которые призваны были улучшить образ России в глазах английского общественного мнения^[535]. Многие английские интеллектуалы с готовностью откликнулись на новую инициативу правительства: «Было издано несколько популярных брошюр, среди них работа профессора Эдинбургского университета Ч. Сароли “Долг Европы России”», брошюра бывшего профессора Оксфордского университета Дж. У. Маккейла “Дар России миру”, фронтовые зарисовки Б. Пэйрса “День за днем с русской армией”»^[536]. Большой популярностью стал пользоваться образ русского мужика, чье доброе сердце и душевные качества противопоставлялись холодному и жестокому рационализму немцев^[537]. Улучшению образа России старались активно содействовать и те русские, кто волею судеб оказались застигнуты войной в Англии, например профессор-историк П.Г. Виноградов^[538].

Большое внимание развенчанию русофобских стереотипов уделил Г. Уэллс. Он утверждал, что традиционное для английских либеральных кругов враждебное недоверие к России, ее военной мощи и политическим амбициям, основано на незнании российских реалий, превратном и преувеличенном представлении о коварстве российской внешней политики^[539]. По его мнению, Российская империя являла собой отсталое, плохо управляемое и в целом варварское государство, которое, однако, не представляет и не будет представлять в будущем угрозы для Западной Европы. Играя на мессианском и цивилизаторском комплексе англичан, Г. Уэллс писал, что упрочившиеся контакты России с Англией и Францией послужат лучшей гарантией того, что после войны она пойдет по пути вестернизации и модернизации^[540]. В этом же Г. Уэллс видел залог улучшения положения евреев в России, поэтому он осудил антирусскую кампанию в еврейской прессе как угрожающую единству союзников в борьбе с Германией^[541].

Созданию позитивного образа России в английском общественном мнении активно способствовали крупнейшие лондонские газеты^[542]. Отношение к России изменили даже некоторые либеральные издания, ранее стоявшие на антиинтервенционистских позициях. В одном из отчетов, подготовленных Газетной экспедицией российского МИДа, например, отмечалось: «“Standard” ополчается против радикальных публицистов, пытающихся поселить недоверие к России в широких слоях английского общества. Газета напоминает англичанам о том, что Россия сражается в первых рядах демократической Европы с германским феодализмом»^[543]. Но, вполне предсказуемо, наиболее последовательной в разработке образа союзника оказалась консервативная печать. Ярким примером может послужить статья в «The Times» от 19 ноября 1914 года: «Мы сомневаемся, что величие вклада России в наше общее дело в полной мере осознается сейчас английской публикой. Мы очень мало знали раньше о “настоящей России”. Расстояние, незнание языка, различия в национальном темпераменте, старые обиды и разногласия, старательно разжигавшиеся

нашими общими врагами, во многом способствовали отчужденности между двумя народами»^[544]. Постепенно, под давлением публикаций в СМИ и признания объективных заслуг русской армии в войне с Германией и Австро-Венгрией, эта кампания стала приносить свои плоды. Русский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф, всегда с большим вниманием следивший за колебаниями английского общественного мнения, в многочисленных телеграммах с удовлетворением констатировал рост популярности России в Англии^[545].

Данный сюжет служит прекрасной иллюстрацией особенностей английской пропаганды: сочетания индивидуальной инициативы и руководства со стороны государственных структур при соблюдении строгой секретности и неразглашении самого факта существования подобных связей. Весной 1915 года в Петроград прибыл английский банкир фон Тайсен с целью урегулирования ряда экономических вопросов. Он встретился с русским министром финансов П.Л. Барком и конфиденциально сообщил, что один из английских газетных баронов, Дж. Риддел, заинтересован в подготовке прорусских публикаций в своих изданиях, при условии организации поездок его корреспондентов в Россию и соответствующем вознаграждении^[546]. Дж. Риддел поддерживал дружеские отношения с рядом английских политических деятелей, прежде всего, с Д. Ллойд Джорджем^[547], и, вполне вероятно, его «инициатива» исходила именно из этих кругов.

К началу 1915 года разработка образа союзника приобрела особое значение. Правительства стран Антанты столкнулись с нарастанием усталости населения от войны, при этом они не могли и сослаться на убедительные военные успехи союзнических армий, которые могли бы оправдать понесенные потери, возросшее налоговое бремя и дезорганизацию хозяйственной жизни. Направленные на поддержание общественного консенсуса в тылу, укрепление веры гражданского населения в победу и воодушевление его на новые жертвы описания военного и нравственного превосходства Антанты над Германией и ее союзниками превратились в настоящее заклинание, мантру для антантовских публицистов и журналистов^[548]. Весной 1915 года им пришлось проявить всё свое красноречие, чтобы постараться хотя бы смягчить деморализующий эффект отступления русских армий в Галиции. Средства массовой информации всячески подчеркивали, что русское отступление является не более чем эпизодом в долгой войне, которая неизбежно должна закончиться победой Антанты; что оно ни в коей мере не поколебало ни решимости русского правительства довести войну до победного конца, ни единства союзников в их борьбе с Германией^[549]. Подобные публикации, предназначенные, прежде всего, для тылового населения Англии и Франции, иной раз достаточно красноречиво свидетельствовали о потребительском отношении западных союзников к России как к «неиссякаемому источнику людских ресурсов»^[550].

И всё же к началу 1915 года в обществах стран Антанты всё больше начинают проявляться признаки недовольства действиями союзников, высказываются сомнения в справедливости распределения между ними военного бремени. Особенно это было заметно в континентальных державах, России и Франции, где объектом критики всё чаще становилась Англия. В рассматриваемый период это недовольство не находило выражения на страницах средств массовой информации, что, однако, было следствием цензурных ограничений, а не свидетельством слабости протестных настроений. В письмах, частных беседах, разговорах на улице представители самых различных социальных слоев задавались вопросом о вкладе Англии в борьбу стран Антанты с Германией и о масштабе участия ее армии и флота в боевых действиях^[551]. Характерным примером этих настроений может послужить письмо графа А. И. Коновницына от 4 (17) января 1915 года: «Англия уже заработала и в будущем заработает львиную долю... Это еще цветочки, а ягодки впереди: Англия и впредь, как и прежде, на чужих плечах (в данном случае на наших) будет стремиться таскать каштаны из огня»^[552].

Эта проблема ясно осознавалась и современниками. Журналисты и публицисты обвиняли во всем немецкую пропаганду, которая стремилась посеять рознь между союзниками по

Антанте и тем самым радикально ослабить противостоящий блок, они призывали читателей быть бдительными и не поддаваться влиянию подобных слухов^[553]. Английские средства массовой информации и государственные деятели со своей стороны старались всеми силами опровергнуть подозрения в недостаточности усилий, прилагаемых Англией в новой войне. Английская «The Times» считала, что проблема крылась в плохой информированности населения союзных держав: «Очень многие французы считают, будто в Англии существует воинская повинность. Еще больше верят, в отсутствие иных новостей, что мы ограничились лишь отправкой во Францию 100 тысяч солдат»^[554]. Одновременно она признавала, что «когда французы читают о нашей обычной (т. е. такой же, как и до войны. – Н.Ю.) жизни, процветающем мореходстве, о хороших доходах от торговли и функционирующей почти без изменений банковской системе, и когда они сравнивают это с ситуацией во Франции, где промышленность по-прежнему во многом парализована из-за нехватки рабочей силы», они неизбежно испытывают зависть и сомнения^[555].

Нарастание недовольства населения стран Антанты действиями союзников имело под собой объективные причины. Во-первых, следует отметить реальное неравенство в распределении военного бремени между союзниками. Как бы ни усердствовали журналисты и публицисты, развивая образы союзника, единства и сплоченности Антанты, они не могли скрыть принципиальной разницы между положением Англии, с одной стороны, и континентальных держав – с другой. Если для Англии в рассматриваемый период вполне реалистичным представлялся лозунг «Бизнес как обычно», озвученный У. Черчиллем в публичном выступлении 9 ноября 1914 года^[556], то, например, Франция с самого начала войны столкнулась с невиданными экономическими трудностями. В связи с мобилизацией призывных возрастов и параличом железнодорожного транспорта, занятого перевозками войск, еще в августе закрылась половина всех промышленных и торговых предприятий^[557]. «Положение усугублялось тем, что немцы оккупировали 10 северо-восточных департаментов Франции, доля которых в производстве основных видов промышленной продукции составляла: угля 74 %, чугуна – 81 %, стали – 63 %, цинка – 76 %, продукции машиностроения – 25 %, шерстяных тканей – 81 %, сахара – 76 %»^[558]. Очень напряженная ситуация сложилась к лету 1915 года в Российской империи. «С начала войны Россия понесла самые тяжелые потери среди армий всех воюющих держав: около 3,5 млн убитыми, ранеными и пленными (в том числе убитыми свыше 300 тыс., пленными 1,5 млн); офицерский корпус потерял 45 тыс. чел.»^[559]. На этом фоне военный и экономический вклад Англии в войну с Германией выглядел, как минимум, с точки зрения населения союзных держав, достаточно скромным.

Во-вторых, речь идет о специфических особенностях пропаганды в каждой отдельно взятой стране, которые, в свою очередь, отражали объективные особенности коллективных образов и идентичностей, характерных для рассматриваемых обществ, и основанных на них способах восприятия действительности. В Англии, как мы показали выше, и правящие круги, и представители интеллектуальной элиты страны ясно осознавали необходимость улучшения образа союзника, прежде всего, России в глазах английского общественного мнения, как залога поддержания внутреннего консенсуса по вопросу о войне. С этой целью они развернули активную прорусскую кампанию в печатных средствах массовой информации, что было наиболее целесообразным и эффективным решением, принимая во внимание практически всеобщую грамотность населения и, следовательно, наличие широкой читательской аудитории. Похожая ситуация была характерна для Франции, где настроения тылового населения самым непосредственным образом зависели от успехов союзнических армий, а надежды на победу неотрывно связывались с общими усилиями всех стран Антанты.

Ничего подобного мы не встретим, если обратимся к анализу пропаганды в Российской империи. В газетных публикациях и тем более в памфлетах образу союзника, неважно, будь то Англия или Франция, уделялось очень мало внимания, что особенно становится заметным

на фоне детально разработанного образа врага. Справедливым представляется вывод, сделанный отечественным исследователем А. И. Ивановым: «Можно с уверенностью сказать, что... писатели формировали общественное сознание о войне не столько мировой, сколько о войне, объявленной России»^[560]. Иными словами, в русской пропаганде новая война представлялась, прежде всего, как русско-германская, а не как мировая война. На наш взгляд, это обстоятельство отчасти показывало идейную неподготовленность царской России к принципиально новому масштабу войны. Она продолжала трактоваться в рамках традиционных образов, как конвенциональный конфликт, для победы в котором, как подсказывал исторический опыт, империи, как правило, хватало собственных сил.

Большую роль в разработке внутренней мотивации в пропаганде стран Антанты в рассматриваемый период (1914–1915 годы) играли также исторические аналогии, воспоминания о прошлых победах над нынешними противниками. В Российской империи, как справедливо отмечают современные отечественные историки, на страницах печати часто проводились параллели между новой войной и Отечественной войной 1812 года, вспоминались и другие героические страницы прошлого: победы Александра Невского, изгнание поляков из Москвы в 1612 году, взятие Берлина русскими войсками в 1760 году^[561]. Выдающийся русский публицист В. В. Розанов писал: «Да не будет малодушного между нами. Сейчас одна мысль: о единстве, крепости духа, твердом стоянии перед врагом. Будем все как один человек, будем как в войну 12-го года. Это – вторая «отечественная» война, это – защита самых основ нашего отечества»^[562]. В том же духе высказывалась газета «Новое время»: «Подобно Отечественной войне в 1812 году, война с немцами втянула в себя всю Россию, всю ее душу и сердце»^[563]. Отсылки к событиям наполеоновских войн были достаточно популярны и в английской и во французской пропаганде^[564].

Наконец, очень важным сюжетом в пропаганде, ориентированной на разработку внутренней мотивации новой войны, стали описания духовного пробуждения, обновления обществ в странах Антанты. Отнюдь не случаен постоянно повторяющийся образ войны как грозы, бури, вслед за которой природа и человек оживают, очищаются^[565]. Это стало основой настоящего культа молодости и мужественности, характерного для пропаганды периода Первой мировой войны^[566]. Именно этот сюжет гораздо ярче, чем описанные выше темы и мотивы, отразил национальную специфику того или иного общества, уникальные черты его менталитета и мировоззрения. Особенно характерен он был для французской пропаганды. На страницах газет и памфлетов постоянно подчеркивалось, что, вопреки пессимистическим прогнозам, французское общество не только встретило войну в полном согласии, забыв о предвоенных социальных и политических противоречиях^[567], но, наоборот, война повлекла за собой возрождение и оздоровление французской нации^[568].

Например, газета «Le Temps» торжественно писала: «С какой гордостью мы наблюдаем за рождением и расцветом в нашей молодежи новой французской рыцарственности! Очевидно, что это вся наша нация целиком выразила себя вновь в героическом порыве, вызванном благородными целями, за которые мы сражаемся и страдаем»^[569]. Подробно на данном сюжете останавливался видный консервативный публицист М. Баррес: «Пусть же эти германцы посмотрят на нас! Они увидят наших молодых людей, их глаза сияют, в их груди – любовь к подлинной славе и презрение к смерти. Они образуют заслон, за которым старшее поколение ждет своего часа, чтобы встать на место павших»^[570]. В дальнейшем он развил свои взгляды в статье с говорящим названием «Бессмертие нашей расы»: «Призывники 1914 года уже на фронте; за ними идут призывники 1915 года, которые сейчас отправляются на сборные пункты, и уже призыв 1916 года, эти восемнадцатилетние дети, тоже начинают готовиться. В течение ста лет мы не видели призывников такого возраста. И повсюду они охвачены одним величественным порывом. Они являются нашей путеводной звездой, символом национального спасения»^[571]. Именно с молодым поколением М. Баррес связывал надежды на послевоенное возрождение французского общества, его духовное оздоровление и развитие^[572].

При этом французские пропагандисты не только старались осмыслить феномен патриотического подъема, его идейные основания, причины и последствия, но и преследовали цель поддержать это настроение, распространить его по возможности на все социальные классы и группы. Военная пропаганда заняла совершенно особое место в школьной программе, проникла в детскую литературу. «Все французские дети читали книги, в которых воспевалось мученичество во имя Франции и ненависть к немцам»^[573]. В них описывались подвиги детей, маленьких партизан, которые с равной готовностью убивали немцев и принимали собственную смерть от вражеских штыков. Уроки математики обязательно включали в себя решение задач по подсчету снарядов и неприятельских потерь^[574], уроки истории были целиком посвящены истории войны, уроки географии – изучению театра боевых действий^[575]. Типичными стали такие темы для сочинений на уроках литературы, как: «Отправка полка на фронт», «Письмо от неизвестного солдата, сражающегося за нас», «Прибытие поезда с ранеными»^[576].

Не будет преувеличением сказать, что французская культура военного времени в период Первой мировой войны была пронизана духом национализма. В разработке внутренней мотивации во французской пропаганде понятие «нация» занимало центральное место, какой бы отдельный сюжет или мотив мы ни взяли. Новая война была войной французской нации, она велась во имя будущего французской нации, все прочие коллективные ценности и идентичности (классовые, политические, религиозные) играли в лучшем случае подчиненную роль. На наш взгляд, конкретно-историческая специфика французского национализма периода Первой мировой войны характеризовалась сочетанием гражданского и этнического подходов к трактовке понятия «нация». Первый подход, восходящий к традициям Великой французской революции, проявился в том, что «центром кристаллизации патриотических чувств»^[577] стал образ национального государства, образ Франции. Пропаганда рисовала эту войну как войну всего французского народа. Народа, гордящегося своей историей и не забывшего горечи поражений 1870–1871 годов, народа, воплотившегося в новом, молодом поколении французов. Для патриотизма, основанного на подобной трактовке национализма, были типичны представления о гражданском равенстве, долге и ответственности, самопожертвовании, теснейшая связь с историческим опытом, наследием и традициями^[578]. Гражданский подход оттенялся вторым, этническим, который получил мощный импульс к развитию в связи с началом войны и активной разработкой образа врага-немца, сравнением национальных характеров немцев и французов. Согласно ему, принадлежность к французской нации подразумевала и принадлежность к соответствующему этносу, в определении которого большую роль играли расистские и социал-дарвинистские теории, мистицизм, религиозное мессианство.

Предсказуемо, националистический характер патриотического подъема наиболее ярко проявился на страницах французских официозных и правоконсервативных средств массовой информации. В то же время в рассматриваемый период не было принципиальной разницы между пропагандистскими публикациями в правых и левых, социалистических и даже анархистских печатных изданиях. Например, видный специалист по истории Франции периода Первой мировой войны Ж.-Ж. Беккер отмечал: «Возьмем ли мы “L’Humanite”, орган Социалистической партии, или “L’Echo de Paris”, орган правых милитаристов и католиков, везде мы найдем одинаковые описания низких моральных качеств немцев, больших потерь с их стороны, немецкой жестокости, низкого качества немецкого оружия и описания высоких достоинств Франции и французских солдат»^[579]. Это утверждение не означает, что антивоенных и антимилитаристских призывов со стороны французских социалистов и анархистов во время войны не звучало совсем^[580]. Однако они не носили массового характера, и крупнейшие левые газеты приняли активное участие в создании пропаганды наравне с их правыми аналогами^[581].

Мотив духовного пробуждения и оздоровления нации под влиянием военных потрясений не был чужд и английской пропаганде, хотя и получил там сравнительно меньшее

распространение. Как и во Франции, его взяли на вооружение, прежде всего, авторы консервативной ориентации^[582]. Так, Ф. Гиббс и спустя десять лет, в 1924 году, описывал атмосферу в Англии в начале войны как момент величайшего национального подъема: «В Великобритании вся нация была словно потрясена могучим порывом ветра, в котором слышался голос Господа. В эти первые дни и месяцы подъем, вознесший дух британцев на новую высоту, не ослабевал ни на секунду. Даже враги признавали это. Всё мелкое, низкое, прогнившее отпало»^[583]. Английские либералы и лейбористы не спешили перенимать эмоциональную риторику тори, тяготея к рациональной аргументации^[584]. Однако это не значит, что им была совершенно чужда трактовка новой войны, ее причин, целей и места в ней Англии с позиций национализма. Разница между либералами и лейбористами, с одной стороны, и консерваторами – с другой, заключалась скорее в риторических приемах и вовсе не означала принципиального расхождения в их глубинных мировоззренческих установках. Пусть и с меньшим энтузиазмом и воодушевлением, но и либералы, и левые признали войну как справедливую и необходимую, исходя из тех же коллективных способов самоидентификации, что и консерваторы. Их рассуждения о необходимости участия Англии в войне во имя защиты цивилизации, международного права, баланса сил, прав малых стран и борьбы с идеологией прусского милитаризма основывались на глубоко укоренившихся в сознании англичан представлениях о национальном характере, призвании и долге^[585].

В случае Англии в трактовке понятия «нация» преобладал гражданский подход. Его отличительными чертами были идеи социальной дисциплины, подчинения личных интересов коллективному, гражданской ответственности^[586]. В центре комплекса ценностей и идентичностей, вместе составлявших феномен английского национализма периода Первой мировой войны, лежали идеи о существовании особой английской культуры, образа жизни, цивилизации. Они были интегрирующими элементами имперской светской идеологии. Доказательством их превосходства и истинности в глазах современников являлась сама Британская империя, объединившая миллионы людей во всех частях света. Это имперское по своей сути мировоззрение характеризовалось ярко выраженным мессианством, представлениями об исторической миссии англичан как проводников цивилизации, культуры и прогресса^[587]. Это мессианство, впрочем, носило скорее светский, чем религиозный характер. Особой миссией англичан признавалась забота о мире во всем мире, средством достижения чего была защита принципа баланса сил в Европе. Этническая составляющая не играла в рассматриваемый период значительной роли в формировании английского национализма и патриотизма. Отчасти это обстоятельство объяснялось четким осознанием непригодности этнического подхода в качестве основы для формирования общеимперской интегрирующей идеологии в многонациональной Британской империи. К тому же, в отличие от Франции, развитию этнического подхода к трактовке понятия «нация» в Англии мало способствовала и разработка образа врага в пропаганде военного времени: английские пропагандисты не торопились перенимать агрессивный, запугивающий тон континентальных средств массовой информации, занимавшихся обличением немецких зверств, антигерманской пропагандой.

Сложнее обстоит дело с оценкой особенностей внутренней мотивации в пропаганде военного времени в Российской империи. На первый взгляд, она была, особенно если посмотреть публикации правоконсервативных и праволиберальных изданий, проникнута тем же духом национализма, что и пропаганда в западноевропейских государствах. Это особенно заметно, когда пропагандисты обращаются к мотиву пробуждения народных сил, нравственного возрождения и очищения общества в результате войны^[588]. Например, публицист Б. Назаревский писал в одном из своих памфлетов: «В эту пору Россия переродилась, русского народа, русского общества узнать было нельзя: исчезли раздоры, пропало равнодушие к судьбам родины, рассеялись, как дым, малодушие и обособленность недавних дней. Внезапно поднявшееся пламя войны прежде всего выжгло в русских людях то дурное, низменное и презренное, что так недавно владело ими, осталось чистое золото

великого народного чувства»^[589]. Похожие идеи развивались на страницах периодических изданий: «Военное время – это время национального подъема; победоносная война несет с собою для народа веру в себя, веру в свои силы и творческие способности. Теперешняя война для нас не может быть не победоносной»^[590].

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что «национализм», о котором в 1914–1915 годы писали российские пропагандисты, имел мало общего с национализмом, характерным для западноевропейских обществ того же периода. В Российской империи идея вызванного войной обновления общества интерпретировалась с позиций традиционно-монархических ценностей, в которых ключевую роль играл образ монарха. Утверждалось, что подлинной сутью вызванного войной патриотического подъема и духовного перерождения общества является восстановление связи между царем и народом, избавление на этой основе от внутренних противоречий и конфликтов. Этот мотив в полной мере заявил о себе еще в начале войны, когда средства массовой информации в восторженных выражениях отозвались на царские манифесты, объявлявшие о войне с Австро-Венгрией^[591] и Германией^[592]. Газета «Новое время» писала в этой связи: «Горячий отклик в миллионах русских сердец найдет царский призыв к оружию на защиту родины и славянства. Слова манифеста выразили то, что думает и чувствует вся Россия. В такие минуты, когда верховная власть становится на защиту национального достоинства и чести, совершается торжественный акт даже не единения, а полного и безраздельного слияния царя с народом: устами царя говорит сам народ»^[593].

Мотив единения царя с народом не потерял своей популярности и в последующие месяцы войны, к нему неоднократно возвращались и журналисты, и авторы различных памфлетов^[594]. Например, А.Ф. Платонова писала в памфлете под названием «Великие дни»: «Давно уже не переживала Русь подобных моментов... Душа народа всецело открыта была перед царем, и царь принадлежал народу. Царь и народ – это опять великое, единое, неразрывное целое... Какая сила в этом единении!»^[595]. Вспоминая о первых днях войны, другой автор, Б. Назаревский, утверждал: «Это был великий смотр верноподданных русского государя. Под грозой, налетевшей на нас, все объединились, все слились в одном порыве чувства преданности своему государю и своему народу»^[596]. Совершенно в духе феодальных представлений именно царь рисовался в подобных пропагандистских публикациях как подлинный символ русского народа, воплощение его духа и выразитель его воли. Иными словами, не царь получал легитимность через признание своей власти народом, а народ обретал свою идентичность, строил свое национальное самовосприятие на принципе лояльности монарху.

На наш взгляд, эта риторика о «национальном возрождении», «национальном характере» в русской пропаганде рассматриваемого периода скрывала под собой попытку встраивания специфического «проекта» национального строительства в рамках империи Романовых в традиционный комплекс монархических ценностей без их кардинального пересмотра. При этом интересно отметить, что предлагавшийся пропагандистами вариант «русского национализма» строился не на гражданском подходе к трактовке понятия «нация» (как в западных странах). В правоконсервативных и праволиберальных изданиях проводилась четкая грань между теми группами царских подданных, которые включались в понятие «русский народ», и теми, кто открыто признавался чуждым, враждебным элементом. В рассматриваемый период к последним причислялись, главным образом, лица немецкого происхождения, прибалтийские бароны и немецкие колонисты. В прессе развернулась активная кампания по борьбе с так называемым «немецким засильем»^[597]. Духовное пробуждение русского народа при этом понималось как его освобождение от тлетворного и невыносимого присутствия немцев в экономической, политической и культурной жизни страны. Консервативная газета «Московские ведомости» в статье «Немецкое влияние в России» писала: «Нынешняя война отличается замечательным проявлением национального самосознания. Много требует она жертв, и сопряжена она с громадными затратами. Но народ

безропотно несет эти жертвы, сознавая их необходимость. Он руководствуется при этом не стремлением к завоеваниям, даже не унижением противника, а главным образом освобождением России от немецкого ига»^[598].

Конечно, всплеск германофобии в Российской империи не был чем-то уникальным: аналогичные настроения были присущи и английскому, и французскому обществам. Однако в России он имел гораздо более разрушительные последствия для общественного консенсуса в сравнении с западными обществами, так как он объективно подрывал ассимиляторский и интегративный потенциал монархизма, который был присущ ему изначально и который строился вокруг принципа династической лояльности. Получалось, что одной лояльности по отношению к престолу оказывалось теперь недостаточно для включения той или иной группы царских подданных в «русскую нацию». Подобный подход к трактовке патриотизма и национализма объективно вел к усилению центробежных тенденций внутри империи Романовых, провоцировал обострение межнациональных отношений, что было особенно опасно в условиях военных действий.

На данный вывод можно возразить, что объектом изучения в этом исследовании оказались по преимуществу правоконсервативные и праволиберальные издания, не отражающие всего спектра мнений и взглядов, характерного для общества Российской империи рассматриваемого периода. В его защиту мы можем привести несколько аргументов. Во-первых, следует иметь в виду, что в западноевропейских странах именно в публикациях правых средств массовой информации националистический характер патриотического подъема выразился с наибольшей яркостью и завершенностью. Поэтому обращение к материалам отечественных изданий правой ориентации представляется, как минимум, логичным. Такой подход открывает перспективы для понимания национальной специфики и патриотического подъема, и общественного консенсуса, лежавшего в его основе в той или иной стране.

Во-вторых, как отмечали и современники, и последующие исследователи, начало Первой мировой войны сопровождалось переходом на ура-патриотические и шовинистические позиции многих изданий, которые ранее придерживались либеральных и умеренных взглядов^[599]. В этом отношении публикации правых газет могли отличаться сравнительно большей эмоциональностью, экспрессивностью, но с содержательной точки зрения отражали тенденции, характерные для русской пропаганды в целом. Конечно, продолжали выходить в свет и газеты, которые не разделяли шовинистического азарта остальных средств массовой информации и избегали откровенно пропагандистской риторики^[600]. Не отрицая их значения с точки зрения создания действительно полного представления о характере военной культуры в Российской империи, отметим, что их влияние ограничивалось сравнительно небольшой читательской аудиторией, представленной, прежде всего, либеральной интеллигенцией, а также постоянными цензурными санкциями^[601]. В целом, тон в российской пропаганде задавали в тот момент именно правые издания.

Наконец, в-третьих, если в отношении газет, использовавшихся в данном исследовании, высказанное выше сомнение выглядит обоснованным, то этого нельзя сказать о привлеченных нами памфлетах. Они являют собой выборку, в которой представлены разные по стилю, содержанию, аргументации и направленности произведения. Тем не менее, все они, когда речь заходила о проблематике внутренней мотивации войны, выражали взгляды, схожие с теми, что содержались в публикациях правых средств массовой информации. Таким образом, выводы, сделанные на основе анализа их материалов, представляются нам достаточно репрезентативными для характеристики особенностей внутренней мотивации в пропаганде Российской империи рассматриваемого периода в целом.

Пока что в центре нашего внимания оказывались по преимуществу материалы средств массовой информации. Встает вопрос, насколько репрезентативными они являются для характеристики социально-психологической атмосферы в странах Антанты в

рассматриваемый период; чьи взгляды представляли журналисты и публицисты; каково было отношение тылового населения к пропаганде. Частично мы уже затрагивали эти вопросы, когда анализировали ключевые образы и сюжеты антантовской пропаганды, однако они заслуживают более подробного рассмотрения. Существуют свидетельства, что вся эта пропагандистская шумиха в печати воспринималась современниками скептически, если не сказать враждебно^[602].

Особенно много таких свидетельств содержится в российских источниках. Например, писатель Л.А. Хитрово жаловался профессору Л. В. Рейнгарду в письме от 19 сентября (2 октября) 1914 года: «По-моему, теперь единственною приличною газетой в Москве являются “Русские ведомости”. Остальные, получив разрешение из участка любить отечество и ненавидеть врага, пустились во всю прыть и “национализируют” публику и в хвост и в гриву. Употребляя усилие, чтобы не подпасть этому психозу, чувствуешь, что с этим трудно бороться и что сам звереешь и теряешь порою человеческий смысл, отдаваясь заведомой брехне, доходящей иногда до неприличия»^[603].

Резкое неприятие, особенно у людей, не понаслышке знакомых с реалиями войны, вызывал образ врага, усердно насаждавшийся средствами массовой информации: «Печать подлеет с каждым днем всё больше. Тошно читать бесконечное вранье. В какой номер газеты ни заглянешь, каждый русский воин – альтруист, христианин, герой, а каждый немец – природный громила, варвар, дикарь и зверь. Для фабрикации “немецких зверств” журнальные мудрецы уже создали своего рода штамп: можно заранее знать, что будет в завтрашнем номере “Нового времени” или “Биржевки”»^[604]. Однако подобные свидетельства сами нуждаются в критической оценке.

Чтобы лучше понять специфику феномена патриотического подъема в странах Антанты, необходимо дополнить материалы прессы и архивов привлечением более широкого круга исторических источников, которые бы позволили проанализировать отношение современников к событиям Первой мировой войны не через призму средств массовой информации, а в его непосредственном проявлении и выражении.

Глава III

Патриотический подъем в среде политической элиты и интеллигенции в странах Антанты: феномен «священного единения»

§ 1. Особенности «священного единения» в странах Антанты в начале Первой мировой войны (август – сентябрь 1914 года)

При обращении к изучению реакции населения стран Антанты на события Первой мировой войны, анализу настроений и мировоззрения людей той эпохи, неизбежно встает проблема, как проанализировать и сопоставить социально-психологический опыт трех столь непохожих между собой обществ. Нам представляется целесообразным выделить в обществах стран Антанты крупные социально-функциональные группы, которые бы позволили, с одной стороны, задать оптимальный масштаб для сравнения ситуации в рассматриваемых странах и, с другой стороны, служили бы гарантией от излишнего и попросту ошибочного обобщения, когда общественное мнение в той или иной стране рисуется как нечто единое и цельное (в этом случае за основу берется отношение к войне какого-то отдельного класса, социальной или политической группы и преподносится как наиболее репрезентативное и истинное). Мы выделим две крупные

социально-функциональные группы. Первую из них можно очень условно обозначить как политические элиты и интеллигенция. Сюда будут отнесены люди, которые в силу своего происхождения, служебного положения, богатства или неформального авторитета были причастны к непосредственному принятию внешне- и внутривнутриполитических решений, активно участвовали в политической жизни своих стран, несли ответственность за формулирование целей новой войны и организацию обороны, промышленного производства, снабжения фронта и мирного населения; от эффективности их работы зависели поддержание патриотического подъема и единения в тылу, стабильность и легитимность правящих режимов в глазах широких слоев населения. Таким образом, употребляя термин «элита», мы отталкиваемся от функционального, а не аксиологического, ценностного, подхода к его трактовке^[605].

Вторую социально-функциональную группу, которую мы будем рассматривать в рамках данной работы, составят крестьяне, рабочие, мелкие и средние предприниматели – все те, кого в источниках и историографии традиционно характеризуют как «широкие народные слои», «народные массы». Мы будем обозначать их обобщенно городскими и сельскими «обывателями». Этот термин представляется более конкретным, чем чрезвычайно расплывчатое понятие «народные массы», подчеркивающим, что речь идет о тех категориях населения, которые не имели реальной возможности участвовать в принятии политических решений, однако несли на себе основное бремя военных расходов, потерь и лишений. На плечи городских и сельских обывателей легли все тяготы военного времени, они составили основу массовых армий европейских держав, от их лояльности и терпения зависел исход военных действий в Первой мировой войне, принявшей неожиданно для всех современников затяжной, позиционный характер. Сразу оговоримся, что в рамках данной работы мы не будем специально останавливаться на отношении к войне солдат, фронтовиков, поскольку их мировоззрение, а также их реакция на те или иные события отличались ярко выраженной спецификой и заслуживают отдельного изучения.

Благодаря использованию данного понятия мы сразу можем подчеркнуть чрезвычайно важную дихотомию, характеризовавшую все европейские общества периода Первой мировой войны: сосуществование в описываемых странах двух «миров» – города и деревни, со своими специфическими способами восприятия действительности, своей культурой и традициями. Подобная дихотомия была характерна для всех европейских держав того времени, даже тех, которые отличались высоким уровнем урбанизации и культурной гомогенности, как, например, Англия и Франция. Она становится еще более очевидной, если мы обратимся к рассмотрению разноукладного общества Российской империи.

Разумеется, подобное членение обществ стран Антанты является в высшей степени условным и открытым для критики. Но с точки зрения раскрытия темы данного исследования его можно принять в качестве рабочей гипотезы. Открывая перспективы для сравнения стран Антанты между собой, подобная группировка дает возможность выявить границы и специфические черты патриотического подъема в каждой отдельной стране, позволяет оценить мировоззрение и ценности тех или иных классов, с одной стороны, конкретизировав предмет исследования, а с другой стороны, не перенося механически термины, описывающие реалии одной страны, на остальные.

В данной главе в центре нашего внимания будет отношение к войне представителей политических элит и интеллигенции в странах Антанты. Как показали события Июльского кризиса, они разделяли, в сущности, схожий набор мировоззренческих установок и ценностей, который способствовал быстрому установлению консенсуса по вопросу о войне^[606]. Это мировоззренческое единство еще ярче проявилось, получив при этом новое звучание, в первые месяцы войны, когда во всех трех странах Антанты консенсус перерос в подлинный патриотический подъем. В случае политических элит этот подъем наиболее ярко выразился в лозунге «священного единения»^[607], призыве ко всем политическим силам

прекратить на время военных действий борьбу за власть, установив партийное перемирие, объединить свои усилия с целью отражения внешней угрозы^[608].

В августе 1914 года по всем воюющим странам прокатилась волна патриотических манифестаций, митингов и выступлений. Законодательные собрания принимали торжественные резолюции, гласившие, что на время военных действий их члены обязываются прекратить всякую политическую борьбу и посвятить себя служению своим странам. В России 8 августа было созвано экстренное заседание Государственной Думы, находившейся на каникулах, зачитан царский манифест, объявлявший о начале войны^[609]. Для современников сам факт созыва Думы в такой момент представлялся знаковым событием, признанием властью необходимости диалога с обществом^[610]. Все партии, за исключением социал-демократов (большевиков и меньшевиков), горячо приветствовали слова манифеста^[611]. «Представители фракций по очереди выходили на кафедру, произносили патриотические речи и обещали полную поддержку правительству в деле ведения войны. В этом отношении не было разницы между речами правых и оппозиции, т. е. кадетов и прогрессистов. Война как бы всех сравняла, пред внешней опасностью замолкли домашние свары»^[612].

Показательна позиция, занятая в тот момент русскими либералами^[613]. В заявлении, озвученном П.Н. Милюковым от имени партии Кадетов и посвященном в первую очередь формулированию целей войны, говорилось: «Мы боремся за освобождение родины от иноземного нашествия, за освобождение Европы и славянства от германской гегемонии... В этой борьбе мы едины; мы не ставим условий, мы ничего не требуем»^[614]. Практически единогласно думцы проголосовали за предоставление правительству военных кредитов (исключение составили лишь социал-демократы, воздержавшиеся от голосования)^[615]. Особое значение имели выступления депутатов от национальных меньшинств. С уверениями в абсолютной лояльности России и солидарности с ее целями в новой войне выступили депутаты, представлявшие прибалтийских и поволжских немцев, латышей, литовцев, эстонцев, евреев^[616].

В последующие дни проявилась одна отличительная особенность «священного единения», характерная для Российской империи рассматриваемого периода: в официальной риторике на первое место выдвигалась не идея единения правительства и политических партий, правительства и представительных органов, а идея единения царя со своим народом. На август – сентябрь 1914 года приходится своеобразный пик усилий царского режима по саморепрезентации в качестве подлинно народного, патриотического. Уже в день объявления войны 2 августа 1914 года Николай II выступил перед огромной толпой, собравшейся на Дворцовой площади, повторив слова клятвы Александра I времен Отечественной войны 1812 года^[617]. Вот как описывает атмосферу того дня французский посол в Петербурге М. Палеолог, единственный иностранец, как представитель союзной державы допущенный в Зимний дворец: «Император появляется на балконе. Мгновенно все опускаются на колени и поют русский гимн. В эту минуту для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел»^[618].

Этим же духом единения царя с народом был проникнут визит Николая II с семьей и придворными в Москву 18 августа 1914 года^[619],^[620]. Весьма показательны воспоминания В.Ф. Джунковского, главы Отдельного корпуса жандармов, на котором, помимо всего прочего, лежала тогда ответственность за безопасность венценосных особ: «Первый раз линия железной дороги охранялась исключительно чинами корпуса жандармов, без помощи войск. Я считал, что в минуту такого колоссального патриотического подъема, который наблюдался повсеместно, окружать царский путь следования часовыми было бы неуместно; какие бы то ни было средостения между царем и народом были излишни... В Москве тоже никаких дополнительных нарядов для охраны не было, подъем был небывалый, народ сам и охранял, и соблюдал порядок»^[621]. Сейчас может показаться абсурдным, что в условиях

начавшейся войны охрана лидера одной из воюющих держав пошла на ослабление обычных мер предосторожности, но в то же время это сообщение (если допустить его соответствие реальности) свидетельствует о силе и искренности патриотического подъема в России в 1914 году, который в глазах современников был не просто пропагандистским клише, а объективной реальностью. И вновь, как и в Петербурге, повторились картины всеобщего воодушевления, патриотического исступления народа при виде царя^[622]. Именно он, а не абстрактные идеи нации, славянства, государственных интересов, был тем символом, что пробуждал в 1914 году в народных массах чувство сплоченности, готовность к самопожертвованию, священный трепет.

Не менее ярко, чем в России, феномен «священного единения» в среде политических элит проявился в союзных ей державах. Во Франции 4 августа 1914 года председатель правительства Р. Вивиани зачитал перед обеими палатами парламента обращение президента республики Р. Пуанкаре, в котором заключался призыв к «священному единению»^[623] всех французов перед лицом внешнего врага^[624]. Его с воодушевлением поддержали представители всех политических партий, в том числе и социалисты. Русский посол в Париже А. П. Извольский со свойственной ему эмоциональностью доносил в Петербург: «Я всегда верил, что когда наступит грозный час, все, или почти все, французские партии соединятся в одном патриотическом порыве; но действительность превзошла все ожидания, и сами французы были поражены удивлением перед картиной знаменитого заседания Палаты депутатов 4 августа, на котором против войны не раздалось ни одного (так в тексте. – *Н.Ю.*) голоса, даже со скамей крайних социалистов-революционеров»^[625]. Действительно, к тому моменту от социалистической оппозиции правительству не осталось и следа, и депутаты-социалисты единогласно проголосовали за военные кредиты^[626]. «Священное единение» охватило отнюдь не только социалистов. Видный политический и общественный деятель Третьей республики Ж. Клемансо, до этого выступавший как яростный противник и критик Р. Пуанкаре, «помирился» с президентом, навестив его в Елисейском дворце и похвалив его выступление в парламенте^[627].

Схожую картину мы увидим, если обратимся к рассмотрению первой реакции на начало войны английских правящих элит^[628]. Еще 2 августа 1914 года лидер консерваторов Э. Бонар Лоу заверил правительство в полной поддержке со стороны оппозиции любых его мер, направленных на вовлечение страны в войну^[629]. После нарушения Германией нейтралитета Бельгии и выступлений в парламенте главы Форин Офис Э. Грея (3 августа) и премьер-министра Г. Асквита (5 августа), объяснявших вступление Англии в войну на стороне Антанты, практически исчезла антивоенная либеральная оппозиция в парламенте^[630]. Отражением установившегося в английской политической элите консенсуса стало единогласное принятие парламентом 7 августа 1914 года военного кредита в размере 100 млн фунтов стерлингов, а 8 августа – чрезвычайного Закона о защите королевства (DORA), наделявшего правительство самыми широкими правами во имя успешного ведения войны; в стране было приостановлено действие Habeas corpus акта, были введены и другие ограничения в сфере личных прав и свобод^[631].

В эти дни с тяжелой внутренней дилеммой столкнулись английские лейбористы. Перед ними, как и перед социалистами всех воюющих держав, вставал вопрос: поддержать ли свое правительство в новой войне или же остаться верными интернационалистским и пацифистским идеалам? Большинство парламентариев-лейбористов высказались за поддержку военных усилий либерального Кабинета. «В течение недели, с 7 по 15 августа 1914 года, руководство основных массовых рабочих организаций Англии, от исполкома лейбористской партии до правления Генеральной федерации тред-юнионов, выступило в поддержку буржуазной идеи «гражданского мира», а 24 августа специальная конференция, созванная Британским конгрессом тред-юнионов (БКТ), Генеральной федерацией тред-юнионов и лейбористской партией, одобрила положение о «мире в промышленности»^[632]. Последнее решение подразумевало временное прекращение всякой

стачечной активности и выдвижения экономических требований рабочими. Однако многие видные деятели партии не смирились с этой новой политикой. В частности, подал в отставку лидер парламентской фракции Лейбористской партии Дж. Р. Макдональд^[633].

Проявления патриотического подъема, охватившего в начале войны политические элиты и интеллигенцию в странах Антанты, отнюдь не ограничивались одними лишь публичными декларациями в духе «священного единения». Представители правящих классов приняли непосредственное и самое деятельное участие в военных действиях^[634]. В Российской империи в рядах гвардии, понесшей огромные потери уже осенью 1914 года в ходе операций в Восточной Пруссии, сражались потомки самых знатных дворянских родов империи, в том числе великие князья^[635]. Многие видные общественные и политические деятели записывались добровольцами или побуждали своих сыновей к этому шагу^[636]. Добровольцами на фронт уходили писатели, поэты, ученые, учителя, инженеры, врачи^[637]. Так поступили, например, А. И. Куприн, В. В. Вересаев, Н.С. Гумилёв и С. А. Есенин^[638]. Современный отечественный историк Н.Н. Смирнов оценивает общее количество добровольцев из среды интеллигенции примерно в 3 700 человек^[639]. Но важно отметить, что речь идет именно о добровольцах. Точное количество представителей интеллигенции, мобилизованных в рамках всеобщей воинской повинности и оказавшихся таким образом на фронте, остается до конца не установленным^[640]. Исследователи, обращающиеся к данной проблематике, вынуждены ограничиваться лишь самыми приблизительными оценками, так, например, С. В. Тютюкин пишет, что «на фронт ушли не менее 30 тыс. учителей и большое количество врачей»^[641].

Не менее активное участие в военных действиях принимали представители французских политических элит и интеллигенции^[642]. Например, бывший военный министр А. Мессими отправился на фронт командовать стрелковым батальоном; сыновья П. Думера, бывшего председателя Палаты депутатов, ушли добровольцами; сражался на фронте и был взят в плен сын министра иностранных дел Т. Делькассе; был убит единственный сын бывшего председателя Совета министров Л. Барту^[643]. Многие французские интеллектуалы, охваченные патриотическим подъемом, отказывались от своих предвоенных пацифистских и социалистических убеждений и, движимые чувством гражданского долга, спешили влиться в ряды действующей армии, не словом, а делом выступить в «защиту цивилизации»^[644]. На фронт ушли такие известные писатели и ученые, как Ш. Пеги, Э. Псишари, А. Фурнье, Л. Перго, Ж. Дюамель, Р. Доржелес, А. Барбюс, А. Мале, Э. Шартье (Алэн)^[645]. Эта функциональная реакция лидеров французского общественного мнения на начало войны является своего рода проекцией, в миниатюре отражающей тенденции, характерные и для остальных групп французской интеллигенции. Современный историк Ф. Коше приводит такие данные: из 35 000 школьных учителей, отправившихся на фронт, 8417 погибло в ходе военных действий, то есть домой не вернулся каждый четвертый^[646].

Те же тенденции в отношении непосредственного участия представителей политических элит и интеллигенции в боевых действиях были характерны и для Англии: «Половина школьных учителей ушли в годы войны на фронт, их место заняли преподаватели в отставке, бывшие учительницы, священники. 13,5 тыс. студентов Оксфордского университета записались в армию, из них почти пятая часть погибла; схожая ситуация имела место и среди учащихся Кембриджского университета»^[647]. На войне погиб сын премьер-министра Великобритании Г. Асквита; лидер консерваторов Бонар Лоу потерял двух сыновей^[648]. Как отмечает историк Дж. М. Уинтер, характеризуя ситуацию в Англии во время Первой мировой войны, «чем более высокое положение занимал человек на социальной лестнице, тем выше была вероятность, что он запишется добровольцем»^[649]. Как следствие, «около 40 % молодых людей – выходцев из аристократических семей и представителей высокооплачиваемых профессий... добровольно записались в армию»^[650].

Представители интеллигенции, кто в силу возрастных или иных ограничений не годился для действительной службы в армии, включались в благотворительную деятельность. Активно

работали в этом направлении и многие парламентарии, оттесненные после начала войны от непосредственного участия в выработке государственной политики, в связи с перерывами в работе законодательных органов власти. Например, в Российской империи на частных началах организовывались сборы пожертвований в пользу семей мобилизованных, обустроивались и открывались госпитали, готовые принять первых раненых^[651]. Во время поездок Николая II по стране и на фронт ему подносились крупные суммы, собранные различными сословиями или национальностями (например, одна только депутация от тульского дворянства поднесла 40 тысяч рублей), с просьбой употребить их на благотворительные нужды^[652]. Императрица Александра Фёдоровна с дочерьми прошли курс первой помощи и помогали ухаживать за ранеными^[653], вдовствующая императрица Мария Фёдоровна задавала тон в высшем свете, работая в Красном кресте и организуя госпитали. Не отставали и придворные дамы, например, жена военного министра В. А. Сухомлинова Екатерина Викторовна, которая пользовалась расположением ряда богатейших людей империи^[654].

С августа 1914 года развернули бурную деятельность Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов. Под их патронажем шел централизованный сбор средств, на которые в губерниях открывались лазареты. Так, курское земство пожертвовало 1 миллион рублей для открытия осенью 1914 года госпиталя на 400 коек^[655]. Впрочем, эти союзы нельзя назвать общественными благотворительными организациями в полном смысле этого слова. В рассматриваемый период частные пожертвования составляли лишь самую незначительную часть их финансирования, львиная же доля приходилась на государственные кредиты, которые выдавались из казны без всяких условий и отчетности^[656]. О масштабах субсидирования государством союзов говорят цифры, приводимые отечественным историком С. В. Куликовым: «К концу ноября 1914 г. выделенные Советом министров ассигнования союзам составили около 43000000 рублей»^[657].

Помимо частных инициатив и общественных организаций в деле оказания благотворительной помощи жертвам войны большую роль играли и собственно государственные мероприятия. Во-первых, семьям мобилизованных полагалось казенное содержание. В Московской губернии его размер определялся из расчета стоимости ежемесячного продовольственного пайка, состоявшего из 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла на взрослого человека^[658] (детям до 5 лет полагался половинный паек)^[659]. На получение пособия могли рассчитывать жена и дети призванного, его родители и другие родственники, если они находились на его содержании^[660]. Во-вторых, местные власти зачастую сами выступали организаторами сбора пожертвований и иной помощи в пользу солдатских семей^[661]. Московский губернатор обращался с таким объявлением к населению: «С божьей помощью, веруя в победу над врагом, и надеждою на скорое возвращение наших доблестных воинов, приступите к вашему святому долгу перед родиной... всем миром вспашите и засейте поля ушедших, уберите поля обезлошаденных»^[662].

Большое развитие получили различные формы благотворительности во Франции, активную роль в которых играл президент республики. Р. Пуанкаре регулярно инспектировал военные госпитали, раздавая награды отличившимся воинам и оказывая финансовую помощь провинциальным лазаретам^[663]. Впрочем, и в этих начинаниях представители правящей элиты не теряли из виду политических целей: подлинной манифестацией французского национализма обернулось посещение Р. Пуанкаре эльзасских городов и деревень, занятых французскими войсками с начала войны. С нескрываемым волнением описывал он прием, оказанный ему местными жителями: охваченные патриотическим воодушевлением чиновники не находили слов, чтобы выразить свои чувства президенту; офицеры растроганно плакали, когда эльзасские дети исполняли «Марсельезу»^[664]. Конечно, следует с большой осторожностью подходить к подобным свидетельствам, поскольку они явно

преследовали цель оправдать территориальные претензии Франции, обосновать их не как захватнические, а как справедливые – ведь речь шла о восстановлении территориальной целостности страны, активно поддерживаемом самим населением провинций, отторгнутых в 1871 году.

Помимо благотворительности, представители политических элит и интеллигенции, не подлежавшие зачислению на действительную службу в армии, посвящали себя пропагандистской работе, поддержанию общественного консенсуса в своих странах^[665]. В этом отношении ярко выраженной спецификой отличалась ситуация в Англии. С одной стороны, там, так же как и в России и Франции, значительно снизилось влияние законодательной власти, представленной парламентом. Формально никаких ограничений на его полномочия наложено не было, но фактически парламентарии были лишены возможности обсуждать вопросы, касавшиеся военных действий. Это мотивировалось соображениями охранения военной тайны и подкреплялось апелляцией к патриотическим чувствам парламентариев^[666]. С другой стороны, в Англии, в отличие от всех прочих великих держав, армия продолжала комплектоваться в тот момент (1914–1915 годы) на добровольных началах, что ставило перед правительством проблему привлечения рекрутов в ряды новых, только сформировавшихся полков, но одновременно открывало широкие перспективы для приложения освободившейся энергии парламентариев^[667]. Многие из них взяли на себя дело пропаганды вступления в армию среди населения, причем отнюдь не ограничиваясь публикациями на страницах средств массовой информации.

В этом отношении в высшей степени характерен пример члена парламента от консервативной партии Я. Малкольма. Его взгляды относительно гражданского долга являлись прямым воплощением викторианских и эдвардианских представлений о взаимоотношениях между индивидуумом и государством, основной упор в которых делался на частную инициативу и ответственность^[668]. Он писал, что в условиях начавшейся войны каждый уважающий себя англичанин должен был задаться вопросом «Что я могу сделать?» и сам же должен был на него ответить, поскольку никакого руководства от центральной власти не следовало^[669]. Сам Я. Малкольм не годился для действительной службы в силу возраста, поэтому он решил посвятить себя популяризации войны и привлечению добровольцев. Уже к 17 августа 1914 года был готов его летучий агитотряд, включавший в себя врача, армейского сержанта, нескольких клерков и самого парламентария и имевший в своем распоряжении 4 автомобиля^[670]. Об эффективности его работы говорят цифры: только за период с 20 августа по 3 сентября он организовал более 20 митингов, результатом которых стала запись в армию примерно 2000 добровольцев^[671]. При этом Я. Малкольм был отнюдь не единственным, кто проводил подобные митинги: другие парламентарии, вне зависимости от партийной принадлежности, также активно включились в рекрутскую кампанию.

Большое значение в деле привлечения молодых людей в армию играла деятельность Парламентского комитета по рекрутированию, созданного в августе 1914 года и призванного на межпартийной основе координировать действия, направленные на провоенную агитацию^[672]. Именно этот негосударственный комитет взял на себя в начале войны значительную часть функций государственных пропагандистских учреждений. Частная инициатива в Англии значительно опережала государственные мероприятия в этой сфере. О масштабах деятельности этого комитета говорят следующие цифры: за время так называемой «Первой кампании», проходившей с октября 1914 по октябрь 1915 года, было издано более 140 пропагандистских плакатов, включая такие известные, как «Ты нужен Китченеру!» А. Лита^[673] и «Папа, а что ты делал во время великой войны?». Всего за это время было напечатано 5 727 000 постеров общей стоимостью в 18000 фунтов^[674].

Английское правительство в первые месяцы войны ограничило свое публичное участие в сфере военной пропаганды выступлениями видных политиков на массовых митингах, на которых объяснялись причины и цели войны^[675]. Здесь в полную силу заявил о себе ораторский дар Д. Ллойд Джорджа, который во время Июльского кризиса до последнего

момента занимал выжидательную позицию, склоняясь к поддержке антиинтервенционистов, но после нарушения Германией нейтралитета Бельгии стал одним из наиболее горячих и последовательных сторонников войны до победного конца^[676]. Оглушительный успех имела его речь, произнесенная 19 сентября 1914 года в Лондоне, в которой он подробно обрисовал причины вступления Великобритании в войну на стороне Антанты, умело включив в нее практически все сюжеты, которые были основой английской пропаганды в течение всей войны: мотив защиты справедливости, цивилизации и права, маленьких государств; опасность заносчивого и грубого германского милитаризма; миролюбие стран Антанты, сделавших всё возможное для сохранения мира^[677]. О значении, которое придавалось этому выступлению Д. Ллойд Джорджа, говорит тот факт, что английское правительство постаралось максимально растиражировать его, довести до сведения населения союзных держав, переведя на соответствующие языки^[678].

Представители английской интеллектуальной элиты поспешили придать новой войне образ принципиального столкновения наций, рас, цивилизации и варварства, крестового похода против зла, против «правления железа и крови»^[679]. В этой кампании принимали участие такие известные писатели, как Г. Уэллс, Р. Киплинг, А. Конан Дойль, Г. Мюррей^[680]. Не отставали и представители академических кругов. С серией памфлетов, объяснявших причины и цели европейской войны, выступили преподаватели Оксфорда^[681]. С особым энтузиазмом в пропагандистскую кампанию включились английские историки. Как справедливо отмечает исследователь С. Уоллас, «грань между историей и пропагандой может быть очень тонкой, тем более в военное время», поэтому нет ничего удивительного в том, что исторические сочинения скоро превратились в «тяжелую артиллерию» войны идей и идеологий^[682].

Не будет преувеличением сказать, что и русская интеллигенция в целом восприняла начало войны если не с открытым энтузиазмом, то, по меньшей мере, с надеждой, видя в ней способ обновления культуры, пробуждения духовных и нравственных сил народа, демократизации общественно-политической жизни страны^[683]. Подобные надежды выразились отнюдь не только в статьях

В. В. Розанова^[684] или Н. А. Бердяева^[685], но и в активном включении в дело объяснения новой войны, изучения ее характера и влияния на духовную жизнь народа таких выдающихся отечественных писателей и поэтов, как Л. Андреев, М. Горький, В. Брюсов, Н. Клюев, М. Пришвин, С. Федорченко и многих других. Не менее искренним и выразительным был отклик на войну со стороны русских художников, живописцев и графиков: А. М. и В. М. Васнецовых, К. А. Коровина, Л. О. Пастернака^[686] – посветивших свой талант воспеванию подвига и жертвенности русского народа. Наравне с писателями, поэтами и художниками в дело объяснения новой войны включились и представители других групп интеллигенции: священники, газетчики, университетская профессура, школьные учителя^[687].

Аналогичные тенденции характеризовали и реакцию на начало войны французских интеллектуалов. Многие французские писатели и публицисты в августе 1914 года предали забвению прежние разногласия, с энтузиазмом приветствуя провозглашение президентом республики Р. Пуанкаре политики «священного единения», и обязались тесно сотрудничать друг с другом во имя скорейшей победы над врагом. Это сотрудничество развивалось и в деле пропаганды, полемики с немецкими учеными и общественными деятелями относительно причин и виновников европейского «пожара»^[688]. Вот как описывал эти тенденции в среде французской интеллектуальной элиты сам Р. Пуанкаре: «Сегодня в Сорбонне под председательством декана литературоведческого факультета и члена Академии Аппеля собрались лица различного происхождения и весьма различных взглядов: Эрнест Лависс, Аното^[689], Моррис Баррес, мадемуазель Дерулед, монсеньер Одеден как представитель парижского архиепископа, секретарь социалистической партии Дюбрайль, секретарь Всеобщей конфедерации труда Жуо, Морис Пюжо из “Action française”, судьи, чиновники, промышленники, артисты, писатели, – все они воодушевлены одной верой, все

они во власти одной мысли – способствовать властям в обширной программе помощи жертвам войны»^[690]. Представить себе подобное собрание в раздираемой внутренними противоречиями Франции кануна войны казалось просто невозможным.

Символичным стало примирение в первые месяцы войны Третьей республики с католической церковью, отношения которых в тот период были очень натянутыми после секуляризации образования и других антиклерикальных мер, предпринятых во Франции в конце XIX – начале XX века. Видные католические публицисты, например, граф Альбер де Мен, в период тяжелых испытаний посвятили свой литературный талант служению Франции, старались внушить населению страны веру в грядущую победу^[691]. Наравне с правоконсервативными писателями и журналистами активное участие в создании пропаганды военного времени приняли и левые, социалисты^[692].

Французские ученые, особенно историки и философы, также решительно поддержали новую войну. Они, наравне с писателями и журналистами, уже в первые дни войны задали основные сюжеты и мотивы, в рамках которых развивалась пропаганда в последующие годы. Именно французские ученые, в лице влиятельного философа А. Бергсона, выступили с идеей, что новая война представляет собой решительное столкновение цивилизации с варварством, олицетворением которого являлась кайзеровская Германия^[693]. В создании патриотической культуры и в антигерманской пропаганде активное участие принимали и такие ученые с мировым именем, как Э. Лависс, Э. Дюркгейм, Э. Бутру, Ш. Сеньобос^[694].

Приведенные нами данные позволяют получить представление об участии представителей политических элит и интеллигенции в военных усилиях своих стран. Можно заключить, что их первая реакция на начало Первой мировой войны характеризовалась широким подъемом патриотических чувств и развивалась, в сущности, в одинаковых функциональных формах (пропаганда, благотворительность, действительная служба в армии). В то же время уже в первые дни войны проявились внутренние противоречия и конфликты, которые подтачивали консенсус в среде политических элит и интеллигенции в странах Антанты.

Так, в Российской империи уже во время «исторического» заседания Государственной думы 8 августа 1914 года были достаточно четко очерчены как границы патриотического подъема и «священного единения» в рамках политических элит, так и проблемы, которые несли в себе разрушительный потенциал с точки зрения поддержания общественного консенсуса по вопросу о войне. Диссонансом на фоне воинственных и патриотических заявлений царских министров, лидеров думских фракций, представителей национальных окраин прозвучали в тот момент выступления представителя Трудовой группы А.Ф. Керенского и социал-демократа В. И. Хаустова. Они осудили начало новой войны, обвинив в ее разжигании правящие круги всех воюющих держав, подвергли критике нежелание царского правительства предоставить амнистию политическим заключенным и ссыльным^[695]. Однако они одновременно призывали российское общество сплотиться перед лицом внешней опасности, защитить «культурные блага народа от всяких посягательств»^[696]. Эти выступления наглядно продемонстрировали глубину идеологического кризиса, переживавшегося в тот момент многими русскими социалистами, которые были деморализованы как сценами патриотического подъема в крупнейших промышленных и индустриальных центрах империи, в которых активное участие принимали вчерашние бунтари – рабочие, так и провоенной позицией своих западных коллег, прежде всего, немецких социал-демократов.

Гораздо большей последовательностью отличались взгляды большевиков. Они решительно осудили европейскую войну и участие в ней России^[697]. В последующие месяцы большевики конкретизировали свою позицию в ряде статей и программных документов. В августе 1914 года В. И. Ленин написал тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», ставшие основой манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», изданного в Берне в ноябре 1914 года^[698]. В нем новая война характеризовалась как

захватническая, развязанная буржуазными партиями и правительствами с целью борьбы за рынки и колонии и ослабления революционного движения. Вина за ее начало в равной мере возлагалась на все великие державы. Манифест указывал, что задача социал-демократов в тот момент заключалась в разоблачении агрессивного шовинизма правящих классов и превращении империалистической войны в гражданскую^[699]. Наперекор патриотическому подъему и манифестациям национальных чувств, отмеченных выше, большевики заявили, что выступают за поражение царского правительства в войне^[700]. Вполне предсказуемо, в 1914 году такие лозунги не встречали никакого сочувствия в среде политической и интеллектуальной элиты империи. Впрочем, взгляды российских элит даже в самом начале войны, в период наивысшего подъема патриотических чувств, отличались большой неоднородностью и противоречивостью.

В августе 1914 года прозвучали первые тревожные звонки, недвусмысленно говорившие, что в отношениях царского правительства и Думы чуда не произошло. Думцам быстро дали понять, что во время войны в их услугах не нуждаются. После чрезвычайного заседания 8 августа 1914 года Дума была поспешно распущена, о чем с горечью писал в своих воспоминаниях депутат Н. В. Савич: «Наша мечта быть полезными в трагических обстоятельствах борьбы за самое существование Великой России – потерпела полное фиаско»^[701]. Роспуск Думы сопровождался и первым с момента объявления войны столкновением между царским правительством и депутатами. «Поводом послужил проект министра внутренних дел Н. А. Маклакова, предусматривавший перерыв в работе Государственной думы до осени 1915 г., т. е. больше года»^[702]. Этот проект встретил решительный отпор со стороны думцев, объединивший и либералов и консерваторов, и следующий созыв Думы был перенесен на февраль 1915 года^[703]. Этот конфликт наглядно показал глубину противоречий, характеризовавших взаимоотношения между различными группами политической элиты Российской империи и объективно подрывавших «священное единение» уже в первые дни после его провозглашения.

Непросто складывались и отношения между правительством и земскими организациями. В начале войны земства пользовались полной поддержкой со стороны царского режима. Как мы писали выше, вся их деятельность спонсировалась, главным образом, за счет казны. Земские организации добились права принимать на работу служащих и распоряжаться выделенными денежными средствами по своему усмотрению, не отчитываясь перед правительством^[704]. Несмотря на это, они сразу взяли курс на конкурентное с государственными учреждениями, также занимавшимися помощью раненым, демонстративно противопоставили себя косной бюрократической системе, утверждая, что та не в состоянии эффективно помогать жертвам войны, в отличие от общественных организаций^[705].

Сложилась парадоксальная ситуация: существовавшие за государственный счет союзы развернули активную критику царского режима, объективно подрывая его легитимность в глазах общественного мнения, подтачивая и без того хрупкий консенсус, установивший в России в начале войны. На наш взгляд, первоначальное благожелательное отношение правительства к созданию земских организаций и их активное спонсирование объяснялось желанием правящих групп политической элиты подкупить оппозицию, направить ее деятельность в неополитическое русло – благотворительность. В дальнейшем же их приходилось терпеть, поскольку они, как благодаря своей работе, так и за счет активной пропаганды, успели завоевать значительную популярность в широких слоях населения, и открытые санкции в отношении союзов грозили обернуться еще большими политическими потерями для режима.

Ограниченный характер «священного единения» не был сам по себе отличительной чертой ситуации в Российской империи. Внутриполитическая и партийная борьба не прекращалась в начале войны и во Франции. Как следует из воспоминаний Р. Пуанкаре, буквально с первых дней войны начались интриги с целью изменения состава правительства. Разумеется,

все они шли теперь под лозунгом расширения базы Кабинета, включения в него представителей всех партий, но на деле развернулась ожесточенная борьба за тот или иной пост или портфель^[706]. В сущности, «священное единение» для верхушки политической элиты Третьей республики не пошло дальше публичных деклараций. Это замечание не означает, что она была начисто лишена патриотических чувств. Многими политиками двигал не только сухой расчет, но и вполне искреннее беспокойство за судьбы своей страны, желание помочь правительству в организации обороны. Скорее, речь идет об уточнении мировоззрения этой социальной группы. Ее представители даже в моменты наивысшего подъема национальных чувств не теряли из виду возможностей для упрочения своего собственного политического положения.

Обострению политической борьбы способствовала напряженная обстановка на Западном фронте. Французская армия, поддерживаемая британским экспедиционным корпусом и остатками бельгийских войск, с большим трудом отражала натиск германских армий, устремившихся осенью 1914 года к Парижу, постепенно отступая всё дальше и дальше к столице. Еще в конце августа (26 числа) на волне военных неудач во Франции произошла смена кабинета министров, в который влились влиятельные и популярные политики, такие как А. Рибо (министр финансов), Т. Делькассе (министр иностранных дел), А. Мильеран (военный министр) и А. Бриан (министр юстиции)^[707]. Важным фактором, укрепившим авторитет нового кабинета под председательством Р. Вивиани, стало включение в него двух видных французских социалистов – Ж. Геда (министр без портфеля) и М. Самба, получившего пост министра общественных работ. Благодаря этому в правительстве были представлены практически все наиболее влиятельные политические партии и течения, за исключением крайне правых. Подобный состав кабинета призван был продемонстрировать французам и мировому сообществу решимость страны объединить все усилия для достижения победы.

Однако не прошло и недели, как политический эффект, достигнутый за счет этой меры, был во многом потерян: 2 сентября 1914 года французское правительство по настоянию военных покинуло столицу. Это решение было принято исходя из угрозы, которую представляло для столицы продвижение германских армий. На горизонте замаячили тени трагических событий 1870–1871 годов. И без того тревожный отъезд был крайне неудачно организован: по признанию русского посла в Париже А. П. Извольского, он напоминал настоящее бегство^[708]. Р. Пуанкаре покинул столицу поздним вечером, без всяких проводов, почти тайком^[709]; также был обставлен отъезд министров и дипломатического корпуса^[710]. Добровольная ссылка правительства продолжалась 4 месяца. За это время его авторитет сильно упал^[711], чему способствовали периодические скандалы, сопровождавшие пребывание высших чиновников в Бордо^[712]. Началась постепенная эрозия даже того, изначально неполного, «священного единения», что было провозглашено в августе 1914 года.

В Англии, как и в континентальных державах, «священное единение», чрезвычайно важное с точки зрения укрепления национальной солидарности и пропаганды, вовсе не ознаменовало собой окончания внутривнутриполитической борьбы между партиями и внутри них. В течение всего Июльского кризиса одной из главных забот английского премьер-министра Г. Асквита было поддержание единства Кабинета, недопущение его раскола в условиях обострения международной обстановки. После вступления страны в войну на волне народного воодушевления, его положение укрепилось, но появились и новые проблемы. Антивоенная оппозиция внутри либеральной партии перестала быть угрозой Кабинету, но одновременно резко усилилось влияние консервативной партии.

Именно она в наибольшей степени выиграла в краткосрочной перспективе от вступления Англии в войну: именно консерваторы накануне Июльского кризиса неустанно твердили об опасности, которую таит в себе усиление Германии, именно они требовали укрепления связей страны с союзницами по Антанте, наконец, именно они позиционировали себя как

подлинно национальную, патриотическую партию^[713]. События лета 1914 года оказались как бы наглядным подтверждением их правоты. К тому же, выразив моральную поддержку правительству либералов, консерваторы отнюдь не торопились разделять ответственность за ведение боевых действий и идти на создание коалиционного Кабинета, предоставляя правительству Г. Асквита сомнительную честь в одиночку нести бремя военных неудач в первые месяцы войны^[714]. Они действительно согласились с приостановкой партийной борьбы на время военных действий и формально соблюдали это «партийное перемирие», однако на практике консерваторы лишь сменили тактику. Находясь вне правительства, они развернули активную травлю отдельных министров на страницах консервативных изданий.

Г. Асквит, многоопытный 63-летний государственный деятель^[715], предвидел подобный поворот событий. В этом отношении особого внимания заслуживает назначение на пост военного министра прославленного английского военачальника Г. Китченера. Конечно, это назначение было обусловлено в первую очередь его военными заслугами и популярностью в народе, но в то же время Г. Китченер, прочно ассоциировавшийся в глазах современников с английскими консерваторами, призван был послужить определенной защитой для всего либерального Кабинета от атак консервативной печати^[716]. Таким образом, уже с августа 1914 года Англией управлял своего рода «коалиционный» Кабинет.

Можно заключить, что во всех трех странах Антанты провозглашенный в первые дни войны лозунг «священного единения» лишь отчасти отражал реальное настроение политических элит. Да, представители законодательной и исполнительной власти торжественно клялись отказаться от партийной борьбы на время военных действий, но на практике эти заявления мало кем соблюдались. И всё же в августе – сентябре 1914 года ограниченный характер «священного единения» в среде политических элит и интеллигенции в странах Антанты не успел еще проявиться в полной мере, редко находил публичное выражение, теряясь на фоне шумных проявлений патриотического подъема. В целом, имевшиеся в тот момент противоречия не выходили за рамки оценочного уровня реакции. На функциональном же уровне в политических элитах и интеллигенции в странах Антанты в начале Первой мировой войны господствовавшими тенденциями были сотрудничество, формальное примирение и верность курсу на поддержание внутреннего консенсуса. Постепенная эрозия «священного единения» стала набирать оборот в последующие месяцы войны.

§ 2. Эволюция «священного единения» в странах Антанты (осень 1914 – первая половина 1915 года)

Проявлению кризисных тенденций в политике «священного единения» в странах Антанты способствовал крах надежд на скорое завершение войны, всё отчетливее перераставшей зимой 1914–1915 годов в войну на истощение. К такому повороту событий оказались не готовы не только широкие слои городских и сельских обывателей, но и правящие классы стран Антанты. Перед правительствами всех воюющих держав вставали совершенно новые проблемы, связанные с необходимостью мобилизации экономических и людских ресурсов, созданием и снабжением массовых армий, регулированием трудовых отношений. Ситуация усугублялась далеко не блестящим положением дел на фронтах, где союзные армии несли огромные потери в позиционных столкновениях, которые не приносили никаких видимых результатов.

Очень остро эти тенденции проявились в Российской империи, что объяснялось целым рядом причин как объективного, так и субъективного характера, тесно, подчас неразрывно, переплетенных друг с другом. Уже в самом начале войны, как показал анализ политики «священного единения», предпринятый нами выше, в среде российской политической элиты и интеллигенции обнаружилось противоречия, отражавшие внутренний раскол и неоднородность ее мировоззренческих установок. Если в начале войны на волне патриотического воодушевления, охватившего в той или иной мере всю страну, эти факторы

не представляли серьезной проблемы для царского правительства, то по мере ухудшения положения дел на фронте и затягивания военных действий они стали приобретать угрожающий характер. В конце 1914 – начале 1915 года в полной мере оформилось несколько крупных направлений во взглядах российской политической элиты и интеллигенции, которые были обусловлены как предвоенным политическим размежеванием, так и процессами переосмысления коллективных ценностей и способов самоидентификации представителей этой социально-функциональной группы, запущенных новой войной.

Так, для русских либералов, к которым мы в данном случае причисляем не только активных членов соответствующих думских партий и фракций, например, кадетов, но и в целом сторонников демократизации политического и социального устройства империи, развития представительных институтов и идей народного суверенитета, первостепенное значение имели морально-нравственные обоснования новой войны, вера в справедливость дела своей страны. Они приветствовали войну и стремились оказать посильную помощь не только в силу патриотизма, хотя это тоже была важная мотивация, но и надеясь, что подобная демонстрация гражданской сознательности и ответственности будет оценена правящими кругами и послужит залогом послевоенных демократических преобразований^[717].

Вот как описывал эти настроения современник, секретарь Николаевского биржевого комитета С.М. Шаргородский: «Все охвачены горячим стремлением сокрушить германский милитаризм и юнкерство, угрожавшие всему миру. Сокрушив и раздавив эту гидру, мир заживет спокойно, и кто знает, быть может, страшные размеры этой войны сделают ее последней. Этим и объясняется тот всеобщий подъем, который наблюдается в обществе, то единодушные, с каким общественные силы своим материальным и личным содействием спешат помочь успешному исходу войны... Масса как будто инстинктивно чувствует, что эта война поведет к лучшему, что страшное напряжение общественных сил для одержания победы над страшным врагом даст обществу право заговорить потом о компенсации»^[718].

Либеральные круги, европейски образованные и представлявшие в целом современное для того периода европейское мировоззрение, не остались равнодушны и к подъему национальных чувств, составившему глубинную основу патриотического энтузиазма в 1914 году. Однако они выступили со своим «проектом» русского, или, точнее, российского национализма, ориентированным на западную, «гражданскую» трактовку национализма. Этот расплывчатый комплекс представлений о национальном строительстве в рамках Российской империи, включавший в себя идеи о расширении прав национальных меньшинств, уравнивании их в правах с русскими подданными царя и общей демократизации политического устройства страны^[719], отчетливо проявился в столкновении с идеями консерваторов, которые поспешили воспользоваться началом войны для пропаганды своих взглядов, поэтому есть смысл рассматривать их в тесной взаимосвязи.

Именно взгляды и мотивация правоконсервативных и консервативно-либеральных кругов составили второе крупное течение в общей картине реакции русской интеллигенции на начало войны. Они приветствовали взрыв национальных чувств, которым сопровождалось в крупных городах империи объявление войны, видя в нем верный признак пробуждения национального самосознания народа, его духовное преобразование, характеризовавшееся возрождением религиозности, забвением классовой борьбы^[720]. Вот как описывал эти настроения в письме к графу С.Ю. Витте И.Н. Протасьев: «Религия осветила патриотизм, а патриотизм в эти знаменательные дни рельефно отражается в религиозном чувстве. После годов нравственного упадка Русь как бы переродилась, обновилась и обрела сама себя»^[721].

Консерваторам новая война виделась как возможность восстановления традиционных политических ценностей, укрепления династии, чья власть была поколеблена событиями Первой русской революции, избавления от классовых противоречий за счет сплочения общества вокруг фигуры монарха. Они надеялись положить конец заигрываниям самодержавия с Думой, с национальными окраинами, с рабочим движением и земством: «До

очевидности ясно, что внутренний враг не дремлет и подготавливает себе почву для всяких будущих выступлений. Всё это указывает на ту опасность, которая может грозить в будущем. Ясно, что поблажки, которые делаются ныне земствам и всяким иным учреждениям и лицам, даром пройти не могут»^[722].

«Проект» национального строительства, предложенный во время войны правоконсервативной частью элит и интеллигенции и предопределивший специфический облик русской пропаганды рассматриваемого периода, отличался реакционностью, вел к обострению национального вопроса внутри империи. Так, именно правоконсервативные издания стали застрельщиками германофобской кампании в российской прессе, направленной не столько против населения Германии или Австро-Венгрии, солдат и офицеров вражеских армий, сколько против немецких колонистов и прибалтийских баронов, подданных Российской империи^[723]. Кампания эта шла под лозунгом «борьбы с немецким засильем», в ней, помимо русских журналистов и публицистов, активное участие приняли латышские, эстонские и литовские националисты^[724]. Непосредственными результатами ее стали погромы немецких магазинов в Москве осенью 1914 года и весной 1915 года^[725], издание закона о ликвидации немецкого землевладения 2 февраля 1915 года^[726], расцвет шпиономании и доноительства в русском обществе^[727].

Одновременно с германофобской истерией новый импульс к развитию получил антисемитизм, затихнувший на короткое время в начале войны^[728]. Самое широкое хождение получили истории о повальном предательстве евреев, которые поступали из действующей армии и раздувались в средствах массовой информации^[729]. Евреев обвиняли в шпионаже в пользу Центральных держав, распространении упаднических и пораженческих слухов в тылу, антиправительственной агитации^[730]. Одними из инициаторов травли евреев в Российской империи в период Первой мировой войны наравне с консервативными изданиями выступили польские националисты, что, в сущности, не было большим секретом и для современников^[731].

Мы не склонны утверждать, что все сведения, особенно исходившие из действующей армии, о случаях шпионской или подрывной деятельности со стороны еврейского и немецкого населения западных губерний Российской империи были ложью, выдумками юдо- и германофобов. Другое дело, что их эксплуатация националистическими кругами интеллигенции вела к росту погромных настроений в русском обществе, жертвами чего становились невинные люди, единственным преступлением которых оказывалась немецкая или еврейская фамилия. К тому же, в длительной перспективе, рост ксенофобии в многонациональной империи, порожденный газетными кампаниями, ослаблял «внутренний фронт», подрывал и без того шаткое и хрупкое национальное единство, сложившееся в первые недели войны. Эти тенденции не успели бы полностью раскрыть свой разрушительный потенциал в случае кратковременной войны, но в войне на истощение, в которую быстро перерастал новый европейский конфликт, они приобретали фатальный для империи характер.

Подобная опасность отчасти осознавалась и представителями власти: департамент полиции МВД в конце 1914 – начале 1915 года неоднократно призывал губернаторов и местных полицейских чинов особое внимание уделять настроениям населения, пресекать агитацию в пользу антинемецких или антиеврейских погромов^[732]. При этом, однако, царское правительство не предпринимало действенных мер, способных положить конец ксенофобской пропаганде право-консервативных изданий. Эта непоследовательность объяснялась, на наш взгляд, тем, что российские правящие элиты лишь смутно представляли себе, какую позицию должно занимать самодержавие по отношению к различным национальным движениям внутри империи.

Итогом стало то, что многие национальные группы, изначально настроенные вполне верноподданнически и патриотически^[733], уже к весне 1915 года стали всё больше

разочаровываться в торжественно провозглашенных целях участия России в войне и лозунгах национального объединения перед лицом внешней угрозы, осознавать свою чужеродность, переходить в оппозицию правящему режиму, с попустительства которого расцвела ксенофобия. Пропаганда и систематическое разжигание ксенофобии, то есть плоды работы журналистов, публицистов, общественных деятелей, наибольшее осуждение вызывали в среде самой же интеллигенции^[734]. Вот как описывал свои чувства в тот момент театральный деятель, режиссер, князь С.М. Волконский: «С легкой руки “Нового времени” пошло в ход выражение “немецкое засилье”. Пошло гонение на немецкие фамилии... Ужасное время, противное. Тогда уже просыпались дикие инстинкты, только они облекались в одежду патриотизма... В провинции это приводило к еще более гнусным проявлениям... Доносам на почве “немецкого засилья” не было конца. Всё, что было подлого, что хотело подслужиться, уходило под благовидную сень патриотизма»^[735].

Наряду с теми, кто искренне принял войну, оставались и те, кто не разделял всеобщего национального воодушевления, продолжал с недоверием и враждебностью смотреть на царский режим, осуждая тех, кто поддался националистической истерии^[736]. Так мы подходим к третьему крупному течению в реакции русских политических элит и интеллигенции на начало Первой мировой войны, представленному людьми левых взглядов, социалистами и, в меньшей степени, анархистами. Как мы писали выше, Первая мировая война спровоцировала своего рода идеологический кризис в среде русских социалистов.

Его ярким проявлением, демонстрирующим тесную взаимосвязь оценочного и функционального уровней реакции, стало стремление некоторых бывших идеологических противников самодержавия, политэмигрантов и ссыльных, вернуться на родину и вступить в ряды действующей армии^[737]. С подобным пожеланием выступили как молодые люди, подвергшиеся преследованию за участие в студенческих антиправительственных акциях^[738], так и некоторые видные лидеры социалистов, проживавшие в эмиграции^[739]. Особый резонанс приобрело дело В. Л. Бурцева, до войны являвшегося яростным противником царского режима, но после ее начала перешедшего на позиции «оборончества» и призвавшего русских социалистов поддержать страну в трудный для нее период. В письме, опубликованном в английской «The Times» он заявлял о своем намерении вернуться в Россию и принять участие в войне, которая, по его мнению, имела справедливый, оборонительный характер^[740].

Несмотря на заступничество русского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа, считавшего, что правительству следует амнистировать В. Л. Бурцева, поскольку его дело приобрело особое значение с точки зрения межсоюзнических отношений, улучшения образа России в глазах союзников и борьбы с антирусской кампанией в радикальной и еврейской печати, по возвращении на родину В. Л. Бурцев был задержан, осужден и приговорен к ссылке^[741]. Царское правительство своими действиями сразу дало понять, что оно не собирается никого прощать и ничего забывать. Эмигрантам предлагалось вернуться на родину и подвергнуться судебному преследованию за совершённые в прошлом преступления и лишь после подавать прошение о зачислении в армию^[742]. Надеждам многих политэмигрантов на широкую амнистию в связи с началом войны не суждено было сбыться^[743].

Впрочем, далеко не все политэмигранты горели желанием вернуться на родину, о чем красноречиво свидетельствуют документы французского МВД, хранящиеся в Национальном архиве. В Париже с осени 1914 года развернули антивоенную пропаганду русские социалисты, возглавляемые В.М. Черновым, Ю.О. Мартовым и А. В. Луначарским. Они осудили тех эмигрантов, которые под влиянием патриотического воодушевления изъявили желание вернуться в Россию и вступить в ряды армии, и призывали социалистов, уже находившихся на фронте, к дезертирству, саботажу и братанию с немцами^[744].

Если в первые недели войны эта внутренняя оппозиция оставалась уделом сравнительно узкой группы представителей политических элит и интеллигенции, то по мере нарастания в

обществе недовольства положением дел в тылу и на фронте она всё чаще давала о себе знать. Это не означает, что патриотический порыв, отмеченный в первые месяцы войны, окончательно и бесповоротно ушел в прошлое уже к весне 1915 года. Скорее, можно говорить о постепенной эрозии консенсуса, отражавшей нарастание напряженности и конфликтности в русском обществе. Этот процесс, на наш взгляд, не был необратимым: с большим энтузиазмом были встречены известия о победах русского оружия, например, о взятии русскими войсками австрийской крепости Перемышль в марте 1915 года^[745]. Патриотизм, пробуждение национального самосознания продолжали в тот момент составлять основной эмоциональный фон восприятия событий и реалий войны^[746]. Однако центробежные тенденции и внутренняя противоречивость взглядов в среде российских элит успели проявиться в тот момент уже достаточно четко.

В сущности, и правые, и либералы трактовали новую войну как столкновение наций, рас, в случае России – германства и славянства. Однако на этом их сходство заканчивалось. Для правоконсервативных групп на первое место выходили проекты очищения национального «ядра» империи от всех нежелательных этнических и политических элементов и укрепления традиционных ценностей, выраженных уваровской триадой «православие, самодержавие, народность». Для либералов в широком смысле этого слова война представлялась желанной и нужной только до тех пор, пока она несла надежду на кардинальное обновление русского общества, пробуждение национальных чувств, которые для них были синонимами гражданственности и демократии^[747]. Иными словами, на наш взгляд, происходило столкновение различных политико-национальных проектов, отражавшее незавершенность процессов национального строительства в империи Романовых. В этих условиях патриотический подъем не имел под собой прочной основы, его подпитывали крайне противоречивые настроения, симпатии и способы самоидентификации, которые в условиях затяжной войны очень быстро вступили в противоречие друг с другом и, что особенно важно, с правящим режимом. Эти тревожные тенденции в полной мере проявились в Российской империи во время серьезного политического кризиса уже весной – летом 1915 года.

Тяжелые потери осени 1914 года, хаос и дезорганизация тылового снабжения, всё более распространявшаяся информация о «снарядном голоде», начавшееся весной 1915 года отступление русских армий на Восточном фронте – всё это давало почву для роста общественного недовольства и подпитывало слухи об измене, проникшей в самые высокие эшелоны власти. Всё более очевидной становилась изолированность, оторванность правительства не только от народных масс, но и от остальных групп, составлявших политическую элиту империи. Все решения принимались узкой группой лиц, царем и его ближайшим окружением, без оглядки на мнение представительных органов. Воплощением этой изоляции стала сама царская семья. Как справедливо отмечает в своей статье Р. Г. Суни, «испытываемые Россией в ходе Первой мировой войны поражения и колоссальные потери лишили императора и императрицу хрупкой ауры легитимности, их стали единодушно воспринимать как фигуры, далекие и даже чуждые интересам России. То, что с точки зрения династии в прошлом прибавляло ей могущества, а именно дистанцирование от народа, теперь стало фатальной помехой»^[748]. Вокруг монаршей четы стали ходить самые дерзкие и неправдоподобные слухи, центральной фигурой которых оказывалась императрица, Александра Фёдоровна^[749]. Болезненно мнительная, остро переживавшая семейное горе – рождение больного гемофилией наследника престола, – она не переносила публичных церемоний, избегала появления перед народом, что было так необходимо во время войны^[750]. Это вызывало подозрения в ее пронемецких симпатиях, враждебном отношении к России^[751]. В среде политической элиты ей не могли простить приближения ко двору Г. Распутина, объективно дискредитировавшего династию постоянными скандалами и своим вызывающим поведением^[752].

К тому же, оградив себя от докучливых думцев, царское правительство взвалило на себя полную и единоличную ответственность за ход военных действий, который складывался для России далеко не лучшим образом. Ростом недовольства в стране в полной мере воспользовались те представители элиты, что оказались оттеснены от всякого участия в управлении страной после роспуска на каникулы Государственной думы. Уже в январе, когда шла подготовка к созыву очередной сессии думы для вотирования бюджета, ряд депутатов выступил с жесткой критикой правительства, прежде всего, военного министерства и МВД, обвиняя их в провале политики, призванной обеспечить успешное ведение военных действий^[753]. Свободные от всякой ответственности за неудачи кампании 1914–1915 годов думцы стали позиционировать себя как единственную силу, способную повернуть ход военных действий и исправить ошибки, допущенные царской бюрократией^[754]. В сущности, они открыто противопоставляли себя царскому режиму, активно способствовали падению его авторитета в массах. Эта политика, прямо противоречившая букве и духу лозунга «партийного перемирия», ярко очертила границы консенсуса в случае с политической элитой Российской империи. Об эффективности пропаганды в пользу возобновления работы Думы свидетельствовали проникнутые беспокойством сводки о настроениях населения, подготовленные сотрудниками МВД, из которых следовало, что представители самых разных социальных слоев именно с Думой начинали связывать все надежды на стабилизацию экономической и социальной жизни в стране и успешное завершение новой войны^[755].

Особую активность в рассматриваемый период проявляли русские либералы – кадеты^[756]. Именно они встали у руля Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов и использовали их организации как трибуну для пропаганды своей политической программы. Еще осенью 1914 года ЦК кадетской партии пришел к выводу, что следует использовать работу в частных благотворительных организациях для усиления позиций кадетов и оказания давления на правительство с целью проведения им демократических преобразований после войны^[757]. К весне 1915 года отношения между земством и бюрократией значительно ухудшились и характеризовались постоянными взаимными нападками и обвинениями^[758]. На наш взгляд, уже к этому моменту можно констатировать если не крах, то, по крайней мере, глубокий кризис политики «священного единения» в Российской империи.

Аналогичные процессы, пусть и не столь явно, происходили и во Франции. Можно выделить несколько крупных узлов противоречий, которые вели к эрозии «священного единения». Прежде всего, стоит упомянуть критику правительства в связи с неудачами союзников на Западном фронте. Бегство в Бордо, угроза осады Парижа, слухи о проблемах со снабжением действующей армии привели к тому, что хрупкое «политическое перемирие», установившееся в августе 1914 года, фактически перестало существовать. Возможно, это обстоятельство вызвало неожиданно резкую характеристику французского правительства, данную в феврале 1915 года премьер-министром Великобритании Г. Асквитом, который писал: «Это своего рода коалиционное правительство... члены которого ненавидят и не доверяют друг другу, боятся палат, боятся прессы, боятся вообще всего. За исключением несчастных, беглых изгнанников бельгийцев, это, пожалуй, самое нестабильное правительство во всех воюющих державах»^[759].

Крайним проявлением этих настроений в политической элите была позиция, занятая Ж. Клемансо^[760]. Уязвленный тем, что ему не нашлось места в новом кабинете, сформированном в конце августа 1914 года, Ж. Клемансо развернул яростную кампанию против правительства со страниц своей газеты «L'Homme Libre», а после ее закрытия цензурой в сентябре 1914 года – в новом издании – «L'homme Enchaîné» («Человек в оковах»)^[761]. Он обвинял Президента и военного министра в сокрытии от публики истинного положения дел на фронтах и в сфере военного производства, в нерешительности в борьбе с пораженческими настроениями, в нецелевых расходах. Поскольку обсуждения военных вопросов в парламенте практически не велось из соображений охранения военной тайны, Ж.

Клемансо направил свою энергию на работу в специальных сенатских комиссиях, требуя регулярных отчетов от военного министра и министра иностранных дел.

Особую остроту приобрели его отношения с министром внутренних дел, радикал-социалистом Л.-Ж. Мальви. Если Ж. Клемансо и готов был пойти на перемирие с правительством Р. Пуанкаре в начале войны, то полностью принять «священное единение» он не мог категорически, поскольку оставался убежденным противником социалистов. Он вменял в вину Л.-Ж. Мальви его отказ арестовать лиц, внесенных в «список Б», обвинял его в попустительстве социалистической антивоенной пропаганде^[762]. Таким образом, один из наиболее ярких представителей общественной и политической жизни Третьей республики в рассматриваемый период оказался в жесткой оппозиции правительству и, невзирая на провозглашенные в начале войны лозунги, развернул активную борьбу за власть.

Проблемы взаимоотношений буржуазного большинства правительства с министрами-социалистами и вообще с левыми партиями, поднятые Ж. Клемансо, также служили источником частых конфликтов во французской политической элите. С одной стороны, включение видных социалистов в состав кабинета Р. Вивиани было очень удачным политическим ходом, позволившим защитить правительство от атак слева, разделить с социалистами ответственность за ведение боевых действий и гарантировать социальный мир во время войны. С другой стороны, подобный состав кабинета создавал ряд трудностей. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны не миновал и французских социалистов, превратив многих прежних антимилитаристов и интернационалистов в самых убежденных шовинистов^[763]. Однако он не обернулся полным отказом социалистов от своих предвоенных убеждений. Демонстрацией этой, пусть и несколько пошатнувшейся, верности идеалам интернационализма стала конференция социалистов в Лондоне в феврале 1915 года. Конференция приняла в целом дружественную по отношению к Антанте резолюцию, которая, впрочем, содержала нападки в адрес царского правительства^[764]. Пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что в составе французской делегации присутствовал М. Самба, министр общественных работ в кабинете Р. Вивиани. Французское правительство поспешило заверить свою союзницу через посла в Петрограде М. Палеолога, что М. Самба выступал на конференции исключительно как член социалистической партии и ни в коей мере не выражал мнение правительства республики.

Резолюция Лондонской конференции 1915 года вызвала возмущение и в самой Франции, поскольку провозглашала право населения аннексированных территорий на свободное самоопределение после войны. На практике это означало вынесение на народный плебисцит вопроса о принадлежности Эльзаса и Лотарингии. Поэтому участие М. Самба в конференции спровоцировало шквал критики в адрес Р. Вивиани, французского МИДа и президента^[765]. Правительство выступило с решительным заявлением, в котором подчеркивалось, что возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии является его безусловной целью и не может быть предметом плебисцита. На этом инцидент был в целом исчерпан, но он достаточно ярко продемонстрировал как расхождения во взглядах правящих классов, так и готовность их представителей использовать подобные поводы в борьбе за власть.

Непоследовательная политика социалистов была одним из проявлений внутренних противоречий, сомнений и дилемм, с которыми столкнулись в тот момент французские интеллектуалы. Далекое не все из них готовы были отказаться от своих предвоенных взглядов. Остался до конца верным своим пацифистским убеждениям и выступил с открытыми обличениями европейской войны Р. Роллан^[766]. Целый ряд писателей первой величины, таких как М. Пруст, А. Жид, П. Валери, не нашли в себе сил поддержать новую войну или занять по отношению к ней четкую позицию и хранили молчание до ее конца^[767]. И всё же таких людей в среде интеллигенции было абсолютное меньшинство. Многие вчерашние пацифисты и интернационалисты оказывались захваченными стихией националистического воодушевления. В этом отношении характерен пример французского ученого, лингвиста и этнолога Р. Готию, которого война застала на Памире. Узнав о ней, он

немедленно прервал свою экспедицию и через Петроград вернулся во Францию. Французский посол М. Палеолог вспоминал о нем: «Он один, предоставленный самому себе, избавлен от заразы величественного национального порыва, который увлекает Францию. Тем не менее он не колеблется ни минуты. Все его социалистические и пацифистские теории, интересы его научной работы, его личные выгоды тотчас стушевываются перед образом родины в опасности»^[768]. Лишь постепенно, по мере затягивания войны, наступало их отрезвление, и они вновь переходили к антимилитаризму; такую эволюцию претерпели, к примеру, взгляды А. Франса^[769].

Описанные тенденции в полной мере проявились и в позиции широких слоев французских социалистов и анархистов. Многие из них начинали задумываться о справедливости новой войны, о цене возможной победы, о перспективе милитаризации общества после окончания военных действий^[770], но в 1914–1915 годах эти опасения не находили широкого отклика во французской интеллигенции. Те же анархисты в рассматриваемый период лояльно выполняли свой гражданский долг как в рядах действующей армии, так и в тылу, организуя сбор пожертвований в пользу своих товарищей на фронте^[771].

Если для левых интеллигентов война обернулась серьезным вызовом всем их предвоенным коллективным ценностям и лояльностям, то для французских правых она явилась своеобразным подтверждением правильности их теорий и убеждений касательно неизбежности франко-германского столкновения и опасности немецкого милитаризма^[772]. Особую активность развил выдающийся националистический публицист М. Баррес, каждый день в течение всей войны писавший статьи, посвященные ей и отстаивавшие дело Франции^[773]. Пацифист Р. Роллан называл М. Барреса за этот его вклад в военную пропаганду «соловьем бойни»^[774]. Восприятие М. Барресом новой войны было окрашено в мистические тона, что, кстати, вообще было характерно для французского правого национализма начала XX века^[775]. С победой в войне связывалось пробуждение национальных чувств французов, установление культа молодости, мужественности, действия, силы, противопоставленных рационализму, расчетливости и меркантилизму буржуазного общества^[776]. К весне 1915 года активизировались и крайне правые круги, представленные различными монархическими организациями, прежде всего «Аксьон франсэз», но французское МВД констатировало, что их реакционная роялистская пропаганда не находит сочувствия в обществе, поглощенном заботами военного времени^[777].

В итоге, потенциально сильная, сплоченная оппозиция во Франции как слева, так и, в меньшей степени, справа не превратилась в 1914–1915 годах в источник внутренних беспорядков и не пыталась всерьез подорвать своими действиями или пропагандой легитимность республиканского строя. Она скорее служила громоотводом, позволяя, во-первых, сравнительно безопасно стравить лишнее давление в обществе, во-вторых, направляя активность своих сторонников на созидательную деятельность – благотворительность, поддержку внутреннего консенсуса. В этом она составляла разительное отличие с либеральной и, тем более, социалистической оппозицией в Российской империи. В целом весной 1915 года в среде французской политической и интеллектуальной элиты тенденции к единству действий возобладали над всеми прочими интересами, личными или партийными. Коалиционный кабинет сохранял в значительной степени доверие населения, открытая политическая борьба имела мало шансов снискать широкий отклик в народе в ситуации, когда сохранялась угроза возобновления германского наступления, а сама война велась на французской территории.

Тенденции к постепенной эрозии «священного единения» проявились в конце 1914 – начале 1915 года и в Англии, где правительство столкнулось с необходимостью полномасштабной реорганизации экономической и социальной жизни страны сообразно требованиям военного времени. С одной стороны, оно было в значительно более выигрышном положении по сравнению с континентальными кабинетами, поскольку территория Англии находилась вне опасности непосредственного вторжения неприятельских войск, к тому же в его

распоряжении имелись необъятные ресурсы крупнейшей в мире колониальной империи. С другой стороны, перед ним встал ряд проблем, к которым экономика Англии оказалась в значительной степени неподготовленной. Речь идет в первую очередь о необходимости создания и снабжения крупной сухопутной армии для войны на континенте.

Складывание национального консенсуса летом 1914 года и лозунг «священного единения» в политике позволили английскому правительству сравнительно легко обеспечить социальный мир в первые месяцы войны, заручившись поддержкой лейбористов и тред-юнионов^[778]. Причем для лейбористов согласие на участие в кампании по набору добровольцев в армию и отказ от прежних интернационалистских ценностей привели к серьезному внутреннему расколу и в краткосрочной перспективе – потере политического влияния^[779]. Однако очень скоро стало ясно, что война затягивается и лозунг «бизнес как обычно», с которым выступили представители английских правящих классов осенью 1914 года, не соответствует стоявшим перед страной задачам. На повестке дня оказались вопросы централизации производства, регламентирования отношений в промышленности. В марте 1915 года в спешном порядке были приняты поправки к Закону о защите королевства, резко расширявшие права правительства в использовании частных промышленных предприятий для военного производства и ограничивавшие права рабочих^[780]. Лейбористы протестовали лишь для проформы. Эти меры правительства, сопровождавшиеся ростом дороговизны в конце 1914 – начале 1915 года, привели к росту стачечного движения рабочих^[781].

На этом фоне постепенно собиралась с силами антивоенная оппозиция, деморализованная патриотическим подъемом в начале войны. Многие видные представители английской интеллигенции не поддержали вступления страны в войну^[782]. Объединившись с рядом либеральных и лейбористских парламентариев, они в августе – сентябре 1914 года создали несколько пацифистских организаций. Так, Союз демократического контроля, призванный выработать условия демократического мира, сокращения вооружений, включал в себя таких влиятельных общественных и политических деятелей, как Ф. Моррел, А. Понсонби, Дж. Р. Макдональд, Б. Рассел, Ч. Тревельян^[783].

Однако в рассматриваемый нами период эта организация так и не стала массовой: к лету 1915 года она насчитывала 6000 членов, четверть которых была сосредоточена в Лондоне^[784]. К тому же она выступала с весьма умеренной программой, ее создатели подчеркивали, что они не требуют немедленного прекращения военных действий и не призывают в данный момент к мирным переговорам^[785]. Даже эта умеренная антивоенная оппозиция оставалась в 1914–1915 годах малочисленной: основная масса английских левых интеллигентов поддержала решение парламентариев-лейбористов, проголосовавших за военные кредиты и принявших участие в рекрутской кампании^[786], ^[787].

Одновременно росло недовольство в среде политической элиты, которая считала, что либеральное правительство слишком часто идет на уступки рабочим, не может ограничить рост их заработной платы, не в состоянии довести войну до победного конца, что ему не хватает решительности и решимости^[788]. На эти факторы накладывались объективные проблемы, связанные с ведением войны на континенте. В обществе росло недовольство отсутствием сколько-нибудь значимых побед при колоссальных жертвах, которыми обернулись первые месяцы боевых действий во Франции. В среде политической и военной элиты начались активные интриги, имевшие целью изменение состава кабинета министров. В печати распространились слухи о претензиях Д. Ллойд Джорджа на кресло премьер-министра, которые он, впрочем, активно опровергал^[789].

Этими настроениями не преминула воспользоваться консервативная оппозиция, начавшая газетную кампанию по дискредитации либерального Кабинета, которая достигла своеобразного пика весной 1915 года. Главными мишенями для критики стали морской министр У. Черчилль, ответственный за неудачную Дарданелльскую операцию^[790], и лорд-канцлер Р. Б. Холден, которому ставили в вину обретенную накануне войны фразу, что

«Германия была его духовной родиной»^[791]. Консервативные издания, прежде всего, принадлежавшие газетному барону А. Нортклифу, особенно усердствовали в этой критике, именно они выступили с сенсационными сообщениями о «снарядном голоде», который испытывала английская армия, и который якобы был главной причиной ее военных неудач^[792].

В этой обстановке премьер-министр Г. Асквит решил пойти на формирование коалиционного Кабинета, включение в него представителей консервативной партии. Формальным поводом для подобного шага стала отставка первого морского лорда Дж. А. Фишера, который выразил тем самым свое несогласие с вмешательством У. Черчилля в вопросы военно-морского планирования. Это отставка, на наш взгляд, была лишь предлогом: сохрани либеральное правительство тот кредит доверия, который оно получило в начале войны, конфликт внутри Адмиралтейства не имел бы столь далеко идущих последствий^[793]. Факт остается фактом, к маю 1915 года недовольство в стране и, прежде всего, в политической элите либеральным Кабинетом стало очевидным, и требовались решительные меры для восстановления пошатнувшегося авторитета правительства^[794]. 26 мая 1915 года был сформирован коалиционный Кабинет, куда наравне с 12 либеральными министрами вошли 8 консерваторов. Это стало крупной победой английских консерваторов, но в то же время новый Кабинет устраивал и либералов, поскольку они не только сохранили за собой большинство, но и получили возможность нейтрализовать критику со стороны консервативной прессы, разделив с тори ответственность за ведение боевых действий^[795]. Создание нового правительства было высоко оценено лидерами союзных держав, поскольку воспринималось как демонстрация решимости Англии продолжать военные действия до победного конца^[796].

Так, сравнительно безболезненно был преодолен в Англии правительственный кризис, порожденный военными неудачами Антанты в начале Первой мировой войны и неожиданно тяжелыми экономическими и социальными последствиями новой, индустриальной по своему характеру, войны. Английская элита показала себя готовой приспособиться к вызовам военного времени и поддерживать свою легитимность, опираясь на сравнительно широкую политическую базу.

Таким образом, к весне 1915 года во всех трех странах Антанты получили широкое развитие тенденции к эрозии консенсуса по вопросу о войне в среде политических элит и интеллигенции, равно как и основывавшихся на нем патриотического подъема и политики «священного единения». Отличительной чертой рассматриваемого периода можно признать то, что антиправительственные и антивоенные настроения к весне 1915 года перестают быть уделом одного лишь оценочного уровня реакции современников, а начинают всё больше воплощаться в конкретных функциональных формах, таких как публичная критика правящих кабинетов, организация антивоенных обществ и конференций, активизация внутриполитической и партийной борьбы.

Первая мировая война поставила перед всеми воюющими державами, в сущности, одинаковые проблемы, сводившиеся к необходимости организовать переход от мирной жизни к военной, мобилизовать ресурсы наций для успешного ведения боевых действий. Общими для всех стран Антанты были и тенденции в развитии отношения политических элит к войне по мере ее затягивания, роста финансового бремени и человеческих потерь убитыми и ранеными. На наш взгляд, патриотический подъем, охвативший правящие классы в начале войны, был вполне искренним и неподдельным. Когда парламенты единогласно вотировали военные кредиты, торжественно клялись забыть все прошлые межпартийные разногласия и объединиться во имя достижения скорейшей победы, депутатами двигал тот же самый всплеск национальных чувств, что охватил практически все классы и сословия в воюющих державах.

В то же время очень скоро дали о себе знать специфические черты мировоззрения представителей правящих классов, проявившиеся в том, что эмоциональный порыв первых дней войны не мог в действительности отменить внутривластную борьбу между партиями и их лидерами. Она приняла лишь иные, менее очевидные формы, но отнюдь не потеряла своей остроты. Даже в самые напряженные периоды военных действий государственные деятели стран Антанты ни на секунду не забывали о своих политических и партийных интересах и не упускали возможности укрепить позиции за счет конкурентов. Эта ситуация обострялась по мере нарастания в обществе недовольства ходом войны и действиями правительства. Все страны Антанты столкнулись с подобной проблемой, поскольку объективно ни одна из них не была готова к затяжной войне такого масштаба, что неизбежно влекло за собой обвинения правительств в неспособности успешно справляться с вызовами военного времени. Однако, если проблемы, стоявшие перед правящими элитами всех стран в тот период, были, в сущности, схожими, то способы и эффективность их решения разительно отличались.

Так, в Российской империи буквально с первых дней войны обнаружилась фатальная ограниченность «священного единения», когда речь шла о политических элитах страны. Старые способы легитимации власти, основанные на традиционных ценностях династической лояльности, отражали к началу Первой мировой войны мировоззренческие установки лишь незначительной, хотя и влиятельной, части населения империи, представленной правоконсервативными и консервативно-либеральными группами политической и интеллектуальной элиты^[797].

В то же время существовали многочисленные либеральные, демократические и левые течения, ориентированные на западные государственно-политические модели, на идеи народного суверенитета, представительства, остро чувствовавшие идеологическую чуждость правящего режима^[798]. В начале войны они были охвачены подъемом патриотических чувств, верой в справедливость дела своей страны, это сближало их с интеллигентами в западных странах. Но, как показали дальнейшие события, российская интеллигенция в массе своей ждала от войны радикального обновления империи, она шла воевать не столько во имя защиты существовавшего строя, сколько во имя надежды на его послевоенное изменение. Для ее представителей была типична гражданская трактовка национализма, характерная для западных обществ рассматриваемого периода. Реакционные тенденции, проявившиеся, прежде всего, во внутренней политике царского правительства, отсутствие подлинного политического примирения перед лицом внешней угрозы и нежелание правящих кругов идти на диалог с обществом, колоссальные потери на фронтах и дезорганизация тыла уже весной 1915 года привели к постепенному угасанию патриотического подъема в среде российской интеллигенции. Всё более заметным становилось отсутствие общей, цементирующей российское общество или хотя бы его правящие слои, идеологии – надклассовой, надпартийной идентичности.

Это обстоятельство усугублялось тем, что в тот момент вся реальная власть и механизм принятия решений находился в руках узкой группы государственных деятелей, чиновников, придворных и военных, которые в целом придерживались традиционной, династической лояльности. Фактически ответственные только перед царем, никак не зависевшие от мнения представительных органов, они обладали всей полнотой власти, но они же в глазах общественного мнения страны несли всю вину за военные неудачи и хаос в экономике. Им оказались противопоставлены депутаты представительных органов, либералы, националисты. Будучи лишенными возможности непосредственно влиять на внутри- и внешнеполитический курс правительства, они обратились к благотворительной деятельности, организации вспомоществования раненым и семьям мобилизованных. Однако вскоре эта деятельность стала приобретать политический и отчетливо антиправительственный оттенок.

В Российской империи во время Первой мировой войны «оппозиция Его величества» очень скоро превратилась в «оппозицию Его величеству». Не имея общей с правящими кругами идеологической, мировоззренческой базы, ее представители, прежде всего либералы, весной 1915 года фактически предали забвению лозунг «священного единения» и развернули активную внутривластную борьбу, объективно подрывавшую стабильность государственного строя империи в условиях военных действий. Изоляция и отчуждение правящих групп от остальной политической элиты и общества в целом начинали приобретать к середине 1915 года опасные формы.

Иначе обстояло дело в Англии и Франции. Там тоже были сильно урезаны (если не официально, то фактически) полномочия представительных органов, а исполнительная власть, наоборот, значительно усилилась. Там тоже лозунги «священного единения» и «партийного перемирия», провозглашенные в августе 1914 года, соблюдались лишь формально. На практике и в Англии, и во Франции межпартийная борьба не стихала ни на минуту, даже в периоды самых тяжелых военных испытаний. Однако существовало принципиальное отличие этих стран от Российской империи. Патриотический подъем первых дней и недель войны показал фундаментальное идеологическое, культурное единство, отличавшее всех представителей правящих классов в Англии и Франции, вне зависимости от их политических воззрений. И правящая элита, и оппозиция действовали там в рамках одного мировоззренческого пространства^[799], воспринимали друг друга не как идеологических врагов, а как конкурентов, что открывало перспективы для диалога.

Первая мировая война показала, что для поколения европейцев 1914 года самоидентификация в качестве «француза», «англичанина», «немца» была гораздо важнее, чем принадлежность к той или иной партии, классу или течению^[800]. Патриотизм и национализм оказались для большинства представителей европейских политических и интеллектуальных элит (в том числе левых) не абстрактными понятиями, а абсолютными ценностями, нравственными императивами, побуждавшими их записываться добровольцами в действующую армию, рисковать собственными жизнями. Оппозиция правящим кабинетам не видела в них в тот период своего принципиального идеологического врага, не ставила под сомнение законность и необходимость защиты нации от внешней агрессии, провозглашенной в начале войны. Равно и правящие круги Англии и Франции проявили гибкость и готовность к диалогу, пойдя на расширение состава правительств за счет представителей оппозиции. Так была нейтрализована угроза со стороны оппозиции, и она стала нести свою долю политических потерь и ответственности за положение дел на фронтах и в тылу. В итоге, весной 1915 года в среде политических элит и интеллигенции Англии и Франции тенденции к эрозии «священного единения» получили меньшее распространение, чем в Российской империи, и были сравнительно безболезненно преодолены.

Изучение эволюции настроений политических и интеллектуальных элит в странах Антанты в период с августа 1914 года по конец весны 1915 года от патриотического подъема и установления «священного единения» к постепенной эрозии консенсуса по вопросу о войне позволяет не только проанализировать особенности коллективных ценностей и идентичностей, присущих представителям этой социально-функциональной группы в каждой из рассматриваемых стран, но и приблизиться к пониманию механизма складывания и поддержания общественного консенсуса и основанного на нем патриотического подъема. В случае политических элит и интеллигенции стран Антанты прочность консенсуса по вопросу о войне определялась, в первую очередь, сочетанием взаимообусловленных объективных и субъективных долговременных факторов. К первым следует отнести особенности политической структуры каждой из рассматриваемых стран, которая сложилась там задолго до начала Первой мировой войны и задавала границы публичной сферы и, следовательно, возможности для диалога между различными группами правящих элит. Ко вторым относятся процессы развития их коллективных идентичностей и ценностей, которые

предопределяли характер этого диалога и, во многом, его результаты (конфронтация или компромисс).

Глава IV

Особенности патриотического подъема в среде городских и сельских обывателей в странах Антанты в 1914–1915 годах

§ 1. Мобилизация и массовое добровольческое движение (август – сентябрь 1914 года)

В данной главе мы сосредоточим свое внимание на изучении реакции на начало войны представителей второй выделенной нами крупной социально-функциональной группы – городских и сельских обывателей. Их обособление в отдельную социально-функциональную группу, помимо отмеченных ранее обстоятельств, представляется целесообразным еще и постольку, поскольку их реакция на начало Первой мировой войны отличалась ярко выраженной спецификой. Исторически сложившиеся традиции выражения своего отношения к тем или иным событиям и явлениям общественной и политической жизни посредством массовых выступлений (манифестаций, митингов, парадов, забастовок, восстаний), а также отсутствие возможностей для резонерствования со страниц печатных изданий обусловили теснейшую взаимосвязь оценочного и функционального уровней реакции городских и сельских обывателей. Как следствие, их восприятие и оценка Первой мировой войны не были столь же четко сформулированы и заявлены, как это было в случае с политическими элитами или интеллигенцией, и проанализировать их представляется возможным лишь через изучение различных функциональных проявлений их реакции на начало боевых действий.

Наибольшей остротой переживаний во всех трех рассматриваемых странах отличались первые недели войны, повсеместно ознаменованные, как мы показали на примере политических элит и интеллигенции, взрывом патриотического энтузиазма, подъемом национальных чувств. Подобными настроениями были охвачены отнюдь

не только высшие сословия и правящие классы стран Антанты, но и широкие народные массы, городские и сельские обыватели. Впрочем, в каждой из стран Антанты это «настроение 1914 года»^[801] имело свои уникальные особенности.

Особым своеобразием отличалась ситуация в Российской империи. Здесь общественный консенсус по вопросу о войне был достигнут лишь после ее начала, когда страна подверглась внешней агрессии со стороны Германии. Это обстоятельство сыграло чрезвычайно важную роль в принятии войны многими вчерашними противниками царского правительства, в частности – рабочими^[802]. Совершенно справедливо оценивал народные настроения генерал Н.Н. Головин: «Первым стимулом в данном случае было сознание того, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе инстинкт самосохранения»^[803]. Только столкнувшись лицом к лицу с прямой и непосредственной агрессией, российское общество пережило подъем патриотических чувств, которые можно в целом охарактеризовать как «оборонительный патриотизм»^[804]. Самым очевидным свидетельством кардинального перелома в их настроениях стал резкий спад забастовочного протестного движения. Если в июле 1914 года массовые рабочие выступления имели место в Петербурге, Москве, Коломне, Харькове, Киеве, Баку, то в августе забастовки почти прекратились^[805]. С. В. Тютюкин приводит следующие цифры: «В августе 1914 г. численность стачечников, по официальным данным фабричной и горной инспекции, составляла всего около 25 тыс. человек, т. е. в 40 раз

меньше, чем в июле. При этом более 90 % из них бастовали по чисто экономическим мотивам»^[806]. Аналогичным образом характеризует ситуацию с рабочим движением О. С. Поршнева: «С августа по декабрь 1914 г., по данным Особого совещания по обороне государства, на предприятиях, работавших на оборону, было 68 стачек с 34,8 тыс. участников, в то время как в 1913 – первой половине 1914 г. число забастовщиков в фабрично-заводской промышленности России составило около 2 млн чел.»^[807].

Резкое сокращение стачечного движения явилось непосредственным отражением стихийного патриотического подъема, охватившего рабочих в крупных городах империи. Ему способствовало несколько обстоятельств: во-первых, отмеченное выше осознание рабочими справедливости и оправданности участия России в новой войне^[808]; во-вторых, тесно связанная с этим мотивом идея, что стачки, пусть даже по чисто экономическим причинам, могут сыграть на руку врагу. Генерал Н.Н. Головин вспоминал, что «стоило только правительству сказать, что в этих беспорядках (стачках. – Н.Ю.) заинтересованы немцы, как они сейчас же прекратились. Русский рабочий шел на призыв с таким же сознанием своего долга, как и русский крестьянин»^[809]. По этой причине в рабочей среде в первые месяцы войны не находили отклика призывы социалистов к организации антивоенных выступлений: «...поступившие известия о поддержке руководством германской социал-демократии “своего” правительства в войне смутили большинство рабочих. Восторжествовало мнение “не быть для России хуже, чем немцы для Германии”»^[810].

Можно говорить и о существовании еще одного мотива, побуждавшего рабочих воспринимать новую войну если не с энтузиазмом, то, как минимум, без сопротивления: речь идет о надеждах на улучшение условий жизни после победоносной войны. Следует помнить, что положение рабочих в европейских странах накануне войны было весьма далеким от благополучия. В англоязычной литературе достаточно подробно описаны настроения поколения 1914 года, многие представители которого видели в новой войне средство избавления от тягот и рутины повседневного существования, наполненного монотонным и изматывающим трудом^[811]. Подобные настроения читаются и в воспоминаниях И.Т. Черкасова, который в 1914 году работал на каменоломнях: «Но где-то в глубине души теплился огонек радости. Поганая каторжная жизнь сломалась. Войну мы, конечно, выиграем, а победа даст нам землю и вольную жизнь»^[812]. Конечно, сейчас невозможно установить, насколько распространенными в рабочей среде были эти надежды. Можно предположить, что их в большей степени склонны были разделять молодые, не обремененные семьей люди. Но, тем не менее, данный мотив заслуживает, на наш взгляд, упоминания.

Надо отметить, что спад стачечного движения оказался большой неожиданностью для правящих кругов империи, которые готовились расправиться с рабочими в случае продолжения антиправительственных акций с их стороны. Так, в середине августа 1914 года главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский приказывал «принять за правило, чтобы зарождающиеся беспорядки и забастовки подавлялись силою с такой быстротой, решительностью и беспощадной суровостью, которая исключала бы всякую возможность их продолжения»^[813].

Одним лишь прекращением забастовочного движения реакция рабочих на начало войны не ограничилась. Приветственные манифестации с их участием состоялись у стен посольства Франции^[814] и Англии^[815] после вступления этих стран в войну с Германией. Одновременно толпа ворвалась и разгромила здание немецкого посольства^[816]. Наравне с другими городскими обывателями они приняли активное участие в сопровождавшихся пением национального гимна патриотических шествиях, молебнах и демонстрациях, которыми ознаменовалось объявление войны в Российской империи^[817].

Остается спорным вопрос о распространенности и природе подобных проявлений патриотических чувств. В источниках и историографии отсутствуют сколько-нибудь

определенные данные на этот счет. Можно лишь согласиться с утверждением С. В. Тютюкина, что они значительно уступали по размаху патриотическим манифестациям в западноевропейских странах^[818]. В то же время, на наш взгляд, не обосновано утверждение, будто бы они были искусственно организованы полицией^[819] – возможно, отдельные демонстрации и впрямь были таковыми, но это обстоятельство не отменяет факта существования широкого патриотического подъема, охватившего городское население Российской империи в августе 1914 года и отмеченного не только в столице, но и, как свидетельствуют донесения французских дипломатических представителей, в других крупных промышленных центрах страны, ранее являвшихся очагами забастовочного движения^[820].

В этой связи уместно привести цитату из воспоминаний председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, присутствовавшего при появлении царя перед восторженной толпой на Дворцовой площади в день объявления войны 2 августа 1914 года: «Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали... Рабочие ответили: “То было наше семейное дело... Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю как к нашему знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами”»^[821]. Как следует из приведенной цитаты, теми рабочими, кто активно поддержал вступление России в войну, двигали, по преимуществу, патриархальные, традиционные представления о царе как о верховном правителе, символе России. О том, насколько распространенными были подобные идеи, позволяет судить изучение реакции городских и сельских обывателей на начало мобилизации.

Мобилизация в 1914 году, по свидетельствам современников, составила разительный контраст с мобилизациями во время Русско-японской войны 1904–1905 годов и оказалась приятным сюрпризом для правящих классов империи, которые с большой тревогой ждали реакции на войну со стороны «русского сфинкса» – деревенского населения России^[822]. Генерал Н. Н. Головин в своих воспоминаниях писал: «Те, кто были свидетелями мобилизации во время Русско-японской войны, невольно поражались несоизмеримым различием в настроении во всех слоях русского народа... Нужно было пережить этот период, чтобы почувствовать, что подымался народ на защиту своих прав»^[823]. Схожие оценки встречаются и в письмах современников: «Мобилизация прошла блестяще и скоро, наверное, будет наше активное наступление с “железом” в руках. Эта война, при сравнении с японской, действительно народная»^[824]. Вновь сошлемся на воспоминания Н. Н. Головина: «Многие из запасных в глухой провинции являлись перед комиссиями по воинскому присутствию и просили не свидетельствовать их физическую годность, заявляя, что они совершенно здоровы; они хотели облегчить работу комиссий и помочь спешному ходу мобилизации»^[825]. Действительно, 96 % подлежащих призыву явились в нужные сроки на призывные пункты^[826], многие приходили добровольцами, не дожидаясь повестки или пренебрегая законной отсрочкой^[827], но от них зачастую попросту отмахивались^[828], так как было сложно найти им место в сформировавшихся полках.

Если успех мобилизации в 1914 году можно считать установленным фактом, то вопрос о настроениях населения в этот момент, о мотивации городских и сельских обывателей, покорно отправлявшихся на призывные пункты, остается открытым. В источниках содержатся самые различные, подчас взаимоисключающие описания и оценки реакции широких народных слоев на начало новой войны.

Так, существуют многочисленные описания народного воодушевления, патриотического подъема, основанного на пробуждении национального самосознания и религиозного чувства среди широких слоев городского и сельского населения Российской империи^[829]. Приведем лишь несколько цитат. Выписка из письма с неразборчивой подписью, село Васильевское, Московской губернии, от 28 августа (10 сентября) 1914 года: «Каждый мужик, каждая баба и ребенок знают, зачем мы воюем. И каждый солдат охотно и радостно идет на войну, так как

каждый из них понимает и сочувствует причине, идее войны – сражаться за своих же братьев славян против общего врага немца. Настроение великолепное, спокойное, серьезное. Полная готовность на всякие жертвы, лишь бы результат был хороший»^[830]. А вот выписка из письма члена Государственного совета Б. В. Штюрмера от 24 августа (6 сентября) 1914 года, перлюстрированного Особым отделом Департамента полиции: «У нас настроение прекрасное, был в деревне, в Бежецком уезде (Тверская губерния. – Н.Ю.), война популярна, едва ли не священна»^[831]. Основываясь на подобных свидетельствах, можно нарисовать весьма радужную, но далекую от действительности картину народного единения и воодушевления в связи с началом войны. Авторы описанных выше бодрых репортажей, на наш взгляд, склонны были выдавать желаемое за действительное, осознанно или нет приукрашивать описания народной реакции на мобилизацию, преувеличивать сознательность и гражданскую ответственность «низов».

Впрочем, существовала и другая крайность. Многие современники, прежде всего в той или иной мере разделявшие левые, социалистические взгляды, совсем иначе описывали настроения городских и сельских жителей в августе 1914 года. Они подчеркивали отчаяние, ужас и растерянность людей, застигнутых врасплох приказом о мобилизации. Вот как характеризовал в своих воспоминаниях атмосферу тех дней в провинции В. Арамилев: «На загорелых, угловатых, щетинистых, иконописных лицах какая-то тупая покорность и плохо скрытая злоба. Мужики помешали жить, растревожили его, как медведя в берлоге. Он сердится, но пока еще сам не знает на кого: на немцев, на царя, на Бога, на отечество»^[832]. Подобные описания встречались и в письмах, задержанных Особым отделом Департамента полиции, как, например, в этом, из Москвы, от 22 июля (4 августа) 1914 года: «В городе тоска – стыдно смотреть, кругом горе, всюду идут, идут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты?.. Сегодня получила письмо из деревни, пишут: кругом один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются»^[833]. Цели войны, на которую гнали народ, были известны массам лишь в самых общих чертах: «Вокруг – сплошной вопль. Забирали детей, мужей, братьев, отцов. Брали на войну с немцем. Немец, говорят, что-то задумал против нашего царя, и поэтому решено проучить его как следует»^[834].

Тем не менее, даже в источниках, вышедших из-под пера противников царского режима, не содержится упоминаний об антиправительственных или ярко выраженных антивоенных выступлениях во время мобилизации. Практически все зафиксированные столкновения между полицейскими и призывниками имели под собой бытовые причины: попытки мобилизованных разгромить казенные винные лавки, хулиганство, грубость и нераспорядительность местных властей^[835]. Всего подобные столкновения были зафиксированы в 49 губерниях, в ходе них пострадали 51 государственный служащий и 136 бунтовщиков, убиты 9 служащих и 216 бунтовщиков^[836].

Приведенные нами выше цитаты составляют две крайности в оценке реакции городских и сельских обывателей в Российской империи на начало Первой мировой войны. Они скорее отражают предвоенные политические взгляды своих авторов, через призму которых те пытались оценить реалии новой войны. Однако они, несмотря на свою предвзятость, не являются абсолютно оторванными от реальности или непригодными для привлечения в научной работе. Во-первых, при осторожном и критичном анализе они открывают перспективу для восстановления полной картины восприятия широкими народными массами событий августа 1914 года, отличавшейся большой противоречивостью. Во-вторых, ангажированность не означает непременно ложность. Скорее, речь идет об ограниченной репрезентативности столь категоричных оценок и суждений.

Более репрезентативными представляются свидетельства, может быть, не столь яркие и эмоциональные, но содержащие сравнительно взвешенную оценку народных настроений рассматриваемого периода. Многие современники отмечали, что в реакции городских и сельских обывателей на начало войны доминирующими чувствами были спокойствие,

сдержанность, отсутствие шовинизма^[837]. Вот как описывается атмосфера тех дней в анонимном письме из Ярославля от 1 (14) августа 1914 года: «Я большой скептик, но должен сознаться, что русский народ красиво и стойко встретил испытание, – нет ни крикливости, ни уныния, – все чувствуют, что дело серьезное и что идти нужно. Это не газетное вранье, а факт. Я присутствовал в деревне во время мобилизации и могу подтвердить это»^[838].

В то же время сама война оставалась в общем малопонятной, ее причины и цели были чужды широкому слою городских и сельских обывателей Российской империи^[839]. Основой патриотизма народных «низов» были идеи оборонительного, справедливого характера войны и традиционная верность царю^[840]. Последнее замечание особенно применимо в отношении крестьян, сохранивших в целом средневековое по своей сути мировоззрение^[841]. Вот как объяснялась война на крестьянских сходах по случаю мобилизации: «Нашелся враг, который вновь нападает на нашу матушку Россию, и нашему батюшке царю нужна наша помощь, врагом нашим является пока Германия»^[842]. Не менее важной чертой крестьянского менталитета, ярко проявившейся в рассматриваемый период, была его религиозность. «Грянувшую, как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне воспринимали как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание»^[843]. Это побуждало крестьян к смиренному подчинению грозным обстоятельствам, мобилизации, отрыву от сельскохозяйственных работ. Их патриотизм, как справедливо отмечает О. С. Поршнева, имел «незрелый, стихийный, “инстинктивный” характер»^[844]. Об этом же писал в своих воспоминаниях генерал А. И. Деникин: «Народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов»^[845].

Большой «зрелостью» отличался патриотический подъем в среде городских обывателей. Конечно, многие из них, например, рабочие, имевшие крестьянские корни, сохраняли черты крестьянского мировоззрения^[846], но в то же время они были лучше информированы, в большей степени вовлечены в социальную и политическую жизнь страны, представляли иную, отличающуюся динамизмом и противоречивостью, городскую культуру. Как и для крестьян, для городских обывателей в Российской империи принятие войны основывалось в первую очередь на понимании ее как оборонительной и справедливой. Одновременно они лучше представляли себе, против кого и почему ведется война. В качестве примера приведем выписку из письма из Петербурга, от 7 (20) августа 1914 года: «У большинства запасных из рабочих я замечал приблизительно такое настроение: чванного шовинизма и безразборчивой ярости против всех немцев я у них не видел, но ненависть к германскому правительству и командующим классам Германии сильна»^[847].

На наш взгляд, реакция городских и сельских обывателей в Российской империи на начало Первой мировой войны характеризовалась широким подъемом патриотических чувств. Противоречивость свидетельств и оценок в источниках на этот счет не должна вводить нас в заблуждение. Отражая реальную неоднозначность восприятия современниками начала боевых действий, она в то же время являлась проекцией предвоенных, априорных симпатий и антипатий авторов воспоминаний и писем. Однако наравне с субъективными мнениями в этих источниках содержится информация об объективных функциональных проявлениях народного патриотизма: отсутствии антивоенных выступлений, прекращении забастовок, порядке при мобилизации, патриотических манифестациях. Всё это составляло разительный контраст с предвоенной ситуацией и являлось непосредственным выражением настроений широких слоев населения.

Схожие картины настроений городских и сельских обывателей фиксируются и в Англии и Франции, где национальный консенсус по вопросу о войне сложился еще накануне начала боевых действий. Август – сентябрь 1914 года ознаменовались в этих странах масштабными функциональными проявлениями патриотического подъема, охватившего широкие слои населения. Наибольшей яркостью, вполне предсказуемо, отличалась реакция на войну

городских, прежде всего, столичных жителей. Именно им были свойственны такие формы выражения чувств, как патриотические манифестации, шествия, пение гимна, которые, как справедливо отмечают некоторые современные исследователи, являлись отголоском карнавальных традиций^[848].

Так, в Париже первые дни августа 1914 года были отмечены многочисленными и разнообразными проявлениями патриотических чувств со стороны городских обывателей. Манифестациями, проходившими под лозунгами «Да здравствует Франция!», «Да здравствует армия!», были встречены приказ о мобилизации, известие о вступлении в войну на стороне Антанты Англии, проводы полков^[849]. Конечно, следует избегать излишних обобщений. Нельзя утверждать, что всё столичное население встретило войну с ярко выраженным воодушевлением. Можно согласиться с теми современными исследователями, которые пишут, что подобные проявления эмоций были характерны только для определенных ситуаций, прежде всего, проводов солдат на фронт^[850]. Многие источники вообще не содержат упоминаний о патриотических манифестациях или энтузиазме в Париже. Мы уже ссылались на воспоминания историка М. Блока, писавшего о тех днях, что атмосфера во французской столице отличалась спокойствием, даже торжественностью^[851]. О поразительном спокойствии парижан писал и английский посол Ф. Берти^[852].

На наш взгляд, патриотические манифестации действительно имели массовый характер, хотя и являлись выражением эмоций далеко не всех городских обывателей, а лишь некоторой их части, прежде всего – молодежи. Многие современники с ужасом думали о предстоящих испытаниях и не были склонны приветствовать начало военных действий. В то же время, признание ограниченной репрезентативности свидетельств об энтузиазме, охватившем парижан в начале войны, никак не может быть доказательством ее непопулярности или отсутствия национального подъема у современников. Важно помнить, что манифестации, демонстрации, погромы являются не более чем одним из проявлений функционального уровня реакции, характерным для определенных социальных и возрастных групп населения. Его можно обобщенно охарактеризовать как «военный энтузиазм» («шовинистический угар», говоря языком советской историографии^[853]), который был значительным, но отнюдь не единственным элементом «настроения 1914 года». Гораздо более важным и показательным с точки зрения характеристики настроений городских обывателей представляется иное проявление функционального уровня реакции современников – чрезвычайно успешная мобилизация армии в августе 1914 года. Говоря об успехе мобилизации во Франции, можно привести следующие данные: по прогнозам МВД и Военного министерства число уклонистов должно было достигать 10 % от общего числа призывников, однако в реальности оно не превысило и 1 %^[854].

Именно успех мобилизации является, на наш взгляд, главным показателем существования во французском обществе подлинного патриотического подъема в начале войны, основанного на широком национальном консенсусе. О его общенациональном масштабе свидетельствуют донесения префектов из различных департаментов республики, освещающие ход мобилизации в подотчетных им местностях. В большинстве донесений настроение населения характеризуется как спокойствие, решимость, дисциплинированность, хладнокровие, солидарность и воодушевление^[855]. Подобная сознательность и ответственность населения удивляла самих чиновников^[856].

Особенно ярко патриотический подъем проявлялся в начале войны во время проводов полков. В эти моменты спокойствие и хладнокровие, тревога и беспокойство за судьбы близких уступали место эмоциональным проявлениям энтузиазма: уходящих солдат приветствовали восторженные толпы горожан, их забрасывали цветами, им аплодировали^[857]. Вот как префект департамента Тарн описывал отправку на фронт 15-го пехотного полка: на вокзале Альби собралась большая толпа горожан, к которым обратился генерал Сибий, сопровождавший полк. Он указал на свою медаль за кампанию 1870 года и

сказал: «Перевернем печальную страницу нашей истории, мы напишем другую!». Его слова были встречены овациями^[858].

О напряженности переживаний в тот момент говорит следующий рапорт от 6 августа 1914 года: «Мобилизационные мероприятия и организация снабжения проходят в порядке и методично. Население Оба (Aube. – Н. Ю.), как и войска, проходящие через этот департамент, охвачены величественным подъемом, который постоянно прорывается наружу. Вчера жена видного промышленника из Д'Арси публично заявила: “У меня есть только два сына, оба сейчас служат солдатами. Даже если мне придется оплакивать это до конца моей жизни, я пожертвую одним из них, чтобы мы победили”»^[859].

Следует отметить, что свидетельства о подобных проявлениях чувств относятся, прежде всего, к описаниям реакции на начало войны городских обывателей. С одной стороны, это объясняется отмеченными нами выше специфическими чертами городской культуры и присущими ей способами выражения населением своего отношения к тем или иным событиям и явлениям. С другой стороны, города являлись зачастую важными транспортными узлами, именно через них проходил основной поток мобилизованных^[860]. Всё это располагало к публичным проявлениям патриотизма, военного энтузиазма со стороны солдат и гражданского населения. Однако ошибочно было бы утверждать, что отношение к войне сельских обывателей во Франции кардинальным образом отличалось от настроений горожан. В тех же донесениях префектов часто подчеркивалось, что они содержат характеристику настроений во всём департаменте, включая сельскую округу^[861]. На наш взгляд, отсутствие данных о массовых манифестациях патриотических чувств в деревне не влечет за собой неизбежно вывода о том, что там война была менее популярна, чем в городах. Сельские обыватели в силу специфических культуры и мировоззрения в меньшей степени были расположены к таким формам выражения своих настроений, как манифестации или митинги. Однако они с не меньшей готовностью откликнулись на приказ о мобилизации, несмотря на то, что он застиг их в разгар сельскохозяйственных работ.

Планомерная, быстрая и не сопровождавшаяся никакими инцидентами мобилизация войск была в то же время не единственной демонстрацией национального консенсуса и подъема, воцарившихся во Франции в начале 1914 года. Не менее важным с этой точки зрения стали чувства единения и примирения, охватившие едва ли не все слои и классы Третьей республики. В случае политических элит и интеллигенции эти тенденции воплотились в лозунге «священного единения», не были чужды их и широкие слои городских и сельских обывателей.

Вновь сошлемся на М. Блока: «На улицах, в магазинах и трамваях незнакомцы свободно разговаривали друг с другом; всеобщий подъем, хотя и выражавшийся зачастую в наивных и неуклюжих словах и жестах, был, тем не менее, трогательным. Мужчины по большей части не были веселы – они были решительны, а это намного лучше»^[862]. Об этом чувстве всеобщего единения перед лицом внешней угрозы, охватившем парижан в августе 1914 года, писал и английский журналист Ф. Гиббс: «Эмоции сдавливали сердце. В эти дни Франция казалась мне священной в своей отваге, самопожертвовании, страдании. Анархисты, революционеры, отбросы преступного мира, нищие проститутки очистились на время от всех своих грехов любовью, страстью к Франции. Они сами по себе ничего не значили. Их жизни не имели значения, только бы Франция продолжала жить»^[863].

Схожие картины примирения наблюдались и в провинции. Вот как описывал атмосферу тех дней в Нарбонне современник: «Больше нет политических противников, оскорблений, обид, ненависти – всё забыто. Первым делом война совершила чудо, приведя к миру, согласию, примирению людей, ранее друг друга ненавидевших»^[864]. Историк Дж. Джолл пишет в этой связи: «Несомненно, что на короткий период в августе 1914 г., о котором многие будут потом вспоминать как о величайшем моменте в их жизнях, война заставила людей забыть о своих разногласиях и создала чувство национального единства в каждой стране. Так, во

французских деревнях юре и школьный учитель впервые за многие годы заговорили друг с другом»^[865].

О распространенности подобных настроений говорят даже не эти, в сущности, субъективные оценки и свидетельства, а многочисленные примеры, относящиеся к функциональному уровню реакции современников; не слова, а поступки. Городские и сельские обыватели во Франции в первые месяцы войны активно и с воодушевлением включились в различные благотворительные начинания: организовывали сборы пожертвований в пользу раненых и семей солдат, принимали в своих коммунах беженцев из оккупированных департаментов и раненых^[866]. Показателен в этом отношении пример французских рабочих. Они не только поддержали свое правительство в новой войне, отказавшись от забастовок и наравне с прочими социальными группами откликнувшись на приказ о мобилизации^[867], но и помогли в проведении сельскохозяйственных работ, оказавшихся под угрозой в связи с нехваткой рабочих рук^[868].

Важно отметить, что французские рабочие зачастую демонстрировали гораздо большую гражданскую сознательность, чем прочие городские обыватели. Это особенно ярко проявилось во время всплеска антинемецких настроений, которым сопровождалось во Франции начало Первой мировой войны. Выступление Германии в качестве агрессора, без всякого формального повода начавшего боевые действия в отношении Франции, публикации в средствах массовой информации, объективно способствовавшие нагнетанию в обществе германофобской истерии, особенно после появления первых сообщений о жестоком обращении немецких солдат с мирными жителями в Бельгии, вели к росту в стране погромных настроений.

В Париже разграблению подверглись магазины, принадлежавшие немецким фирмам, беспорядки были зафиксированы в районах компактного проживания выходцев из Германии^[869]. Аналогичные происшествия наблюдались и в провинции^[870]. Пышным цветом расцвела шпиономания, жертвами которой становились подчас совершенно случайные люди, единственным преступлением которых могли быть светлые волосы или немецкая фамилия^[871]. В этой взрывоопасной атмосфере рабочие, не забывшие полностью довоенных ценностей интернационализма, призывали соотечественников к спокойствию. Вот как писал об этом в Россию 1 (14) августа 1914 года анонимный автор из Монпелье: «Грубые инстинкты населения дали себя знать в такой грубой форме, о которой и говорить больно. Всякого, кого только могли принять за немца, толпа готова была убить на месте, ибо в ее глазах всякий немец военный шпион... Наиболее трезвыми в эти трагические моменты оказались организованные рабочие, которые делали всё, чтобы локализовать дикие инстинкты толпы»^[872].

Совокупность приведенных фактов позволяет сделать определенные выводы о реакции городских и сельских обывателей во Франции на начало Первой мировой войны и особенностях их мировоззрения и мотивации. Этот вопрос представляется отнюдь не праздным, так как в современной западной историографии ясно прослеживается тенденция к «нормализации» и «банализации» социального и психологического опыта европейцев в начале войны. Английские и французские историки стремятся показать, что в реакции широких слоев городских и сельских обывателей в европейских державах на начало войны не было ничего необычного, экстраординарного. Успех мобилизации объясняется ими дисциплинированностью поколения, прошедшего социологизацию посредством системы обязательного начального образования и всеобщей воинской повинности^[873], чрезвычайно эффективной работой государственного аппарата^[874], тем, что она (мобилизация) была для современников «обычным» опытом, долгом^[875].

Говоря об эмоциональном уровне реакции, эти ученые особый упор делают на описании шока, подавленности, отчаяния, с которыми жители европейских держав встретили объявление войны, подчеркивается нерепрезентативность свидетельств о патриотических

манифестациях и других проявлениях военного энтузиазма^[876]. Данные исследования представляют собой важный этап в развитии историографии Первой мировой войны, поскольку позволяют отойти от традиционных утверждений о всеобщей шовинистической истерии в европейских державах в связи с началом войны. Но они чреватые впадением в другую крайность: искажением уникального психологического климата, ярко заявившего о себе в странах Антанты осенью 1914 года.

На наш взгляд, городские и сельские обыватели во Франции встретили Первую мировую войну не просто пассивным конформизмом, фаталистичным исполнением гражданского долга, но подлинным подъемом национальных чувств, сплочением перед лицом внешней опасности и сознательным, активным патриотизмом. Эти настроения проявились не только и не столько в различных формах «военного энтузиазма», сколько в установлении социального мира, аккуратном выполнении мобилизационных предписаний, стремлении оказать помощь фронту и нуждающимся. В этом отношении разница в реакции на начало войны городских и сельских обывателей сводилась скорее к внешним проявлениям настроений, обусловленным особенностями городской и сельской культуры, за которыми скрывалось подлинное мировоззренческое единство.

Вот как описывала в своих воспоминаниях настроения во Франции современница, Р.М. Заблудовская: «Социальные, политические, религиозные антагонизмы, вчера еще раздиравшие нацию на бесчисленные враждующие и соперничающие лагеря, сразу замолкли, уступив место одной заполнявшей всё заботе: защите родины. В это слово вкладывалось не только представление о родной территории, о родных полях и очагах, но весь сложный клубок традиций, идеалов, достижений, которые составляют *культуру* (так в тексте. – Н.Ю.) народа»^[877]. Основой этого национального консенсуса была идея принадлежности к некой исторической, надклассовой общности – нации. Необходимость ее защиты оказалась одинаково понятной и близкой как городским обывателям (в том числе рабочим), так и сельским жителям. В этом отношении Франция отнюдь не представляла собой исключения по сравнению с другими европейскими державами, подтверждением чему может послужить реакция на войну населения Англии.

Самым очевидным и главным проявлением в Великобритании в 1914–1915 годах всеобщего патриотического подъема, основанного на национальном консенсусе по вопросу о войне, стало массовое добровольческое движение. В отличие от континентальных держав, в Англии армия продолжала комплектоваться вплоть до января 1916 года на добровольных началах^[878]. «В течение августа и начале сентября 1914 г. на призывных пунктах в армию записалось около 500 тыс. человек, а к концу 1914 г. более 1 млн британцев стали добровольцами»^[879]. Как следствие, общая численность английских вооруженных сил увеличилась в 6 раз (с 258 тыс. в конце июля 1914 года до 1,5 млн на 1 января 1915 года)^[880]. Мы писали выше, что в процентном отношении наибольшее количество рекрутов приходилось на состоятельные, высшие слои британского общества, однако в абсолютных значениях основой английской армии в период Первой мировой войны были выходцы из рабочей среды. Советский историк М.М. Карлинер приводит следующие данные: «В течение первых двух месяцев войны 12,2 % рабочих машиностроительной промышленности ушли в армию, а к июлю 1915 г. это число возросло до 19,5 %. К марту 1915 г. в армию ушли 40 % всех горняков военного возраста»^[881]. В итоге, в 1914 году английская армия была единственной, состоявшей в подавляющем большинстве (90 %) из городских, а не из сельских жителей^[882].

При этом речь идет именно о добровольном, сознательном желании молодых англичан записываться в действующую армию. К этому шагу городских и сельских обывателей толкал в тот период целый комплекс объективных и субъективных мотивов. Это и подсознательное желание людей того времени найти в военной жизни спасение от серой монотонности рабочих будней, от гнета социальных противоречий и ограничений, от чувства острой отчужденности и изолированности^[883]. Это и давление окружения: важно помнить, что

добровольческое движение в Англии было не только индивидуальным, но также и коллективным социально-психологическим опытом. Рядовой Ф. Б. Воган вспоминал: «Мое решение записаться в армию было отнюдь не случайным. Мои приятели записывались, ребята, с которыми я играл на улице, пиная консервную банку или футбольный мяч, ребята, которых я отлично знал. А когда ты открывал газету, то читал, что прибывают канадцы, прибывают австралийцы... они садились на первое попавшееся судно, чтобы успеть в Англию, пока война не кончилась»^[884].

В этой связи отдельного упоминания заслуживает позиция английских женщин. Многие из них, охваченные «военным энтузиазмом», освоил и особую форму морального давления на потенциальных солдат, не спешивших по тем или иным причинам записываться добровольцами. Таким молодым людям при встрече на улице женщины вручали белые перья, традиционно считавшиеся в Англии символом трусости. Жертвами этой неоднозначной, хотя и эффективной, кампании зачастую становились подростки; люди, пытавшиеся записаться добровольцами, но получившие отказ; не годные к воинской службе; солдаты, вернувшиеся с фронта и решившие по такому случаю надеть штатское^[885]. Так произошло и с 16-летним Н. Демумом: «Я стоял и смотрел в витрину магазина, когда почувствовал, что кто-то вкладывает какой-то предмет мне в руку. Я увидел женщину, протягивающую мне белое перо. Я был так удивлен, что не знал, что с ним делать»^[886]. Свою роль сыграли провоенная пропаганда средств массовой информации и патриотические митинги, организовывавшиеся по всей стране общественными и политическими деятелями с целью набора рекрутов^[887].

И всё же, на наш взгляд, все описанные выше мотивы не привели бы к столь массовому добровольческому движению, не опирайся они на гораздо более глубокие психологические механизмы и мировоззренческие установки. Наравне с этими мотивами существовали факторы, которые, казалось, могли бы обесценить в глазах городских и сельских обывателей все призывы к самопожертвованию. Так, например, готовность представителей высших слоев английского общества принять участие в экспедиции во Францию во многом подкреплялась отсутствием необходимости заботиться о пропитании оставшихся дома членов семей: рабочие не располагали такой роскошью, от их зарплат зависело элементарное выживание их родных и близких^[888]. Поэтому вопрос о записи в армию для многих английских патриотов упирался в начале войны, до того как заработала государственная система денежных выплат семьям солдат, в объективные препятствия экономического характера.

Одна только патриотическая риторика сама по себе не могла бы погасить и волну забастовочного движения, набравшую силу летом 1914 года. Однако факт остается фактом: рабочие поддержали призыв лейбористов и руководства тред-юнионов к установлению мира в промышленности, число забастовщиков во второй половине 1914 года несопоставимо с довоенным временем. В июле 1914 года бастовало 98,1 тыс. человек, в августе – 4,8 тыс.^[889]

Патриотический подъем, воплотившийся в добровольческом движении и резком прекращении забастовок, стал реальностью в Англии в 1914 году потому, что опирался на национальный консенсус, охвативший в равной мере и политическую элиту страны, и интеллигенцию, и широкие слои городских и сельских обывателей. Английский журналист Ф. Гиббс в своих воспоминаниях так описывал атмосферу тех дней в Англии: «Старые классовые барьеры, глубоко укоренившиеся в английской жизни, были сметены одним легким и благородным жестом. Сыны старых знатных фамилий объединились с разносчиками, крестьянами, клерками, жителями трущоб и вместе с ними шли добровольцами на войну “во имя цивилизации”»^[890].

Пример реакции населения Англии представляется нам чрезвычайно показательным в этом отношении еще и потому, что здесь значение национализма, представлений о национальной идентичности, национальном характере, как определяющего фактора в формировании

феномена «настроения 1914 года» проявилось в наиболее полном, чистом виде. Если в случае с Российской империей и, тем более, с Францией патриотический подъем осенью 1914 года еще можно списать на реакцию людей, чья страна подверглась внешней агрессии, оборончество («оборонительный патриотизм», как это настроение характеризуют в западной историографии^[891]), то в случае Великобритании подобное объяснение малоприменимо: несмотря на страхи многих современников^[892], реально территория Британских островов находилась вне опасности полномасштабного вторжения неприятеля; не стала Англия и жертвой неспровоцированной агрессии, объявив Германии ультиматум, невыполнение которого и вовлекло страну в войну. И тем не менее в глазах большинства англичан новая война выглядела справедливой и необходимой. Справедливой потому, что, как показали события Июльского кризиса и перипетии складывания национального консенсуса в Англии, действия Германии, нарушившей нейтралитет Бельгии, бросали вызов всему комплексу ценностных установок, составлявших основу воспитания и мировоззрения англичан поколения 1914 года, не только высших классов, но и городских и сельских обывателей. Необходимой потому, что защита этих ценностей, защита «цивилизации», которую они составляли, казалась столь же важной, как и защита территории своей страны.

Конечно, данное объяснение патриотического подъема в среде широких слоев населения Англии является лишь гипотезой. Ее можно поставить под сомнение, указав, например, что подобная характеристика настроений городских и сельских обывателей присуща, прежде всего, «торийским» источникам, авторам консервативной ориентации^[893]. Можно также отметить, что в письмах современников мотивы, побудившие их к записи добровольцами, зачастую неартикулированы, описываются очень туманно, расплывчато^[894], что открывает широкое поле для интерпретаций. Можно, наконец, попытаться списать стремление молодых англичан попасть в действующую армию на их наивность, полную неосведомленность относительно реалий военных действий^[895].

Однако, на наш взгляд, эта гипотеза представляется перспективной, поскольку позволяет объяснить многообразные функциональные проявления подъема национальных чувств в Англии, которые являются установленным фактом (добровольческое движение, прекращение забастовок), с одной стороны, и дает ключ к пониманию уникального мировоззрения поколения 1914 года – с другой.

Можно заключить, что уже в первые недели войны в настроениях городских и сельских обывателей в странах Антанты проявились как общие, так и уникальные черты, отражавшие специфику внутривнутриполитических, социальных и культурных традиций и отношений в этих государствах. В целом, и в России, и в Англии, и во Франции этот период (август 1914 года) характеризовался широким патриотическим подъемом, установлением внутреннего консенсуса. Однако его основа и границы различались от страны к стране. Уникальный национальный характер патриотического подъема 1914 года ярче всего проявился в Англии, где во многом именно уязвленные национальные чувства и стали главным импульсом к складыванию консенсуса и активному и добровольному участию современников в военных действиях. Во Франции эти процессы облегчались широко распространенным убеждением в оборонительном и потому справедливом характере новой войны. Схожая ситуация была характерна и для Российской империи. В то же время, существовали и важные отличия: в России основой патриотического подъема, прежде всего, в среде сельских обывателей, продолжали оставаться традиционные представления о династической лояльности. Национализм в его европейском понимании оставался чуждым крестьянскому мировоззрению. Он в большей степени присутствовал в культуре городских обывателей, но и там соседствовал с традиционной верностью престолу.

Эти особенности патриотического подъема и общественного консенсуса в среде городских и сельских обывателей стран Антанты в полной мере раскрылись в последующие месяцы, когда вместо ожидаемых быстрых побед и мира «к рождеству» война обернулась колоссальными потерями и отсутствием каких бы то ни было значительных успехов армий

Антанты. Уже осенью 1914 года стали отмечаться первые признаки усталости, упадка. Для тылового населения война всё больше превращалась в рутину, притуплявшую чувства и порождавшую безразличие к перипетиям военных действий.

§ 2. Эволюция настроений городских и сельских обывателей осенью 1914 – весной 1915 года

Большой противоречивостью отличалась в рассматриваемый период ситуация в Российской империи. С одной стороны, функциональный уровень реакции городских и сельских обывателей свидетельствовал об их решимости довести войну до победного конца, стремлении оказать посильную помощь фронту^[896]. Широкий размах получила благотворительность^[897]. Вот как описывает эти тенденции некий В. Троицкий, в письме от 6 (19) сентября 1914 года: «Отношение к войне по всей Олонецкой губернии прекрасное; везде образовались комитеты для оказания помощи запасным. Везде идут успешно сборы на войну, так, например, наш комитет собрал более тысячи руб.»^[898].

Не менее сознательное отношение к войне демонстрировали русские рабочие. Современник писал: «На скрижали истории золотыми буквами внесены факты, творимые этим “революционным элементом”, когда, отказываясь от обеда, отдыха, рабочие в шахтах, мастерских и заводах стоят в течение 18–20 часов»^[899]. Это описание, относящееся к августу 1914 года, не потеряло до конца своей актуальности и к началу 1915 года. Вот как характеризовал настроения рабочих в своем письме социалист С. Цедербаум: «Мои приятели-рабочие, пишущие мне из Петрограда и некоторых провинциальных городов, сообщают весьма неутешительные вести. В Петрограде, например, на заводах работают с остервенением дни и ночи, не интересуются даже войной и газет почти не читают»^[900]. Если абстрагироваться от явно ангажированной оценочной части, то это письмо содержит показательный пример функциональной реакции рабочих: отказ от забастовочного движения и политических требований, деятельное участие в военных усилиях своей страны^[901].

С другой стороны, в письмах современников и в документах МВД за конец 1914 – начало 1915 года всё чаще начинает фиксироваться упадок настроений широких слоев населения, отмечаются тревожные проявления народного недовольства, говорившие о нарастании усталости в российском обществе. Справедливым представляется замечание, высказанное историком В. Б. Линкольном, что калейдоскопическая смена известий о победах и поражениях осенью 1914 года вела к притуплению реакции на них со стороны городских обывателей, для которых события на фронтах начинали казаться чем-то бесконечно далеким, незначительным. И победы, и поражения оборачивались для тыла одними и теми же картинками: бесконечными эшелонами с ранеными, искалеченными солдатами, каждый день прибывающими на вокзалы^[902]. Эти настроения были особенно характерны для Петрограда, о чем неоднократно писали современники^[903].

Первая мировая война, наравне с оживлением общественной жизни, со всей отчетливостью обнажила и ее неприглядные стороны во всех воюющих странах. Не стала исключением и Российская империя: для многих современников война обернулась возможностью улучшить свое материальное и социальное положение, построить карьеру, отсидевшись в тылу^[904]. На этом фоне проявились все те негативные тенденции к социальному, политическому и идеологическому расколу, что характеризовали общественную жизнь в Российской империи накануне войны и, казалось, были забыты в первые ее месяцы. В деревне стали распространяться самые противоречивые и нелепые слухи: о намерении помещиков вернуть крепостное право, о планах царя раздать крестьянам землю, о его приказе громить имения землевладельцев немецкого происхождения^[905].

В рабочей среде активизировалась социалистическая пропаганда^[906]. Начался рост забастовочного движения, не носившего, правда, антивоенного характера: рабочие

выступали в основном с экономическими требованиями^[907]. Одновременно именно в среде городских обывателей гораздо большее распространение, по сравнению с сельскими жителями, уже с осени 1914 года получили ксенофобские настроения, направленные, в первую очередь, против российских подданных немецкого происхождения и евреев^[908]. Это обстоятельство объяснялось несколькими причинами. Во-первых, городское население было в тот период в гораздо большей степени подвержено воздействию пропаганды, одной из отличительных черт которой в Российской империи была германофобская истерия, а также антисемитизм. Со страниц газет, прежде всего, правоконсервативной ориентации, беспрерывно звучали обвинения в адрес русских немцев и евреев в симпатиях к Германии, пораженчестве и саботаже. Во-вторых, подобные настроения городских обывателей подпитывались неуклонным ростом дороговизны, осязаемым вздорожанием предметов первой необходимости^[909]. Именно это (наравне с постоянной тревогой за судьбы родных и близких, оказавшихся на фронте) составляло одну из главных форм воздействия войны на повседневную жизнь городских обывателей, оставшихся в тылу. Как мы отмечали выше, в силу ужесточения военной цензуры гражданское население получало лишь запоздалую, крайне скудную и туманную информацию о положении дел на театрах военных действий, удорожание жизни же составляло, в первую очередь для горожан, объективную реальность, повседневный опыт, и поэтому оказывало особенно сильное воздействие на моральное состояние тыла^[910]. Недовольство горожан фокусировалось на торговцах с немецкими или еврейскими фамилиями, которых обвиняли в спекуляциях.

Наглядным проявлением двух описанных факторов стал беспрецедентный по масштабам антинемецкий погром в Москве в мае 1915 года^[911]. Начавшийся в центральных частях города, он скоро охватил всю Москву, сопровождаясь грабежами и поджогами. В нем приняли участие представители едва ли не всех слоев и категорий городского населения, начиная от интеллигенции, студентов, и заканчивая рабочими, подростками, женщинами. Для прекращения беспорядков потребовалось привлечение войск, поскольку полиция сама не могла с ними справиться^[912].

Описанные конфликты подрывали «внутренний фронт» в Российской империи, вели к нарастанию социальной и политической напряженности. Газетные кампании и рост погромных настроений в российском обществе резко очертили уже к весне 1915 года границы патриотического подъема, национального консенсуса и примирения, провозглашенных в начале войны. Из них оказались фактически исключены значительные группы российских подданных, изначально настроенных вполне патриотически, которые были объявлены «внутренним врагом»^[913].

Параллельно с этими тенденциями в русском обществе всё больше начинало распространяться убеждение в том, что причиной военных неудач страны является предательство, измена^[914]. Начавшись с нападок на российских подданных немецкого происхождения, эти идеи постепенно кристаллизовались в широко распространившихся слухах об измене на самом «верху». В марте 1915 года всё российское общество всколыхнуло громкое дело полковника С.Н. Мясоедова, обвиненного в измене^[915],^[916]. С точки зрения характеристики настроений городских и сельских обывателей этот судебный процесс представляется важным потому, что он стал своеобразной вехой в развитии кризиса традиционных способов легитимации власти, падении авторитета правящей династии. В связи с ним в слухах и сплетнях об измене всё чаще начала фигурировать императрица Александра Фёдоровна, которую злые языки обвиняли в пронемецких симпатиях^[917]. Начальник охраны царской семьи А. И. Спиридович вспоминал: «История с Мясоедовым во всем ее развитии за время войны была, пожалуй, главным фактором (после Распутина), подготовившим почву для революции»^[918]. Конечно, подобное утверждение является сильным упрощением и искажением подлинных причин политического кризиса в Российской империи в конце войны, однако оно многое говорит о негативном влиянии дела

С.Н. Мясоедова на настроения в тылу, которое осознавалось некоторыми современниками^[919].

Разрушительные с точки зрения морального состояния тыла последствия скандального дела С.Н. Мясоедова усугубились тем, что совпали по времени с началом отступления русской армии в Галиции. Военная цензура прилагала значительные усилия для сокрытия масштабов трагедии, разыгрывавшейся на фронте. Но даже глухих слухов и туманных сообщений в прессе, доходивших до тылового населения, было достаточно для того, чтобы посеять уныние и подавленность в широких слоях городских и сельских обывателей^[920].

Описанный кризис доверия был особенно опасным для традиционной империи, каковой продолжала оставаться в тот период Россия. Как показал анализ реакции городских и сельских обывателей на начало войны, в основе их патриотизма лежали феодальные по своей сути представления о царе как о символе страны, о верности династии, престолу. Война, обернувшаяся беспрецедентными людскими потерями и дезорганизацией хозяйственной жизни страны, уже к весне 1915 года в значительной степени подорвала влияние, авторитет и популярность подобных представлений. В условиях отсутствия иной идеологии, способной сплотить вокруг себя разноукладное, разнородное российское общество, патриотический подъем в Российской империи фактически лишался своей идейной основы. К этому добавлялись отмеченные нами социальные и межнациональные конфликты, обострившиеся к тому моменту. Едва ли не единственной надеждой царского правительства на сохранение внутреннего мира в тот период мог быть решительный перелом военных действий в свою пользу, который бы оправдал в глазах городских и сельских обывателей все тяготы и страдания. Так, всплеском патриотических чувств, по своей силе сопоставимым с тем, что был зафиксирован в августе 1914 года, хотя и уступавшим ему, сопровождалось известие о взятии русскими войсками австрийской крепости Перемышль в марте 1915 года^[921]. Но реальных перспектив для подобного перелома в войне не было, она всё больше превращалась в войну на истощение, а это делало кризис «внутреннего фронта» в Российской империи вопросом времени.

На этом фоне ситуация в Англии и Франции характеризовалась большей стабильностью, хотя тоже не была лишена внутренних противоречий и проблем. Во Франции проявления «военного энтузиазма», и без того далеко не повсеместные, уже в сентябре 1914 года практически сходят на нет. Даже такие события, как проводы полков на фронт или встреча поездов с ранеными, в начале августа 1914 года неизменно сопровождавшиеся многотысячными восторженными манифестациями, в конце того же месяца превращаются в рутину, не вызывающую сколько-нибудь ярких эмоций со стороны обывателей^[922]. Л. Бартас, современник, в тот момент служивший на вокзале в Нарбонне, писал: «О, непостоянство энтузиазма, переменчивость настроений толпы. Всего спустя восемь дней после прибытия первого поезда с ранеными – повсюду равнодушие, сердца пресытились. Больше никто, ни любопытные, ни зеваки не встречают раненых, которых с каждым днем прибывает всё больше, и которых уже не знают где размещать»^[923]. А вот как он описывал собственную отставку на фронт в ноябре 1914 года: «Настроения толпы изменились. На многих лицах читалась жалость, женщины утирали глаза. Все смотрели на нас мрачно и молчаливо, как на приговоренных к смерти. Это говорило о многом»^[924].

В условиях ограниченности информации, вследствие введения жесткой цензуры всех новостей, поступающих с фронта, в обществе получили хождение самые нелепые панические слухи, расцвела шпиономания. Широкий резонанс имели слухи о немецких женщинах, якобы разъезжающих по Франции на автомобилях и раздающих детям отравленные конфеты и сладости^[925]. Если судить по донесениям префектов, то ограничение информации о ходе боевых действий вообще являлось едва ли не главной причиной роста напряженности и нервозности в среде городских и сельских обывателей^[926]. Особенно отчетливо негативные последствия информационного вакуума, созданного усилиями военной цензуры, проявились в сентябре 1914 года, когда новость об эвакуации

правительства из Парижа в Бордо прозвучала для широких слоев населения как гром среди ясного неба^[927]. До этого момента общество имело весьма смутные представления о масштабах продвижения германских армий вглубь французской территории^[928]. Префекты поспешили уверить центральные власти, что французы встретили эту новость со спокойствием и хладнокровием, что первоначальное удивление быстро рассеялось^[929]. Однако правдивость и объективность подобных оценок вызывает серьезные сомнения.

Более реалистичной представляется картина, обрисованная Э. Эррио, в то время бывшего сотрудником мэрии Лиона: «С раннего утра мы узнаём об отъезде правительства... Новость всех ошеломила – таково было, как мне кажется, первое впечатление. Множество полученных мной писем говорит о том, что под внешним спокойствием скрывается сильное возбуждение умов... Лион мрачен»^[930]. Бегство правительства имело тяжелые последствия с точки зрения поддержания национального консенсуса, посеяв в слоях городских и сельских обывателей сомнения относительно дееспособности правящего кабинета и справедливости распределения военного бремени^[931].

Тяжелая атмосфера воцарилась и в столице: «Всем война уже надоела, опротивела, ничего в ней святого никто не находит и все жаждут поскорее мира. Война сказывается на раньше бурном, теперь угрюмом Париже»^[932]. Это письмо, перлюстрированное Особым отделом Департамента полиции, принадлежало, вероятно, перу политэмигранта, и потому к содержащимся в нем оценкам следует подходить осторожно. В то же время схожие свидетельства встречаются и во многих других источниках.

К началу 1915 года в отчетах о настроениях населения, составляемых префектами, всё чаще начинают встречаться такие эпитеты как «безразличие», «равнодушие», «беспокойство»^[933]. Об упадке настроений французского населения к лету 1915 года упоминал в своих воспоминаниях и английский посол в Париже Ф. Берти: «По стране прокатывается волна пессимизма, так как ожидания, что война закончится самое позднее осенью, оказались необоснованными, и публика видит неизбежность еще одной зимней кампании в траншеях, при этом, весьма вероятно, *не* на германской территории»^[934].

Для сельских обывателей причинами роста беспокойства были отсутствие рабочих рук и, как следствие, опасения за судьбу нового урожая^[935]. Как и в России, во Франции на настроения городских обывателей особое воздействие оказывали не столько официальные информационные сводки, отличавшиеся туманностью и неопределенностью, сколько слухи, бесконечный поток беженцев и раненых, ухудшение бытовых условий^[936]. Э. Эррио писал: «В начале января 1915 года в общественном настроении Лиона наблюдается какой-то спад... Война продолжается в своем трагическом однообразии, каждый день сводка, впрочем, довольно бессодержательная, и жуткий список убитых. Беженцы и беглецы рассказывают в ратуше об ужасах, свидетелями которых они были и которые они пережили. Они говорят бесстрастно, скорбно»^[937].

Подобные настроения создавали благоприятную почву для распространения антивоенных, пацифистских настроений, активизации пропаганды социалистов и анархистов^[938]. И всё же можно констатировать, что широкие слои городских и сельских обывателей во Франции в тот период не склонны были поддерживать призывы к немедленному заключению мира. Доминирующим оставалось убеждение, что мир возможен только после разгрома Германии, что необходимо довести войну до конца^[939]. Эти настроения описал в письме от 14 (27) января 1915 года анонимный автор из Канн: «У меня сложилось впечатление, что народ не примет преждевременный мир. Кровавые жертвы, уже принесенные, должны окупиться; народ желает победы, и наши враги глубоко заблуждаются, если рассчитывают вывести его из терпения или истощить его энергию»^[940]. Идея, что нужно «продержаться», в случае с городскими и сельскими обывателями находила свое выражение не в громких публичных демонстрациях, а в повседневной работе, и в этом отношении зафиксированный выше упадок настроений касался, скорее, лишь оценочного уровня реакции. На функциональном

же уровне гражданское население Франции продолжало лояльно нести военное бремя: при его активном содействии шло налаживание снабжения фронта и тыла, нарушенного немецкой оккупацией 10 северо-восточных департаментов; организовывались полевые работы; развивалась благотворительная деятельность, главным объектом заботы которой были раненые^[941].

Ни в тылу, ни на фронте не регистрируется в тот момент сколько-нибудь значительных антивоенных выступлений. Справедливость войны со стороны Франции, необходимость доведения ее до победного конца в тот момент не вызывали сомнений в среде городских и сельских обывателей. Конечно, о былом энтузиазме весной 1915 года речь уже не шла, всё больше начинали сказываться усталость, груз военного бремени, непредвиденный масштаб потерь. И всё же национальный консенсус, установившийся в августе 1914 года, продолжал характеризовать настроения народных масс и весной 1915 года. Во Франции падение авторитета правительства, вызванное неудачами на фронтах, проблемами со снабжением, политическими просчетами (реальными или казавшимися таковыми), не влекло за собой автоматической эрозии национального консенсуса, поскольку в его основе лежала не преданность династии, конкретному лидеру или кабинету, а национализм в его гражданском понимании, верность стране, национальному государству, нации^[942].

Уникальной была реакция на войну городских и сельских обывателей в Англии. Как мы уже отмечали, основным мотивом их поддержки вмешательства страны в континентальный конфликт фактически были соображения морального характера, вера в справедливость своего дела, основанная на глубоко укорененных представлениях о принадлежности к особой историко-политической общности – нации, – ее исторической миссии и значении. Подобную убежденность разделяли не только высшие слои британского общества, но и его рядовые члены.

Эта гипотеза подтверждается невиданным размахом добровольческого движения в Великобритании в 1914–1915 годах. Причем если применительно к первым неделям войны его еще можно было объяснить наивностью поколения 1914 года, жившего долгие десятилетия в сравнительно спокойном и безопасном мире, то уже к осени 1914 года это объяснение теряет свою убедительность. Конечно, не стоит преувеличивать осведомленность гражданского населения о реалиях индустриальной, позиционной войны, в которую быстро превращался европейский конфликт. Военная цензура и средства массовой информации совместными усилиями создавали весьма специфический образ войны, отвечавший в целом чаяниям гражданского населения^[943]: войны, где бравыми, прекрасно обученными и снабженными всем необходимым Томми (собрательный образ английского солдата. – *Н.Ю.*) командуют мудрые и решительные генералы^[944]. И всё же осенью 1914 года военная пропаганда еще только делала свои первые шаги, отличалась непоследовательностью и импровизированностью. Как следствие, сообщения о военных неудачах (например, о битве при Монсе 23–25 августа 1914 года), о больших потерях экспедиционного корпуса уже в первых сражениях во Франции практически сразу стали достоянием публики^[945]. Однако они ни в коей мере не охладили патриотического пыла, которым были охвачены современники. Наоборот, пик добровольческого движения приходится не на август 1914 года, а на сентябрь – октябрь того же года^[946]. Как громко это ни прозвучит, но представители самых широких слоев городских и сельских обывателей в Англии^[947] в тот период остро ощущали свою ответственность за судьбы страны, цивилизации, которую она представляет; ими двигали гражданский долг и чувство товарищества по отношению к тем, кто уже был в рядах действующей армии^[948].

Ф. Гиббс вспоминал: «Каждый молодой человек, который шел на рекрутский участок, в глубине души знал, что он прощается, возможно навсегда, с любимыми им вещами и людьми, привычными благами, с самой жизнью... И всё же они шли миллионами, волна за волной... Когда началась война, была настоящая одержимость Англией и родственными ей народами. Сложно представить; невозможно пережить снова – теперь»^[949].

О масштабах добровольческого движения в тот период говорят следующие данные: к декабрю 1914 года в армию записывалось еженедельно 30000 добровольцев^[950], этот уровень продержался в течение практически всего 1915 года, и к июлю 1915 года в действующую армию вступили 2 млн британцев^[951]. Таким образом, по этому важнейшему показателю видно, что на функциональном уровне реакция городских и сельских обывателей в Англии на протяжении рассматриваемого периода (1914 – весна 1915 года) отличалась стабильностью и постоянством. Основная масса добровольцев приходилась на городских жителей, однако это вовсе не означает, что приведенные цифры нерепрезентативны, не могут служить подтверждением популярности войны во всем английском обществе. Во-первых, Англия кануна Первой мировой войны была одной из самых урбанизированных стран в мире^[952]. Хотя бы поэтому данные о добровольческом движении представляются вполне репрезентативными при характеристике настроений широких народных слоев. Во-вторых, в некоторых источниках содержится информация и о добровольцах из среды сельских жителей^[953].

Конечно, как и любое воюющее государство, Англия периода Первой мировой войны столкнулась с рядом непредвиденных испытаний и трудностей, которые могли негативно сказаться на внутривнутриполитической ситуации в стране, привести к эрозии национального консенсуса. Несмотря на стратегически выгодное положение Англии, отделенной морем от основного театра военных действий, экономические последствия начала войны, выразившиеся в нарушении торговых связей, затруднении морских перевозок, необходимости создания и содержания крупной сухопутной армии, переориентации экономики на военные нужды, привели к дезорганизации хозяйственной жизни.

Главными жертвами этих процессов стали экономически наименее защищенные слои населения. Конец 1914 года ознаменовался ростом цен на продовольственные товары, что больно ударило по городским обывателям^[954]. Пышным цветом расцвели спекуляции^[955]. Именно спекулянты были едва ли не главными объектами ненависти со стороны широких слоев населения, поскольку их преуспевание ставило под сомнение одну из основ национального консенсуса: идею справедливого распределения военного бремени между всеми членами общества^[956].

На фоне удорожания жизни началось повышение активности рабочего движения. Советский историк М.М. Карлинер приводит следующие данные: «Если за последние шесть месяцев в 1914 г. (в том числе пять месяцев войны) произошла 151 стачка, в ходе которых было потеряно 147 тыс. рабочих дней, а число стачечников составляло лишь 25 тыс., то за первую половину 1915 г. число стачек возросло до 360, стачечников – до 137 тыс., а количество потерянных рабочих дней – почти до 1 млн. Начавшаяся в феврале волна забастовок продолжалась в течение всей весны 1915 г. и достигла своего наивысшего подъема в мае»^[957]. Однако рабочие в тот период выступали с чисто экономическими требованиями и не ставили под сомнение справедливость и необходимость участия страны в войне, равно как и не считали свои действия антипатриотичными^[958].

Еще одним дестабилизирующим внутреннее положение в стране фактором стали ксенофобские настроения, получившие широкое распространение с первых дней войны. Всего за время Первой мировой войны в Англии было зарегистрировано несколько крупных вспышек ксенофобии, направленных, прежде всего, против выходцев из Германии. Ими сопровождались первые сообщения о потерях экспедиционного корпуса и зверствах немцев на оккупированных территориях, обстрел английских прибрежных городов немецкими кораблями в декабре 1914 года и, с особым размахом, новость о потоплении американского лайнера «Лузитания» у берегов Ирландии 7 мая 1915 года^[959]. Тогда массовые погромы магазинов, принадлежавших выходцам из Германии (или просто людям с немецкой фамилией), прокатились по всей стране, не исключая и столицу^[960]. Под давлением общества и средств массовой информации правительство пошло на ужесточение законодательства в

отношении иностранцев: 13 мая 1915 года было решено интернировать всех иностранных граждан в возрасте от 17 до 55 лет, с последующей репатриацией женщин и детей^[961].

Всплеск ксенофобии в Англии, помимо вполне естественной реакции общества, ввергнутого в войну и несущего большие людские потери, обуславливался также и рядом специфических обстоятельств. Еще до войны широкое хождение получили фантастические рассказы, в которых описывалась военная катастрофа страны, наводненной вражескими шпионами^[962]. После вступления Великобритании в войну, шпиономания получила новый импульс, истерия вокруг шпионской угрозы с начала 1915 года стала усиленно нагнетаться крупнейшими английскими газетами, действовавшими по собственной инициативе, а не по указке государства^[963]. В итоге в каждом иностранце обыватели стали видеть врага, шпиона. Наравне с влиянием средств массовой информации росту ксенофобии, на наш взгляд, неизбежно способствовала сама мотивация участия англичан в войне: защита цивилизации, справедливости и законности от варварства, беззакония и жестокости, воплощенных в германском милитаризме. В ее основе лежали не рациональные цели и интересы, а морально-нравственные соображения. Это располагало к демонизации врага, который становился олицетворением зла, лишался каких бы то ни было положительных качеств.

И всё же в Великобритании ксенофобия не могла иметь столь же сильных негативных последствий для национального консенсуса, как юдо- и германофобские настроения в Российской империи. В случае с Англией жертвами ксенофобии были в первую очередь ненатурализованные лица германского происхождения, граждане враждебной державы. В России же кампания, направленная против немецкого засилья, была по российским же подданным, колонистам и прибалтийским немцам. Тем самым резко очерчивались границы народного единения и консенсуса, из которых автоматически исключались по этническому признаку целые группы населения империи.

Как и во Франции, в Англии доминирующим настроением в рассматриваемый период можно назвать решимость, стремление выдержать все испытания во имя победы. Я. Малкольм, член парламента от консервативной партии, так описывал атмосферу тех дней: «Наша национальная стойкость опирается не на газетные публикации или плакаты, не зависит от преходящих настроений того или иного класса, а опирается на непреклонную и негибкую решимость подавляющего большинства наших сограждан, мужчин и женщин, победить в этой войне вместе и ради наших друзей, покончить с мировой угрозой раз и навсегда»^[964]. Конечно, к весне 1915 года под давлением людских потерь и экономических неурядиц воинственный пыл англичан начал ослабевать. Политический кризис в мае 1915 года и рост забастовочного движения стали главными проявлениями наметившегося упадка настроений, однако, на наш взгляд, они не означали эрозии национального консенсуса по вопросу о войне. Они были направлены против конкретных фактов и явлений действительности, отдельных политических лидеров, и не ставили под сомнение необходимость доведения войны до победного конца. Наиболее ярким доказательством тому является тот факт, что отмеченные негативные факторы никак не сказались в рассматриваемый период на масштабах добровольческого движения, на темпах комплектования армии.

Подводя итог, можно заключить, что в реакции на войну городских и сельских обывателей в странах Антанты прослеживается много общих черт. Их реакция проявлялась главным образом в разнообразных функциональных формах: патриотических манифестациях, добровольческом движении, аккуратном выполнении мобилизационных предписаний, расцвете благотворительности, прекращении стачек и забастовок. Все эти функциональные проявления общественных настроений были характерны как для городского, так и для сельского населения, что отразило подлинно массовый характер патриотического подъема в странах Антанты.

С функциональной точки зрения реакция городских и сельских обывателей на события Первой мировой войны в рассматриваемый период (осень 1914 – весна 1915 года) во всех

трех странах отличалась значительной стабильностью, которая, впрочем, не отрицала возможности внутренней эволюции. И в Англии, и в России, и во Франции в развитии настроений городских и сельских обывателей можно выделить несколько этапов. Пик патриотического воодушевления приходится на август – сентябрь 1914 года, когда фиксируется наибольшее количество различных проявлений «военного энтузиазма», практически прекращается стачечное движение. Поздней осенью 1914 года патриотические манифестации становятся всё более редкими, а с зимы 1914–1915 годов вновь начинается рост числа забастовок. Однако из этих фактов не следует, что патриотический подъем окончательно ушел в прошлое. Ушли в прошлое «военный энтузиазм», эйфория первых дней войны; их сменила рутинная бедная на крупные военные победы окопной войны. В то же время, городские и сельские обыватели в целом продолжали лояльно нести военное бремя, продолжали идти на жертвы и лишения во имя победы. В частности, в Англии в течение всего рассматриваемого периода приток добровольцев в действующую армию не прекращался, оставаясь на одинаково высоком уровне и осенью 1914 года, и весной 1915 года. На наш взгляд, патриотический подъем в странах Антанты был не просто мимолетным всплеском шовинизма, а имел под собой более глубокие основания. Чтобы понять их, понять характер патриотического подъема в среде городских и сельских обывателей в тот период, необходимо попытаться восстановить их мотивацию, что весьма проблематично, учитывая, во-первых, крайнюю противоречивость данных исторических источников и, во-вторых, тот факт, что именно в сфере мотивации, эмоциональном уровне реакции современников, ярко проявилась «национальная» специфика каждой из стран Антанты. И всё же представляется возможным высказать в этой связи несколько замечаний.

На формирование настроений городских и сельских обывателей оказывали воздействие как субъективные, так и объективные факторы. К первым можно отнести проблемы коллективной самоидентификации, ключевую роль в которых в европейских обществах играло развитие процессов национального самосознания, национализма. Эти процессы, достигшие значительных успехов в Англии и Франции, предопределили сравнительно большую устойчивость консенсуса в этих странах, особенно заметную в сравнении с ситуацией в России, где, как показали события Первой мировой войны, национальное строительство в рамках империи Романовых развивалось очень медленно и носило весьма противоречивый характер, а коллективные ценности, характерные для мировоззрения городского и, особенно, сельского населения, продолжали носить феодальный по своей сути характер. В отличие от России, в западноевропейских странах коллективная самоидентификация общества не концентрировалась вокруг фигуры монарха, она также не была привязана к какому-то конкретному правительству, составу кабинета министров, политической партии, а строилась вокруг представлений о существовании некой надклассовой, надпартийной общности – нации. Лояльность по отношению к ней носила вневременной, абсолютный характер; ее не могли поколебать ошибки конкретного политика или правительства.

Наравне с субъективными факторами настроения городских и сельских обывателей в странах Антанты обуславливались и целым рядом объективных обстоятельств: экономическими трудностями и проблемами со снабжением, с которыми столкнулось тыловое население вследствие дезорганизации хозяйственной жизни после начала войны; непредвиденным масштабом людских потерь. Степень вовлеченности стран Антанты в военные действия в рассматриваемый период была различной, соответственно отличалась и степень негативного воздействия описанных выше объективных проблем на настроения городских и сельских обывателей.

Заключение

Сравнительный анализ социально-психологического опыта обществ стран Антанты в 1914 – первой половине 1915 года, предпринятый в данном исследовании, позволяет сделать ряд

выводов относительно характера и природы феномена патриотического подъема в европейских державах в начале Первой мировой войны и коллективных ценностей и идентичностей, лежавших в его основе. Прежде всего, изучение общественных настроений в Великобритании, Франции и России в период Июльского кризиса 1914 года и в первые месяцы войны показывает, что, вопреки распространенным в современной западной историографии утверждениям о «мифе 1914 года»^[965], патриотический подъем в странах Антанты действительно был, что это не выдумка пропагандистов и политиков. Более того, он не был уделом только политических и интеллектуальных элит, не ограничивался населением крупных городов, столиц, а представлял собой массовую реакцию населения европейских держав на начало в 1914 году новой войны. В этом отношении не было принципиальной разницы в реакции на войну городских и сельских жителей. Разумеется, существовала своя специфика выражения ими патриотических чувств, которая обуславливалась различиями в социальном положении, культуре, традициях, коллективных способах самовосприятия. Однако абсолютизировать эти различия, противопоставлять реакцию на начало войны сельского и городского населения, как, соответственно, репрезентативную и нерепрезентативную^[966], на наш взгляд, ошибочно.

Подобное противопоставление проистекает из некорректного сведения патриотического подъема исключительно к таким формам проявления общественных настроений, как патриотические (шовинистические) манифестации, провоенные митинги, эмоциональные проводы полков на фронт и т. п. Такие формы реакции на начало войны действительно были характерны, главным образом, для городских, особенно столичных, жителей. Причем не всех, а сравнительно небольшой их части, представленной молодежью, студентами, частью интеллигенции, реже – рабочими. Все эти проявления общественных настроений можно охарактеризовать как «военный энтузиазм», который был наиболее заметным, но отнюдь не главным и не самым показательным свидетельством существования патриотического подъема.

Гораздо более важными и репрезентативными с точки зрения характеристики общественных настроений в первые месяцы войны представляются такие факты, как успешная и быстрая мобилизация армий континентальных держав, массовый приток добровольцев в английскую армию, повсеместное прекращение стачек и забастовок в промышленности, масштабная благотворительная деятельность, резкое снижение накала политических противоречий и классовой борьбы. Эти формы реакции на события Первой мировой войны были присущи как городским, так и сельским жителям, как политическим и интеллектуальным элитам, так и обывателям. Они свидетельствуют, что патриотический подъем в странах Антанты опирался не на сиюминутный взрыв шовинизма, не был лишь кратковременной аффектацией или массовой истерией, иначе бы он попросту не выдержал первых испытаний новой, индустриальной по своему характеру войны, которые не замедлили последовать уже осенью 1914 года, не выдержал бы первых разочарований, которые были связаны с крахом надежд на быструю победоносную войну. В основе патриотического подъема лежал широкий общественный консенсус по вопросу о войне.

Характер и границы этого консенсуса разнились от страны к стране, поэтому утверждение, что патриотический подъем был подлинно массовой формой реакции современников на начало войны, не должно вести к излишнему упрощению этого феномена и, соответственно, ошибочному упрощению картины настроений в европейских обществах рассматриваемого периода. Ключ к пониманию уникальной морально-психологической атмосферы, сложившейся в Великобритании, Франции и России в начале Первой мировой войны, дает изучение и сопоставление реакции на войну представителей различных социально-функциональных групп их населения.

Уже анализ процесса складывания общественного консенсуса в странах Антанты накануне и в начале Первой мировой войны красноречиво показывает сложность и противоречивость феномена патриотического подъема рассматриваемого периода. На первый взгляд,

общественные настроения во всех трех странах Антанты в целом прошли в своей эволюции одинаковые этапы и обуславливались сходными факторами. Вслед за первоначальными шоком и растерянностью, вызванными резким обострением международной обстановки в конце июля 1914 года, последовало принятие перспективы войны политическими и интеллектуальными элитами стран Антанты, а затем и широкими слоями городских и сельских обывателей. Процесс складывания консенсуса по вопросу о войне был далеко не безболезненным и к непосредственному началу боевых действий завершился в общих чертах в Англии и Франции, в то время как в России настроения основной массы населения оставались неясными вплоть до начала мобилизации. Тем не менее, и в России, пусть и с некоторым запозданием, уже после начала войны, консенсус в обществе всё же устанавливается. Сопrotивление антивоенной оппозиции было преодолено, предвоенные классовые и политические противоречия в странах Антанты отошли на второй план, их общества сплотились перед лицом внешней опасности. Это, в свою очередь, послужило основой для подъема патриотических чувств в последующие месяцы войны. Таким образом, при самом первом приближении, патриотический подъем в странах Антанты можно трактовать как типичный пример оборонительного патриотизма, как совершенно объяснимую реакцию людей, чья родина подверглась внешней агрессии¹⁹⁶⁷¹. Однако при ближайшем рассмотрении картина реакции современников на начало Первой мировой войны значительно усложняется.

Наибольшее значение оборонительный патриотизм сыграл в принятии войны широкими слоями населения Российской империи. Этот мотив был привычен и понятен крестьянам, составлявшим подавляющее большинство населения империи и мало интересовавшимся перипетиями европейской политики. Он в значительной степени объяснял и настроения населения в западных странах. В то же время, одними лишь соображениями оборонительного патриотизма, на наш взгляд, нельзя убедительно объяснить крах социалистической антивоенной оппозиции в первые дни августа 1914 года во Франции. Тем более трудно объяснить с их помощью складывание общественного консенсуса по вопросу о войне в Англии, так как ее территория не подвергалась агрессии со стороны какой-либо державы, ее торговые и колониальные интересы тоже оставались летом 1914 года незатронутыми напрямую событиями на континенте. И всё же, и во Франции, и в Англии еще до начала боевых действий новая война воспринималась населением как справедливая и необходимая. Объяснение этому кроется, на наш взгляд, в том, что агрессивная политика Германии представлялась современникам не просто как угроза неким абстрактным государственным интересам, не просто как нарушение международно-правовых норм (нападение под вымышленным предлогом на Францию, нарушение нейтралитета Бельгии), а воспринималась как угроза коллективным ценностям, составлявшим самую основу самоидентификации поколения 1914 года.

Приблизиться к пониманию особенностей ценностей и идентичностей, присущих обществам стран Антанты, позволяет анализ материалов средств массовой информации, источников личного происхождения и архивных документов, описывающих настроения различных групп населения Англии, Франции и России осенью 1914 – весной 1915 года.

Из этого анализа следует, что в Англии и Франции в основе коллективной самоидентификации всех слоев общества лежали глубоко укоренившиеся представления о национальной идентичности, национальное по своей сути, коллективное самовосприятие. Конечно, английский национализм рассматриваемого периода достаточно сильно отличался от французского. Например, английский национализм характеризовался ярко выраженным мессианским настроением, англичане воспринимали себя как народ, исторически ответственный за поддержание мира и баланса в Европе и стоящий на страже цивилизации и прогресса. Мессианство, восходившее к традициям Великой французской революции, не было чуждо и французскому национализму, однако оно в большей степени оттенялось религиозно-мистическими и социал-дарвинистскими идеями, что отражалось в прославлении

молодости, энергии, войны как способа пробуждения жизненных сил народа, агрессивном противопоставлении себя всему немецкому. И всё же и в Англии, и во Франции в центре коллективной лояльности находился образ национального государства, особой исторической, политической и культурной общности. Агрессивная политика Германии потому привела к сплочению общества Англии и Франции, что в итоге стала восприниматься всеми слоями и группами их населения как угроза и как вызов, соответственно, английской и французской нации. Именно поэтому нападение Германии на Францию заставило социалистов забыть на время о своих интернационалистических и пацифистских убеждениях; именно поэтому нарушение Германией нейтралитета Бельгии в одночасье изменило настроения английского общественного мнения, сделало войну популярной.

Иной была ситуация в России. В отличие от гомогенных в культурном отношении западноевропейских государств, Российская империя продолжала оставаться разноукладным, разнокультурным обществом^[968]. Россия лишь начинала осваивать опыт национального строительства передовых стран того времени, шаги царского правительства на этом поприще отличались непоследовательностью и неэффективностью^[969]. Национализм как основа коллективных идентичностей не был характерен даже для всех групп политической и интеллектуальной элиты империи. В этой среде, с одной стороны, происходило крайне ожесточенное столкновение различных, подчас взаимоисключающих, «проектов» национального строительства, что в итоге вело лишь к росту конфликтности в российском обществе, а, с другой стороны, большое значение сохраняли традиционные способы коллективной самоидентификации, построенные вокруг династической лояльности. Еще большее значение имели эти традиционные ценности для широких слоев городских и сельских обывателей в Российской империи. Именно вокруг них, главным образом, строился в России общественный консенсус по вопросу о войне, именно они задали границы этого консенсуса, а вместе с ним и патриотического подъема, которые всё отчетливее стали проявляться весной 1915 года.

Наращение тенденций к эрозии консенсуса, установившегося в августе 1914 года, не было само по себе уникальной характеристикой ситуации в Российской империи. Схожие тенденции были характерны и для Англии, и для Франции. Осенью 1914 – весной 1915 года все страны Антанты столкнулись с одинаковыми непредвиденными проблемами, которые были порождены принимавшей затяжной характер войной. К их числу следует отнести дезорганизацию хозяйственно-экономической жизни, трудности со снабжением тылового населения, необходимость содержать массовые армии и оказывать материальную поддержку семьям военнослужащих, вводить и ужесточать регламентацию отношений в промышленности. От того, насколько эффективно правящие элиты справлялись с этими новыми вызовами времени, прямо и непосредственно зависело морально-психологическое состояние тыла.

В то же время острота этих проблем не была одинаковой для всех стран Антанты. Она определялась их стратегическим положением, степенью участия в военных действиях, особенностями политической структуры, поэтому неизбежный процесс постепенной эрозии общественного консенсуса протекал в них с разной интенсивностью и имел для них различные последствия. Наибольшей стабильностью в рассматриваемый период, на наш взгляд, отличался консенсус по вопросу о войне в Англии. Он опирался на глубоко укоренившиеся представления о национальной идентичности и в то же время, по сравнению с континентальными державами, в меньшей степени подвергался негативному воздействию объективных проблем, порожденных Первой мировой войной, так как участие Англии в военных действиях носило ограниченный характер.

Прочным оставался и общественный консенсус во Франции, где, несмотря на дезорганизацию хозяйственной жизни, огромные людские потери и постепенное падение авторитета правительства, война с Германией продолжала восприниматься как подлинно национальное дело практически всеми социально-функциональными группами. Большую

роль при этом играли соображения оборонительного патриотизма: война велась на территории Франции, целый ряд ее департаментов был оккупирован неприятелем. И в Англии, и во Франции политические элиты продемонстрировали гибкость, готовность к диалогу с оппозицией, что также способствовало преодолению тенденций к эрозии консенсуса, по крайней мере, весной 1915 года.

На эмоциональном уровне реакции наибольшей эрозии подвергся консенсус по вопросу о войне в Российской империи. Беспрецедентные людские потери и экономические трудности вели к нарастанию усталости и недовольства в широких слоях населения. Одновременно они подрывали авторитет традиционных коллективных ценностей, авторитет царя и монархии. Ключевую роль в поддержании патриотического подъема в этих условиях продолжал играть мотив защиты страны от неспровоцированной внешней агрессии, оборонительный патриотизм. Однако он один не мог остановить нарастания противоречий в российском обществе и, особенно, обострения межнациональных конфликтов; не мог полностью компенсировать наметившиеся тенденции к кризису традиционных лояльностей. Всё отчетливее проявлялась политическая изоляция правящих элит, их неспособность наладить конструктивный диалог с оппозицией, которая, в свою очередь, после краткого перемирия осени 1914 года вновь начинала воспринимать царский режим как своего идеологического врага. В этих условиях поддержание общественного консенсуса объективно становилось весьма проблематичным, патриотический подъем первых месяцев войны всё больше слабел.

Одновременно ярко проявилась не только национальная специфика патриотического подъема в той или иной стране Антанты, но и его неоднородность, противоречивость внутри каждой из них. Представители различных социально-функциональных групп по-разному, и в этом необходимо согласиться с западными исследователями, воспринимали и оценивали события Первой мировой войны, по-разному выражали свое отношение к ним, в разной степени разделяли патриотический подъем. Например, в случае политических элит и интеллигенции патриотический подъем нашел свое наиболее яркое воплощение в лозунге «священного единения», в призыве к прекращению политической борьбы, объединению прежних политических конкурентов с целью организации победы. Однако на практике за декларативной приверженностью этому лозунгу скрывалась не утихающая ни на минуту борьба за власть, которая подчас весьма негативно сказывалась на общественном консенсусе по вопросу о войне в целом. Сложнее поддаются оценке настроения городских и сельских обывателей, о которых можно судить главным образом по различным функциональным проявлениям. С одной стороны, консенсус в их среде отличался большой стабильностью, с другой стороны, он оказался особенно чувствителен к негативному влиянию ксенофобских кампаний в средствах массовой информации, проводившихся на фоне отсутствия достоверных новостей с фронта и общего вздорожания жизни.

Изучение эволюции общественных настроений в странах Антанты от первоначальной растерянности в период Июльского кризиса 1914 года к широкому общественному консенсусу августа – сентября того же года и его последующей постепенной эрозии к лету 1915 года показывает чрезвычайно сложную природу патриотического подъема периода Первой мировой войны. Подъем этот был результатом теснейшей взаимосвязи и кодeterminации объективных и субъективных, долгосрочных и конъюнктурных факторов: долговременных процессов развития коллективных идентичностей и эмоционально-психологических потрясений, вызванных новой войной; специфики геополитического положения той или иной страны; особенностей ее экономического и социального развития и перипетий военных действий в 1914–1915 годах. Конкретно-историческое сочетание этих факторов и определяло прочность общественного консенсуса по вопросу о войне, характер и границы патриотического подъема в той или иной стране.

Сравнительный анализ реакции населения стран Антанты на события 1914 – первой половины 1915 года, на наш взгляд, не только дает ключ к пониманию мировоззрения людей

той эпохи, но и позволяет отчасти объяснить потрясения, обрушившиеся на Европу в конце Первой мировой войны и после ее завершения. Уже в рассматриваемый в данном исследовании период в полную силу проявился потенциал национализма как идеологии, способной мобилизовать практически всё население той или иной страны во имя достижения победы. Одновременно стала очевидной недостаточность старых способов легитимации власти в условиях возросшего участия масс в политической и социальной жизни страны. Наступал век масс, правящим элитам надо было либо приспособливаться к новым условиям, либо уходить с исторической сцены.

Библиография

Отечественные архивы

Архив внешней политики Российской империи:

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. Дело №№ 20–24, 116–118, 120, 129, 132, 213, 216 за 1913 год; Дело №№ 8—11, 58–61, 189–192, 194, 196, 198, 199, 320–322, 324, 327, 328, 331–334, 356, 357, 361, 372, 378, 382, 387 за 1914 год; Дело №№ 5, 6, 10, 68–70, 95, 96, 112, ИЗ, 125–127, 136, 181–185 за 1915 год.

Ф. 134. Архив «Война». Оп. 473. Дело №№ 6, 12, 21, 23, 36, 42, 44, 52, 61, 71, 74, 103, 104, 109, 123, 124, 139, 140.

Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Дело №№ 323, 331, 706, 707.

Ф. 139. 2-я (газетная) экспедиция канцелярии МИД России. Оп. 476. Дело №№ 581–583, 587, 588.

Ф. 140. Отдел печати и осведомления. Оп. 477. Дело №№ 1—12.

Ф. 184. Российское посольство в Лондоне. Оп. 520. Дело №№ 1495–1500, 1506, 1508–1513, 1522, 1523.

Ф. 187. Российское посольство в Париже. Оп. 524. Дело №№ 3026, 3020, 3073, 3074.

Ф. 215. Консульство в Бордо. Оп. 537. Дело №№ 105, 106, 115.

Ф. 254. Консульство в Ливерпуле. Оп. 554. Дело №№ 302, 304–306, 309, 344, 346, 347.

Ф. 270/2 (419). Консульство в Ницце. Оп. 1. Дело №№ 64, 65.

Ф. 275. Вице-консульство в По. Оп. 564, Дело № 53.

Государственный архив Российской Федерации:

Ф. 58. Московское губернское жандармское управление. Оп. 7. Дело №№ 310, 323, 324, 329, 334; Оп. 9. Дело №№ 317–321; Оп. 10. Дело №№ 203, 207.

Ф. 63. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике. Оп. 34. Дело №№ 1015, 1016, 1035, 1036, 1522, 1523, 1683.

Ф. 102. V отделение Особого отдела Департамента полиции. Оп. 265. Дело №№ 967, 976–980, 992–1021; Оп. 267. Дело №№ 40, 42.

Ф. 102. 4-е Делопроизводство. Оп. 124. Дело №№ 42. Ч. 9; 108. Ч. 1–2; 108. Ч. 5–8; 108. Ч. 38–44.

Ф. 217. Варшавское губернское жандармское управление. Оп. 1. Дело №№ 626, 1153, 1154, 1207, 1253.

Ф. 219. Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в Варшаве (охранное отделение). Оп. 1.

Ф. 270. Канцелярия товарища министра внутренних дел, командира отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковского. Оп. 1. Дело № 1—138.

Ф. 6281. Коллекция документов периода Первой мировой войны и временного правительства. Оп. 1.

Российский государственный военно-исторический архив.

Ф. 2000. Главное управление Генерального Штаба. Оп. 1. Дело №№ 1848–1849; 2065–2068; 3363, 3368, 3375, 3378, 3434, 3436, 5108.

Французские архивы:

Archives de la prefecture de police:

Guerre 1914. Db 323–326, 364.

Archives du Ministere des affaires etrangeres:

Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Guerre 1914–1918. Russie. Vol. 641, 757; Guerre 1914–1918. Grande Bretagne. Vol. 534–536.

Guerre 1914–1918. Dossier general. Vol. 1–9.

Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Russie. Vol. 4, 22, 23, 42, 72.

Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle serie. Grande Bretagne. Vol. 21, 22.

Maison de la presse 1914–1928. Information, propagande.

Archives Nationales:

F. 7. Sur les activites socialistes 12495-12502, 12525, 13609, 13070, 13072, 13074,13075.

Sur la CGT 13571,13574.

Sur les anarchistes 13053,13054,13055,13057,13058.

Sur l'antimilitarisme, le pacifism 13333, 13335—13348, 13065, 12911, 13372, 13375,13961.

Sur l'opinion publique pendant la periode de tension precedant la guerre et les premieres semaines du conflit 12934,12936—12939.

Sur le parti socialiste 12891. F. AJ/4/1.

Сборники документов

Белая книга. Европейский кризис. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. Август 1914. Пг., 1914.

Заговор против мира. Как была развязана империалистами война в 1914 г. Факты и документы. М.: Изд. ред. Правды, 1934.

Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917. М.-Л.: Гос. соц. – экон. изд-во, 1931–1938.

Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: Документы и материалы. М.: Наука, 2002.

Оранжевая книга. До войны. Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. СПб., 1914.

Beer M. La bataille des diplomats. Les documents capitaux des gouvernements belligerantes, classes dans leur ordre logique et chronologique, analyses et commentes. Berne: Wyss, 1916.

Collected diplomatic documents relating to the outbreak of the European War. London, 1915.

Correspondance diplomatique relative a la guerre de 1914. 24 juillet – 29 aout. Paris: Hachette, 1914.

Lowe C. J., Dockrill M. L. The mirage of Power. British foreign policy 1902— 14, Vol. 1. London: Routledge & Kegan Paul, 1972.

The Diplomatic History of the War. London, 1914.

Парламентские документы и документы политических партий

Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия 3. Пг., 1915.

Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. Пг., 1914.

Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года. Хутор Тихорецкий, 1914.

Калинычев Ф.И. Государственная дума России в документах и материалах. М.: Госюриздат, 1957.

Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916. М.: РОССПЭН, 2002.

Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний центрального комитета. В 2 т. Т. 2. 1907–1915. М.: РОССПЭН, 2000.

Программные документы политических партий России в дооктябрьский период. М.: Изд-во МГУ, 1991.

Протоколы центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2–3. М., 1997–1998. Фракция Союза 17 октября в IV Государственной думе. СПб., 1914. Annales de la Chambre des deputes. il Legislature. Debats parlementaires. Session de 1914. Т. 2. Paris, 1915.

Parliamentary Debates. Official Report. House of Commons. Ser. V. Vol. 65–72. London, 1914–1915.

Пресса

Московские ведомости, 1913–1915. Новое время, 1913–1915.

Le Temps, 1913–1915.

Le Figaro, 1913–1915.

Le Matin, 1913–1915.

Le Petit Parisien, 1913–1915.

The Annual Register, 1914–1916.

The Contemporary Review, 1913–1915. The Economist, 1913–1915.

The Fortnightly Review, 1913–1915.

The Times, 1913–1915.

Мемуары, письма и дневники

Андреев Л.Н. Дневник (1914–1915). М.: Atheneum-Феникс, 1994. Арамилев В. В дыму войны. М.: Мол. гвардия, тип. изд-ва «Молодая гвардия» в Лгр., 1930.

Белов В.М. Кровью и железом. Пг.: Б-ка Великой Войны, 1915.

Белов В.М. Лицо войны. Пг.: Кн-во бывш. М.В. Попова, 1915.

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990.

Берти Ф. За кулисами Антанты. Л.: ГИЗ, 1927.

Богданович П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос Айрес, 1964.

Бойцы вспоминают минувшие дни. М.: Воениздат, 1960.

Брусиллов А. А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001.

Бубнов А. В царской ставке: воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

Бутовский А.Д. В вагоне августейшего главного начальника военноучебных заведений. Пг., 1915.

Вавилов А. Записки солдата Вавилова. М.: Гос. изд-во, 1927.

Василевский Л.М. По следам войны. Пг., 1916.

Вишняков В. Наша армия. М., 1914.

Война в произведениях прозаиков и поэтов. М., 1915.

Война в русской поэзии. Пг.: Кн-во бывш. Попова, 1915.

Войтоловский Л.Н. 1914 и 1915. М.: Гос. изд-во, тип. Печатный двор в Лгр., 1928.

Войтоловский Л.Н. Восходил кровавый Марс. М., 1998.

Врангель Н.Н. Дни скорби. СПб.: Журнал «Нева»: Летний сад, 2001. Гиляровский В. А. Год войны. Думы и песни. М., 1915.

Гиппиус З.Н. Петербургские дневники, 1914–1918. М.: Центр «ПРО»: САКСЕСС, 1990.

Гире А. А. Письма и заметки. 1913–1915. Пг., 1916.

Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага: Пламя, 1926.

Гордиенко И.М. Из боевого прошлого, 1914–1918. М.: Госполитиздат, 1957. Гоштовт Г. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931.

Гумилёв Н.С. Записки кавалериста. Омск, 1991.

Гумилёв Н.С. Шестое чувство. М.: Моек, рабочий, 1990.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915. Берлин: Слово, 1924. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-пресс, 2003.

Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Дмитриев В. Доброволец. М.: ГИЗ. Отд. воен. лит., 1929.

- Дневник бывшего князя Андрея Владимировича, 1915. Л.: Госиздат, 1925. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регион, развития Санкт-Петербурга и др., 1995.
- Жоффер Ж. 1914–1915. Подготовка войны и ведение операций. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923.
- Заблудовская Р.М. Франция за пять лет. 1914–1919. Париж, 1920. Залевский М. Печаль минувших лет. Франкфурт-на-Майне, 1984.
- Захарова Л. Дневник сестры милосердия. На передовых позициях, 1914–1915. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915.
- Казем-Бек П. А. Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. Пг.: Сенат, тип., 1916.
- Канкрин И. В. От Гамбурга до Петрограда в 13 дней. Пг., 1914.
- Коллонтай А.М. Отрывки из дневника, 1914. Л.: Гос. изд-во, 1924.
- Косаткин-Ростовский Ф.Н. С войны. Пг., 1915.
- Ксюнин А. Народ на войне. Пг.: Суворин, 1916.
- Лемке М.К. 250 дней в царской ставке, 1916. Минск: Харвест, 2003.
- Лукомский А. С. Воспоминания ген. А. С. Лукомского. Берлин: Кн. изд-во О. Кирхнера, 1922.
- Милюков П.Н. Воспоминания, М., 2001
- Минцлов С.Р. Дебри жизни. Берлин: Сиб. кн. изд-во, 1915.
- Миронович В. Из записной книжки воина. Пг.: Постоянная комис. нар. чтений, 1916.
- Молостова Е. В. Солдатские письма. Казань: Жизнь и знание, 1917.
- Морозов К. И. Тяжкие годы. Берлин: Т-во «Кооп. изд-во», 1921.
- На передовых позициях. М., 1914.
- Набоков В. Д. Из воюющей Англии. Пг., 1916.
- Оськин Д. П. Записки прапорщика. М.: Федерация, 1931.
- Падучев В. Записки нижнего чина, 1916. М.: Моек, т-во писателей, тип. 1-й артели Сов. печатник, 1931.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991.
- Панкратов А. С. Кровавое зарево. Ярославль, 1915.
- Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Л.: Прибой, 1926.
- Платонова А.Ф. Великие дни (под первыми впечатлениями войны). Пг.: Синод, 1914.
- Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощников. 1907–1916. М.: Высш. воен. – редакц. совет, 1924.
- Поливанов А.А. Россия в мировой войне, 1914–1918 (в цифрах). М., 1925.
- Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. Белград, 1925.
- Пришвин М.М. Дневники, 1914–1917. М., 1991.
- Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915: Воспоминания. Мемуары. Ми.: Харвест, 2002.
- Рид Дж. Рождение нового мира. М.: Прогресс, 1987.

- Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М.: ИКАР, 2002.
- Розанов В.В. Последние листья. М.: Республика, 2000.
- Волконский С. Родина. М.: Захаров, 2002.
- Савинков Б. В. Во Франции во время войны. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России, 1917.
- Савинков Б. В. То, чего не было. М.: Современник, 1992.
- Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Logos, 1993.
- Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002.
- Сайн-Витгенштейн Е. Н. Дневник, 1914–1918. Париж: Имка-пресс, 1986. Самойло А. А. Две жизни. Л.: Лениздат, 1963.
- Саянский Л. Три месяца в бою. М., 1915.
- Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России, 2009.
- Соколов С. А. С железом в руке, с крестом в сердце. Пг., 1915.
- Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917. Мн., 2004
- Степной Н.А. Записки ополченца. Пг.: Изд. Петрогр. Совета Раб. и Солд. Депутатов, 1917.
- Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000.
- Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2005.
- Телепнев Б. По Европе во время войны. М.: Наша жизнь, 1916.
- Тонконогов И. Эпизоды войны. Пг., 1916.
- Фаворская М. А. О том, что было при мне. М., 1994.
- Фёдоров А.М. С войны. М.: Моек, книгоизд-во, 1915.
- Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. Федорченко С.З. Народ на войне. М.: Советский писатель, 1990. Фурманов Д. А. Дневник, 1914–1915—1916. М.: Моек, рабочий, 1929. Херасков И. Англия до и во время войны. Пг.: Коммун-т, 1923.
- Цвейг С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга, 1987.
- Чеботаев П. А. Немало нами хожено. Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1967. Черкасов И.Т., Костерин А.Е. Повесть о простых людях. М.: Воениздат, 1957. Чичаев И. А. Незабываемые годы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. Эррио Э. Из прошлого. М.: Изд. иностр. лит, 1958.
- Alexandre G.-R. Avec Joffre d'Agadir a Verdun. Paris: Berger-Levrault, 1932. Andre F. V. Les raisins sont bien beaux. Paris, 1977.
- Arthur M. Forgotten Voices of the Great War. A History of World War I in the Words of Men and Women Who Were There. Cambridge, 2004.
- As They Saw Us. New York: Doran, 1920.
- Asquith Н.Н. Memoires and reflections, 1852–1927. Vol. 2. Boston: Little, Brown, 1928.
- Aubry A. Ma captivite en Allemagne. Paris: Perrin, 1916.
- Barnard C. I. Paris War Days. Boston: Little: Brown, 1914.
- Barres M. Chronique de la guerre. Paris: Plon et Nourrit, 1934.

- Barres M. Pages choisies. Paris: Librairie Larousse, 1915.
- Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914–1918. Paris, 1981
- Bloch M. Memoirs of War. 1914–1915. London, 1980.
- Blunden E. Undertones of War. London: Oxford University Press, 1956. Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. Vol. 1. London: Cassell, 1923.
- Buchanan M. La dissolution d'un empire. Paris: Payot, 1933.
- Cambon V. Notre avenir. Paris: Payot, 1916.
- Clark A. Echoes of the Great War. New York: Oxford University Press, 1985. Clemenceau G. Discours de guerre. Paris: Presses univ. de France, 1968. Cook E. The Press in War-time. London, 1920.
- Corday M. L'envers de la guerre. Paris: Flammarion, 1932.
- Crozier F. P. A Brass Hat in No Man's Land. London: Cape, 1930.
- Daudet L. L'avant-guerre. Paris: Nouv. libraire nationale, 1915.
- Dupont M. En campagne, 1914–1915. Paris: Plon-Nourrit, 1916. Farmborough F. With the Armies of the Tsar: a Nurse at the Russian Front, 1914–1918. New York: Stein and Day publishers, 1978.
- Gallieni J.S. Memoires du marechal Gallieni. Paris: Payot, 1928.
- Gibbs P. L'ame de la guerre. Paris: Hachette, 1916.
- Gibbs P. Ten Years After: A Reminder. London, 1924.
- Graves R. Good-bye to all that. London: Hutchinson, 1929.
- Grey E. Twenty-five years, 1892–1916. Vol. 1–3. London: Stoughton, 1935. Gronsky P. P., Astrov N. J. The War and the Russian Government. New Haven: Yale University Press, 1929.
- Gurko B. War and Revolution in Russia, 1914–1917. New York: Macmillan, 1919. Hiscock E. The bells of hell go ting-a-ling-a-ling. London: Corgi books, 1976. Joffre J. Memoires du marechal Joffre, 1910–1917. Paris: Plon, 1932.
- Lansing R. War Memoirs. New York: The Bobbs Merrill Co., 1935.
- Letters from the Front, 1914–1918. London: Dent, 1973.
- Lloyd George D. War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 1. 1914–1915. New York: AMS press, 1982.
- Macdonald L. 1914–1918. Voices and Images of the Great War. London, 1989. Macmillan H. Winds of Change. London: Macmillan, 1966.
- Malcolm I. War Pictures behind the Lines. London: Elder, 1915.
- Miquel P. Les homes de la Grande guerre. Paris, 1987.
- Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story. New York: Page, 1926. Ohnet G. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la guerre de 1914. Paris: Societe d'editions litteraires et artistiques, 1914.
- Palmer F. My Year of War. L., 1916.
- Pares B. Day by Day with the Russian Army, 1914–1915. London: Constable,
- Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London: Cassell, 1988.
- Reinach J. Histoire de douze jours (23 juillet – 3 aout 1914). Origines diplomatique de la guerre de 1914–1917. Paris: Alcan, 1917.

Riddell G. The Riddell Diaries, 1908–1923. London: Atlantic Highlands, 1986. Russell A. The Machine gunner. Warwick: Roundwood, 1977.

Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell, 1914–1944. Toronto: Little, Brown and co., 1968.

The Russian Year Book for 1914. London: Eyre and Spottiswoode, 1915.

The Soul of Russia. London: Macmillan, 1916.

Thurstan V. Aventures d'une infirmiere anglaise en Belgique et sur le front russe. Paris: Payot, 1918.

Vivani R. As we see it. London: Harper, 1923.

Речи

Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Мн., 2003. Winston S. Churchill: His Complete Speeches. 1897–1963. Vol. 3. 1914–1922. New York, 1974.

Памфлеты

Агнивецев Н.Я. Под звон мечей. Пг., 1915.

А.Р. Вильгельм II – угроза гуманности и цивилизации. Киев: Б-ка Европейской войны, 1914.

Андреев Л. Н. В сей грозный час. Пг.: Пролетарий, 1915.

Бай де. Дело Вильгельма. М., 1915.

Бай де. Мировой германский вопрос. М., 1915.

Бай де. Нравоучения войны. М., 1915.

Беляев А. А. По поводу современной войны. Сергиев Посад: тип. Св. – Тр. Сергиевой лавры, 1915.

Бешеный Вильгельм. М., 1914.

Борьба славян за независимость. Калуга, 1914.

Бутру Э. Германия и война. Пг.: Синод, тип., 1914.

Великая война. Пг., 1914.

Викторов С.М. Вековая борьба славянства с миром германским. Киев, 1914. Вильгельм кровавый. История последних дней. М., 1914.

Вильгельм Кровавый. Он! Вильгельм душевнобольной. Его судьба. М.: Зарево, 1914.

Виноградов П. Г. Россия на распутье. М.: Территория будущего, 2008.

Виппер Р. Гибель европейской культуры. М.: Знание – сила, 1918.

В огне. Пг., 1914.

Война народов 1914–1917. Пг., 1917.

Демчинский Б. Сокровенный смысл войны. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1915.

Джурович Д.П. Немцы и славяне. Мн.: Конаржевский, 1916.

Кузмин С. Война народов. Пг., 1915.

Любомудров С. Изнанка немецкой культуры. Русский учитель – жертвам войны. Варшава, 1915.

Назаревский Б. Война за правду. Как началась великая европейская война? М., 1915.

- Быховский В. В. Немецкий страх перед «Русской опасностью». Как объясняют сами немцы истинные причины войны? М., 1914.
- Оссендовский А.М. Великое преступление. Пг.: Суворин, 1915.
- После войны. Германизм и славянство. Условия мира. Пг.: б. Мелье и Ко, 1915.
- Рассказы наших раненых о последних сражениях с немцами. М., 1914. Рассказы очевидцев о войне. М., 1914.
- Ратник Ф.Н. Рассказы о войне. Пг., 1915.
- Резанов А.С. Немецкие зверства. Пг.: Суворин, 1915.
- Страхов П. Зло Германии и его религиозно-философские причины. М., 1915.
- Теплая компания. Те, с кем мы воюем. Пг., 1915.
- Ульянов А. Беспокойная империя. М., 1915.
- Ульянов А. Н. Бронированный кулак. Вильгельм II. М., 1915. Юмористический альманах. Бешеные немцы. М., 1915.
- Aulard F. A. La paix future. Paris: Colin, 1915.
- Brailsford H.N. Belgium and “the Scrap of Paper”. London: The independent labour Party, 1915.
- Brailsford H.N. The Fruits of our Russian Alliance. London: The Anglo-Russian com., 1913.
- Brailsford H.N. The Origins of the Great War. London: The union of democratic control, 1914.
- Denis E. La guerre. Causes immediate et lointaines. Paris: Delagrave, 1915. Dontenville J. Apres la guerre. Les Allemagnes. Paris: Floury, 1915.
- Dubois E. Consideration sur la Guerre de 1914–1915. Paris: Charles lavauzelle, 1915.
- Gauvain A. Les origines de la guerre europeenne. Paris: Colin, 1915.
- Lanson G. Culture allemande, humanite russe. Paris: Payot, 1915.
- Lavisse E., Andler Ch. Pratique et doctrine allemandes de la guerre. Paris: Colin, 1916.
- Rudeano. L’ame de la victoire. Bucarest, 1919.
- Savarit C.M. Leur but. Paris: Floury, 1915.
- Voix americaines sur la guerre de 1914–1915. Nancy: Levrault, 1915.
- Wells H. G. The War that Will End War. London: Palmer, 1914.
- Wettstein G. La crise europeenne. La guerre, ses causes, ses resultats, la Cour d’arbitrage, l’armistice, etc., au point de vue neutre et objectif. Lausanne, 1914.

Исторические исследования

- Айрапетов О.Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и Новейшая история. 2003. № 5. С. 191–224.
- Айрапетов О. Р. Война начиналась под радостные крики... // Свободная мысль – XXI. Теоретический и политический журнал. 2004. № 9. С. 15–23.
- Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М.: Модест Колеров, 2003.
- Айрапетов О.Р. Репетиция настоящего взрыва. Немецкий погром в Москве // Родина. 2010. № 1. С. 93–97.
- Айрапетов О.Р. Репетиция настоящего взрыва// Родина. 2010. № 3. С. 84–89.

- Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М.: Кучково поле, 2014.
- Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в первой мировой войне (1914–1917): 1915. Апогей. М.: Кучково поле, 2014.
- Алеврас Н.Н. Первая мировая война в сознании российских историков-современников // Человек и война. Война как явление культуры. М.: АИРО-XX, 2001.
- Алексеева И. В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914–1917. Л.: Лениздат, 1990.
- Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте, 1907–1917. М.: Альянс-Архео, 2009.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс – Кучково поле, 2001.
- Антюхина-Московченко В. И. История Франции. 1980–1918. М.: Изд-во ИМО, 1963.
- Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М.: Мысль, 1986.
- Ашин Г. К. Элитология: учебное пособие для гуманитарных факультетов вузов. М.: МГИМО-Университет, 2005.
- Базанов С.Н. Алексей Алексеевич Брусилов. М.: Цейхгауз, 2006.
- Базанов С.Н. Патриотический подъем в российском обществе в начале Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. М.: Экономическая литература, 2006. С. 154–165.
- Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. (1914–1917). М.: РОССПЭН, 2004.
- Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война. М.: АСТ: Астрель, 2006.
- Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914 – февраль 1917 гг. М.: АИРО-XX1, 2011.
- Белогурова Т.А., Журов Ю. В. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны. (1914 – февраль 1917). Смоленск: ФГУ “Смоленский ЦНТИ”, 2006.
- Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
- Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну, 1914–1918 гг. М.-Л.: Госиздат, 1928.
- Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. М.: Издательство Московского университета, 1972.
- Богомолов С.А. Имперская идея в Великобритании в 70—80-е годы XIX века. Ульяновск, 2000.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.
- Васюков В. С. К историографии внешней политики России в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 13–32.
- Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1914–1915 годах // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 444–499.

- Введение в теорию международных отношений. М.: Издательство Московского университета, 2001.
- Виноградов В.Н. 1914 год: быть войне или не быть? // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года. М.: Наука, 2006. С. 161–164.
- Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 62–74.
- Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970.
- Виноградов К. Б. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 62–74.
- Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994.
- Власова В. Б. Юрген Хабермас, современность и дух времени // История методологии социального познания. Конец XIX – начало XX века. М., 2001. С. 236–246.
- Власть и пресса. К истории правового регулирования отношений: 1700–1917. М.: Изд-во Российской академии государственной службы (РАГС), 1999.
- Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. (1914 – весна 1917). М.:РОССПЭН, 2003.
- Галкин И.С. Третья Республика во Франции, 1871–1914. М., 1940.
- Гатагова Л. С. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. 2002. № 10. С. 18–23.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
- Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1995. С. 40–80.
- Гилберт М. Первая мировая война. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.
- Головникова Е.Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Мемуары А.А. Игнатъева как источник по русско-французским отношениям накануне и в период Первой мировой войны. // Век нынешний и век минувший. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного университета, 1999. С. 37–56.
- Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012.
- Горшков М.К. Общественное мнение. История и современность. М.: Политиздат, 1988.
- Гурвич С.Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX века. М.: Наука, 1976.
- Дабосин П.С. «Критическая» теория общества и государства Ю. Хабермаса: методологический аспект. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2001.
- Давидсон А. Б. Николай Гумилёв: Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич, 2001.

- Дьячков В.Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloквиума, 1–5 июня 1998 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Евдокимова Н.П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
- Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2000.
- Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008.
- Иванов А. И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2005.
- Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1912–1914). СПб., 1997.
- Йованович М. «Умереть за Родину»: Первая мировая война, или столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. М.: Три квадрата, 2002. С. 136–157.
- Карлинер М.М. Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны. (1914–1918). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- Кашлев Ю., Галумов Э. Информация и PR в международных отношениях. М.: Известия, 2003.
- Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2002.
- Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны. (Июль 1914 – февраль 1917). М., 2005.
- Козенко Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Костриков С.П. Россия в Первой мировой войне. М., 2000
- Кострикова Е. Г. Российский МИД в борьбе за европейское общественное мнение в годы Первой мировой войны // Россия в XIX–XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 199–215.
- Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2007.
- Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. (1914–1917). Рязань: П. А. Трибунский, 2004.
- Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть. (1912 – март 1917). Могилёв: Изд-во Могилёвского государственного университета, 2006.
- Либерман А.А., Шокарев С.Ю. Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова,
- Ливен Д. Россия, Европа и Первая мировая война // Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / под ред. Э. Актона, У. Г. Розенберга, В.Ю. Черняева. СПб.: Нестор-история, 2014. С. 52–59.
- Локтева Н. А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдат Первой мировой войны. (По документам Госархива Самарской области) //

- Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года. М.: Наука, 2006. С. 100–106.
- Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
- Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
- Мальков В.Л. О новых подходах в изучении Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года. М.: Наука, 2006. С. 17–26.
- Мансуров М. Плюрализм в исследовании общественного мнения // Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. С. 5—26.
- Марков О. Д. Русская армия. (1914–1917). СПб.: Галея Принт, 2001.
- Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007.
- Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Миллер А. И. Национализм и империя. М.: Объединенное гуманитарное изд-во (ОГИ), 2005.
- Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: Междунар. отношения, 1980.
- Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
- Морозова Н.В., Назарова Т. П. Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград, 2015.
- Национальная идея: история, идеология, миф. М.: Современная экономика и право, 2004.
- Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. В 2 т. М., Л.: Акад. наук СССР, 1947.
- Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996.
- Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума, 1–5 июня 1998 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Основы общей теории международных отношений. М.: Издательство Московского университета, 2009.
- Павлов А.Ю. Франко-русские переговоры об отправке русских войск во Францию в 1915–1916 гг. // Первая мировая война и международные отношения. СПб.: Изд-во “KN”, 1995. С. 92–97.
- Первая мировая война. М.: ГУГК, 1968.
- Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова и А. С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2014.
- Первая мировая война. Энциклопедический словарь / Рук. проекта академик А.О. Чубарьян. Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: Весь мир, 2014.
- Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVII–XX вв.: Очерки политического развития. М.: Книжный дом Университет (КДУ), 2010.

- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985.
- Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 46–57.
- Полетика Н.П. Возникновение первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964.
- Политические партии и общество в России 1914–1917 гг. М., 2000.
- Положение и борьба британского рабочего класса. М.: Наука, 1974.
- Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.
- Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского отделения Российской академии наук (УРО РАН), 2000.
- Поршнева О. С. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 – февраль 1917) // Человек и война. Война как явление культуры. М.: АИРО-XX, 2001. С. 190–216.
- Привалова Е.А. Российская печать и зарубежные информационно-пропагандистские службы в контексте мировых событий 1914–1920 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 3. С. 106–111.
- Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М.: Мысль, 1983.
- Прокопов А.Ю. Британская империя: общество и вызовы войны // Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2005. С. 297–310.
- Прокопов А.Ю. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука. 2008. С. 265–305. Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма. М., 1978.
- Ревякин А. В. Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 484–503.
- Ревякин А. В. Франция: «Священное единение» // Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. С. 310–320.
- Ревякин А. В. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008. С. 232–264.
- Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914. М.: МАКС-Пресс, 2008.
- Романова Е.В. Современные дискуссии о причинах и характере Первой мировой войны // Партитура Второй Отечественной. Великая война 1914–1918. М.: Вече, 2015. С. 136–152.
- Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М.: Воениздат, 1964.
- Русский плакат Первой мировой войны. М.: Искусство и культура, 1992.
- Рябов О. В. Свои и Чужие в гендерном дискурсе российской пропаганды Первой мировой войны // Российское общество. Гендерное измерение. Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. С. 108–121.
- Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium, 1–5 июня 1998 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 202–216.

С движков Д. А. Идеи ненасилия в образованных слоях Германии и России накануне Первой мировой войны // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М., 2000. С. 131–153.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

Сенявская Е.С., Миронов В. В. Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века. В 3 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. С. 519–536.

Сергеев Е.Ю. Франция глазами военных атташе Российской империи (1900–1914) // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 3. М., 2000. С. 195–216.

Сергеев Е.Ю., Улунян Ар. А. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900–1914. М., 2003.

Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума, 1–5 июня 1998 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 257–270.

Смирнова И. В. Томми идет на войну: дорога английских солдат на фронт в 1915 г. // Человек и война в XX в. Материалы межвузовской научно-практической конференции 2 июня 2007 г. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2007. С. 96–101.

Современная мировая политика: Прикладной анализ. М.: Аспект Пресс, 2009.

Сокольская Н.Ф. Англо-германское морское и колониальное соперничество накануне Первой мировой войны. М., 1987.

Соловьёв С. А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГУ, 1985.

Солонин Ю.Н. Опыт войны: от впечатления к метафизике // Первая мировая война: история и психология. (Материалы Российской научной конференции 29–30 ноября 1999 г.) СПб., 1999. С. 7–8

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М.: Госполитиздат, 1959.

Стокдейл М. Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 283–292.

Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 36–82.

Сухова О.А. Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 121–140.

Такман Б. Августовские пушки. М.: Мол. гвардия, 1972.

Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.: Гос. изд., 1928.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1968.

Тыщевский И.Т. Происхождение Первой мировой войны. М.: Международные отношения, 2015.

- Тютюкин С. В. Патриотический подъем в начале войны // Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. С. 359–364.
- Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М.: Наука, 2008. С. 120–160.
- Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, 1998.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Хеллман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloквиума, 1–5 июня 1998 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 303–314.
- Хмелевская Ю.Ю. «Большая игра?» Роль спортивной этики в поддержании морального духа британской армии в Первой мировой войне // Человек и война. Война как явление культуры. М.: АИРО-XX, 2001. С. 82–97.
- Хмелевская Ю.Ю. Британия в 1914–1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы межвузовской научной конференции. Самара, 10–11 декабря 2004 г. Самара: Универс-групп, 2005. С. 150–158.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.
- Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроением населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Самара: Самарский университет, 2001. С. 45–93.
- Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloквиума, 1–5 июня 1998 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–102.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Цензура в России: история и современность. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008.
- Чертищев А. В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны. (Июль 1914 – март 1918). М.: Изд-во Военно-воздушной инженерной академии, 2006.
- Юдин Н.В. Английское и французское общество в начале Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 16–28.
- Юдин Н.В. Война далекая и близкая: представления о военной угрозе в странах Антанты накануне Первой мировой войны (1913 – июнь 1914) // Исторические исследования. 2014. № 1. С. 143–165.
- Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 17–25.

- Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны: историографический миф или исторический факт? // Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Т. 1. Москва, ИВИ РАН – МГУ имени М.В. Ломоносова – МГПУ, 8—10 сентября 2014 г. ИВИ РАН Москва, 2014. С. 262–268.
- Юдин Н. В. Полемика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе 1913 г.: к вопросу об общественных настроениях во Франции накануне Первой мировой войны // *Per Aspera...* Вып. 3. М., 2011. С. 155–168.
- Юдин Н.В. «Проблема подготовленности общественного мнения стран Антанты к войне на примере «Газетной войны» 1914 года». Тезисы // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е.А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Юдин Н.В. Реакция английского общественного мнения на Июльский кризис 1914 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 3. Часть 1. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2012. С. 214–220.
- Юдин Н.В. Реакция населения России и Франции на Июльский кризис 1914 г. // Преподавание истории в школе. 2014. № 6. С. 3—10.
- Юдин Н.В. Реакция населения России и Франции на Июльский кризис 1914 г. (окончание) // Преподавание истории в школе. 2014. № 7. С. 14–21.
- Юдин Н.В. Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (август – декабрь 1914). // Известия Саратовского университета. Серия «История, Международные отношения». Т. 12. Выпуск 3. Саратов: Изд-во СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2012. С. 50–59.
- Юдин Н. В. Ужасное время, противное // Родина. 2014. № 11. С. 14–16.
- Ян Х. Русский патриотизм во время Первой мировой войны // Россия (1856–1917) и Германия (1871–1918): Две империи в историографии и школьных учебниках. М.: МИРОС, 1999. С. 120–133.
- Яхимович З. П. 1914–1918 годы: у истоков тоталитаризма и «массовой демократии» // Первая мировая война. Пролог XX в. М.: Наука, 1998. С. 221–235.
- Anderson R. D. France 1870–1914. Politics and Society. London: Routledge and Kegan Paul, 1977.
- Audoin-Rouzeau S. “Bourrage de crane” et information en France en 1914–1918 // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 163–174.
- Audoin-Rouzeau S. Children and Primary Schools of France, 1914–1918 // State, Society and Mobilization in Europe During the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 39–52.
- Audoin-Rouzeau S. Historiographie et histoire culturelle du Premier Conflit mondial. Une nouvelle approche par la culture de guerre? // La Grande Guerre 1914–1918: 80 ans d’historiographie et de representation. Montpellier, 2002. P. 323–337.
- Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14–18: retrouver la guerre. Paris: Gallimard, 2000.
- Audoin-Rouzeau S., Becker A. La Grande guerre 1914–1918. Paris: Gallimard, 1998.
- Beaverbrook W. M.A. Politicians and the War, 1914–1916. London: Archon books, 1968.
- Becker A. La guerre et la foi. Paris: Colin, 1994.
- Becker A., Inglis K. War and Faith: The Religious Imagination in France, 1914–1930. Oxford; New York: Berg, 1998.

- Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.
- Becker J.-J. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 35–37.
- Becker J.-J. La première guerre mondiale. Paris: MA ed., 1985.
- Becker J.-J. The Great War and the French People. New York; Oxford: Berg Publishers, 1986.
- Beloff M. Wars and Welfare. Britain 1914–1945. Baltimore: Arnold, 1984.
- Bentley M. The Liberal Mind, 1914–1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Bestuzhev I.V. Russian Foreign Policy. February – June 1914 // 1914: The Coming of the First World War. New York: Harper and Row, 1966. P. 91–112.
- Beveridge W. Prices and Wages in England from the Twelfth to the Nineteenth Century. London: Cass, 1965.
- Bond B. War and Society in Europe, 1870–1970. Bungay: Fontana paperbacks, 1984.
- Bourne J. M. Britain and the Great War, 1914–1918. New York: Arnold, 1989.
- British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Buitenhuis P. The Great War of Words. Literature as Propaganda 1914–1918 and After. London: Batsford, 1989.
- Bunselmayer R. E. The Cost of the War, 1914–1919. Hamden: Archon books, 1975.
- Bury J.P.T. France, 1814–1940. London: Methuen, 1969.
- Cannadine D. Ornamentalism. How the British Saw Their Empire. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Carroll M. E. French Public Opinion and Foreign Affairs. 1870–1914. London: Cass, 1931.
- Carsten F.L. War against War. London: Batsford, 1982.
- Ceadel M. Pacifism in Britain, 1914–1945. Oxford: Clarendon press, 1980.
- Chickering R. Great War, Total War: Combat and Mobilization on the Western Front, 1914–1918, Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Chickering R. Total War: the Use and Abuse of a Concept // Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 13–28.
- Clark C. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. New York: Harper, 2014.
- Cochet F. Survivre au front 1914–1918: Les Poilus entre contrainte et consentement. Paris: SOteca/14—18 editions, 2005.
- Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. New Haven: Yale University Press, 1992.
- Crutwell C.R.M.F. A History of the Great War, 1914–1918. Oxford: The Clarendon press, 1936.
- Dahlmann D. Russia and the Outbreak of the First World War // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 53–63.
- Dictionnaire de la Grande Guerre. 1914–1918. Paris: Larousse, 2008.
- Duroselle J.-B. La France et les Français. 1900–1914. Paris: Richelieu, 1972.
- Duroselle J.-B. La Grande guerre des Français. ^incompréhensible. Paris: Perrin, 1994.
- Duroselle J.-B. La politique extérieure de la France de 1914 à 1945. Paris: Centre de documentation univ., 1965.

- Duroselle J.-B. *Les relations franco-allemandes de 1914 a 1939*. Paris: Centre de documentation univ., 1967.
- Ekstein M. *Rites of Spring: the Great War and the Birth of the Modern Age*. New York: Bantam press, 1989.
- Eksteins M., Steiner Z. S. *The Sarajevo Crisis // British Foreign Policy Under Sir Edward Grey*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 397–410.
- Ferro M. *The Great War 1914–1918*. London: Routledge, 1973.
- Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. London: Oxford University Press, 1979.
- Gatrell P. *Russia's First World War: a Social and Economic History*. Harlow: Pearson/Longman, 2005.
- Gilbert B.B. *British Social Policy. 1914–1939*. London: Batsford, 1970.
- Gilbert M. *Churchill: A Life*. London: Minerva, 1992.
- Girardet R. *Le nationalisme frangais, 1871–1914*. Paris: Colin, 1966.
- Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Grigg J. *Lloyd George: From Peace to War*. London: Methuen, 1985.
- Gullace N.F. *Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // American Historical Review*. 1997, June. Vol. 102. P. 714–747.
- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1989.
- Hale O.J. *Publicity and Diplomacy, with Special Reference to England and Germany*. London, New York: Appleton-century co., 1940.
- Hamilton R.F., Herwig H. H. *The Origins of World War I*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Haste C. *Keep the Home Fires Burning. Propaganda in the First World War*. London: Lane, 1977.
- Hazlehurst C. *Politicians at War*. London: Knopf, 1971.
- Herrmann D.G. *The Arming of Europe and the Making of the First World War*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Hiley N. *The News Media and British Propaganda // Les societes eu-ropeennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990. P. 175–181.
- Horne J. *Mobilizing for "Total War", 1914–1918 // State, Society and Mobilization in Europe During the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 1—18.
- Horne J. *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Inis L.C. *The Impact of Public Opinion upon Foreign Policy and Diplomacy*. London: Mouton, 1965.
- Joll J. *The Origins of the First World War*. New York: Longman, 1984.
- Jones S.R. *Posters and their Designers*. London: Holme, 1924.
- Keiger J.F.V. *Britain's "Union Sacree" in 1914 // Les Societes europeennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990. P. 39–52.
- Keiger J.F.V. *France and the Origins of the First World War*. London: Macmillan, 1983.

- Kratochwil F., Ruggie J. G. *International Organization: A State of the Art on an Art of the State // International Organization*. Vol. 40.1987. № 3. P. 753–775.
- Kreigel A. *Aux origines du communisme frangais, 1914–1920*. T. 1–2. Paris: Mouton, 1964.
- Kreigel A., Becker J.-J. 1914. Paris: Colin, 1964.
- Laborie P. *Opinion publique // Historiographies. Concepts et debats*. Paris: Gallimard, 2011. P. 787–797.
- Lafore L. *The Long Fuse*. London: Nicolson, 1965.
- Laity P. *The British Peace Movement, 1870–1914*. Oxford: Clarendon Press, 2004
- Lane P. *The Conservative Party*. London: Batsford, 1974.
- Lasswell H.D. *Propaganda Technique in World War I*. London: Kegan Paul, 1927.
- Leed E.J. *No Man's Land. Combat and Identity in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Liddle P. H. *Testimony of War, 1914–1918*. Salisbury: Michael Russel, 1979. Liddle P. H. *Voices of War*. London: Cooper etc., 1988.
- Lieven D. *Russia, Europe and World War I // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. London, 1997. P. 37–47.
- Lincoln B.W. *Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution*. New York: Oxford University Press, 1986.
- Loez A. 14–18: *Les refus de la guerre. Une histoire des mutins*. Paris: Gallimard, 2010.
- Loez A. *La Grande Guerre*. Paris: La Decouverte, 2010.
- Luntinen P. *French Information on the Russian War Plans, 1880–1914*. Helsinki: SHS, 1984.
- MacKenzie J.M. *Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion. 1880–1960*. Manchester: Manchester University Press, 1985.
- Martin N. *Nietzsche as Hate Figure in Britain's Great War: "The Execrable Neech" // The First World War as a Clash of Cultures*. Rochester: Camden House, 2006. P. 147–166.
- Marwick A. *The Deluge. British society and the First World War*. London: Palgrave, 2006.
- Marwick A. *War and Social Change in the Twentieth Century. A Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the United States*. New York: St. Martin's Press, 1974.
- Matthew H.C.G. *The Liberal Imperialists*, Oxford: Oxford University Press, 1973.
- Mayeur J.-M. *La vie politique sous la Troisieme Republique, 1870–1940*. Paris: Ed. de Seuil, 1984.
- McMillan J. *The Way it was, 1914–1934*. London: Kimber, 1979.
- McPhee P. *A Social History of France, 1789–1914*. New York: Palgrave, 2004.
- Medlicott W. N. *Contemporary England, 1914–1964*. New York: McKay, 1967. Michon G. *La preparation a la guerre. La Loi de trois ans, 1910–1914*. Paris: M. Riviere, 1935.
- Monger G. *The End of Isolation*. London: Nelson, 1963.
- Montant J.-C. *L'organization centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la grande guerre. // Les societes europeennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990. P. 135–143.
- Mosse G.L. *De la Grande Guerre au totalitarisme, la brutalization des societes europeenes*. Paris: Hachette literatures, 1999.

- Mosse G.L. *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University Press, 1990.
- Mulligan W. *The Origins of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Nationhood and Nationalism in France: From Boulangism to the Great War, 1889–1918*. New York: Harper, Collins acad., 1991.
- Neilson K. E. *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917*. Oxford: Clarendon Press, 2003.
- Neilson K.E. *Wishful Thinking: The Foreign Office and Russia, 1907–1917 // Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895–1939*. Edmonton: The University of Alberta Press, 1984. P. 151–180.
- Nere J. *The Foreign Policy of France from 1914 to 1945*. London: Routledge & Kegan Paul, 1975.
- Nomicos E.V., North R.C. *International Crisis: The Outbreak of World War I*. London: McGill-Queen's University Press, 1976.
- Pares B. *The Fall of the Russian Monarchy in War and Revolution*. New York: Cassell, 1936.
- Pennell C. "The Germans have Landed!": Invasion Fears in the South-East of England, August to December, 1914 // *Untold War. New Perspectives in First World War Studies*. Boston: Brill, 2008. P. 95—118.
- Peterson H.C. *Propaganda for War. The Campaign against American Neutrality, 1914–1917*. Washington: Kennikat press, 1968.
- Philpott W.J. *Anglo-French Relations and Strategy on the Western Front, 1914–1918*. London: King's college, 1996.
- Read J. M. *Atrocity Propaganda, 1914–1919*. London, 1941.
- Renouvin P. *La crise europeenne et la Grande guerre*. Paris: Alcan, 1934. Rickards M., Moody M. *The First World War*. London: Jupiter, 1975.
- Robert J.-L. *The Image of Profiteer // Winter J. M., Robert J.-L. Capital Cities at War*. Paris, London, Berlin, 1914–1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 104–132.
- Rogger H. *Russia in 1914 // 1914: The Coming of the First World War*. New York: Harper and Row, 1966. P. 229–253.
- Rousseau F. *La guerre censuree, une histoire des combattants europeennes de 14–18*. Paris: Seuil, 1999.
- Sagan S.D. *1914 Revisited. Allies, Offense and Instability // International Security*. Cambridge, 1986. Vol. 11. № 2. P. 151–175.
- Sanders M.L., Taylor P. M. *British Propaganda during the First World War, 1914–1918*. London: Macmillan, 1982.
- Schor R. *La France dans la Premiere guerre mondial*. Paris: Colin, 1997.
- Searle G.R. *A New England: Peace and War*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. *France and the Great War, 1914–1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Steiner Z.S. *Britain and the Origins of the First World War*. London: St. Martin's Press, 1977.
- Steiner Z.S. *The Foreign Office and Foreign Policy, 1898–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

- Stevenson D. *Armaments and the coming of war: Europe, 1904–1914*. London: Clarendon Press, 1996.
- Stevenson J. *British Society, 1914–1945*. London: Lane, 1984.
- Strachan H. *The First World War. Vol. I: To Arms*. New York: Oxford University Press, 2001.
- Stromberg R.N. *Redemption by War. The Intellectuals and 1914*. Lawrence, Kansas: Regents Press of Kansas, 1982.
- Swartz M. *The Union of Democratic Control in British Politics during the First World War*. Oxford: Clarendon press, 1971.
- Sweet D. *The Domestic Scene: Parliament and People // Home Fires and Foreign Fields*. London: Brassey's defence publ., 1985. P. 9—20.
- Taylor A. J.P. *Illustrated History of the First World War*. New York: Putnam, 1964.
- Taylor A. J. P. *The Trouble Makers*. London: H. Hamilton, 1957.
- The Upheaval of War: Family, Work and Welfare in Europe, 1914–1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Tint H. *The Decline of French Patriotism, 1870–1940*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1964.
- Verhey J. *The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Waites B. *A Class Society at War, England 1914–1918*. New York: St. Martin's press, 1987.
- Wallace S. *War and the Image of Germany*. Edinburgh: J. Donald Publishers, 1988.
- Weber E. *Peasants into Frenchmen*. Stanford: University Press, 1976.
- Weber E. *The Nationalist Revival in France, 1905–1914*. Berkeley: University of California Press, 1959.
- Wendt A. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Relations*. Vol. 46.1992. № 2. P. 391–425.
- Wendt A. *The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization*. Vol. 41.1987. № 3. P. 335–370.
- Whyte I.B. *Anglo-German Conflict in Popular Fiction, 1870–1914 // The First World War as a Clash of Cultures*. Rochester: Camden House, 2006. P. 43—100.
- Wilson T. *The Downfall of the Liberal Party, 1914–1935*. New York: Cornell University Press, 1966.
- Winter J.M. *Paris, London, Berlin, 1914–1919: Capital Cities at War // Winter J.M., Robert J.-L. Capital Cities at War. Paris, London, Berlin, 1914–1919*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 3—24.
- Winter J.M. *Popular Culture in Wartime Britain // European Culture in the Great War: the Arts, Entertainment, and Propaganda, 1914–1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 330–348.
- Winter J.M. *Propaganda and the Mobilization of Consent // The Oxford Illustrated History of the First World War*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 216–226.
- Winter J. M. *The Experience of World War I*. Edinburgh: Southside, 1988. Winter J.M., Baggett B. 1914—18: *Le grand bouleversement*. La Cite: Presses de la Cite, 1997.
- Wohl R. *French Communism in the Making, 1914–1924*. Stanford: Stanford University Press, 1966.

Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge: Harvard University Press, 1979.

Woodward L. Great Britain and the War of 1914–1918. London: Methuen, 1986.

Zuckerman F. The Tsarist Secret Police and Russian Society, 1880–1917. New York: New York University Press, 1996.

Zuckerman L. The Rape of Belgium: The Untold Story of World War I. New York: New York University Press, 2004.

Неопубликованные диссертации:

Акопов А. А. Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны.: Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008.

Белогурова Т. А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: Дисс.... канд. ист. наук. Брянск, 2006.

Галимова М. А. Общественное мнение и власть: социально-философский анализ взаимодействия.: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2006.

Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны.: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2011.

Сенокосов А. Г. Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу (1907–1914): Дисс.... канд. ист. наук. М., 2005.

Смирнова И. В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914–1918 гг.: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2011.

Цыкалов Д.Е. Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны: июль 1914 – февраль 1917 г.: Дисс.... канд. ист. наук. Волгоград, 2003.

Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России».: Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Русский военный лубок Первой мировой войны

І. «Васька котъ / Прусскій, – Врагъ / Русскій».

Пг.: Хромо-лит. В. М. Шмигельского, б. г.

II. «Чертъ нянѣчаетъ своего сына / изъ Берлина».

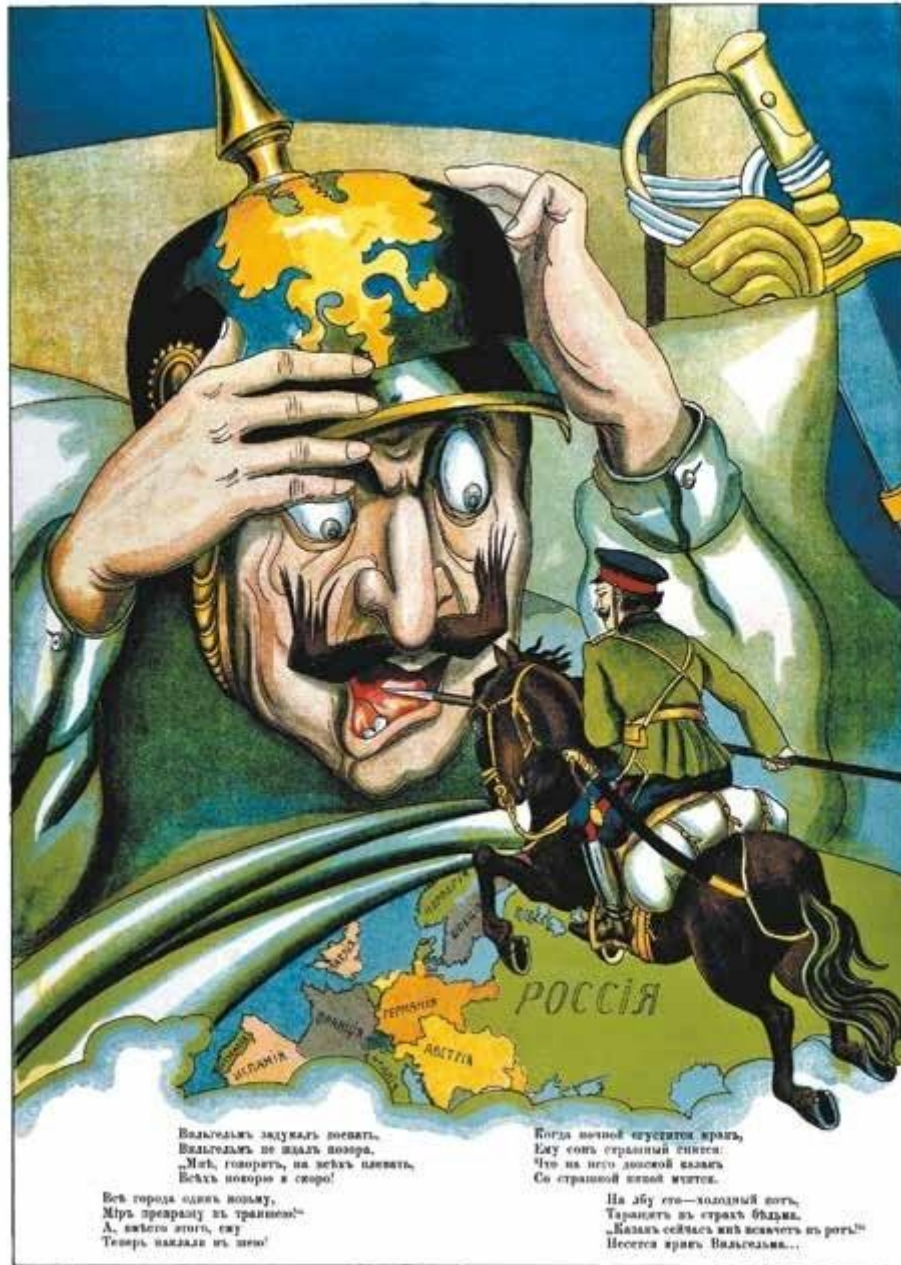
Пг.: Хромо-лит. В. М. Шмигельского, б. г.

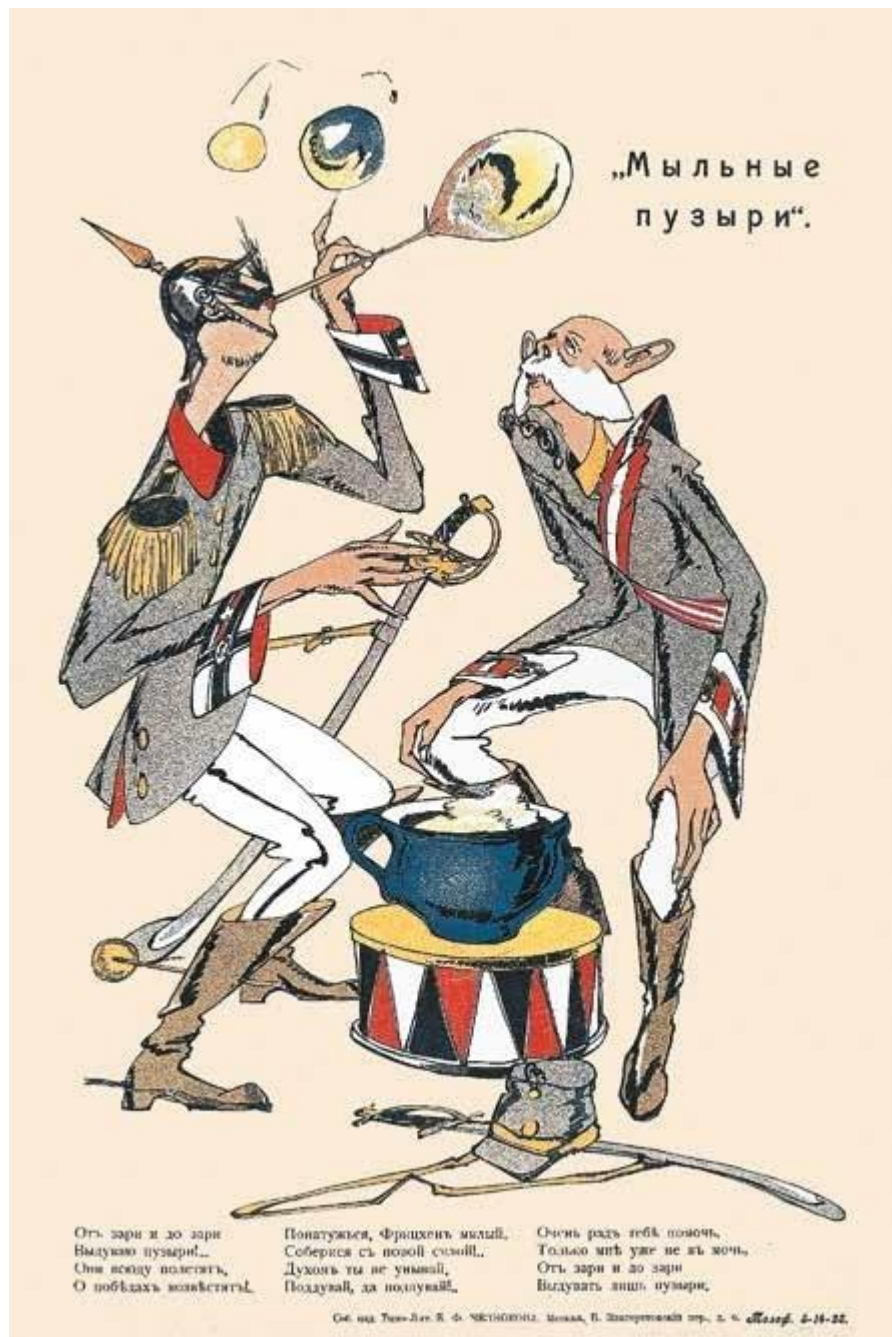
III. «Чтожъ, теперь узнаешь вкусъ, / Потяну тебя за усъ...».

М.: Ф-ка плакатов А. Ф.Постнова, 1914.

БРЕДЪ ВИЛЬГЕЛЬМА

IV. «Бредъ Вильгельма»^[970].

М.: Т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1914.

VI. «Мыльные пузыри»*.

М.: Типо-лит. Е. Ф. Челнокова, б. г.

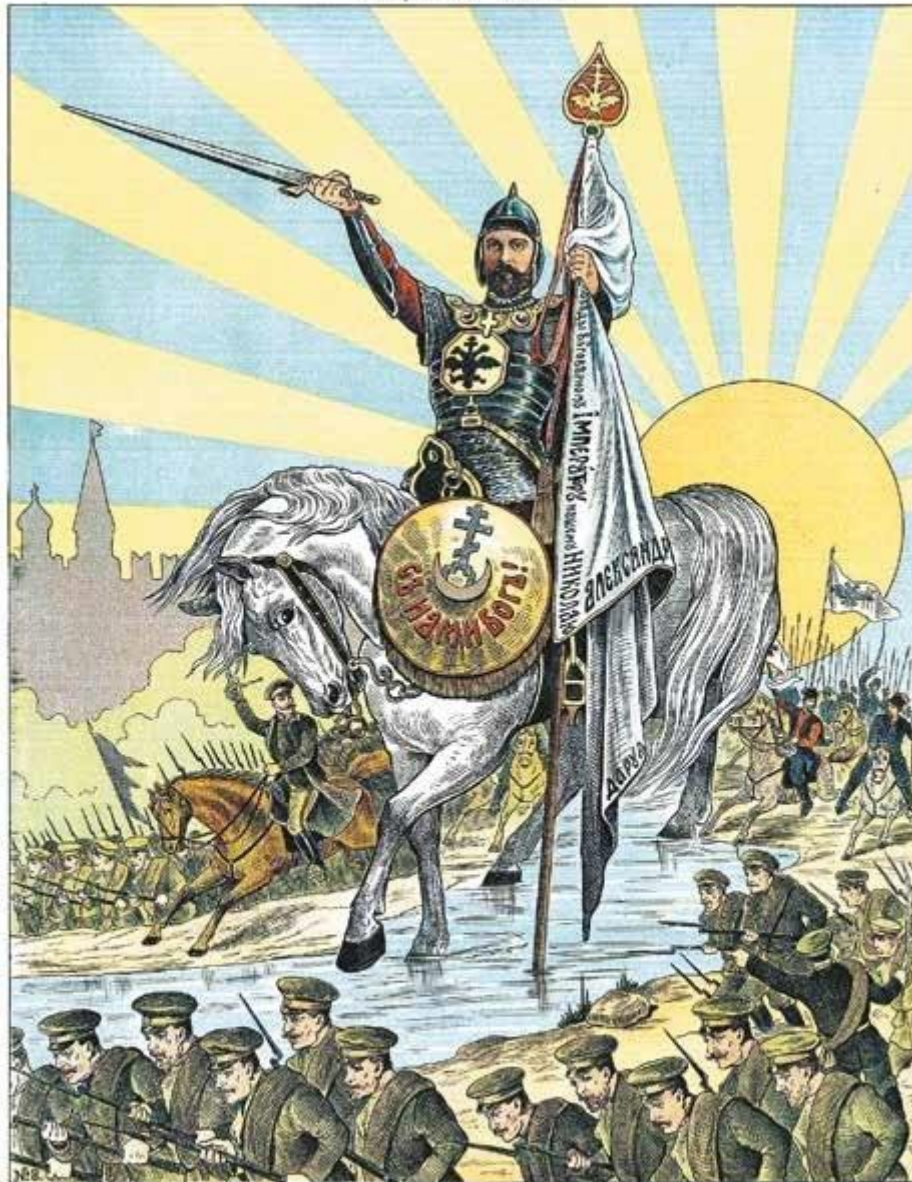
VII. «Глядите здѣсь, смотрите тамъ, / Австріецъ весь ползеть по швамъ...».

М.: Ф-ка плакатов А. Ф. Постнова, 1914.

VIII. «Посмотри-ка, мой дружище...»*. Худож. С. Иванов.
 М.: ЭСТЕБЕ, 1914 (Лит. И. Я. Виноградова).

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

Могучая Русь

Иллюстрация М. А. Стрельцова, Москва. 1-е издание, 1915 г.

Война. Ослепая сила войны губит,
 Плачет по земле, прощая смерть
 И бранит ослепая, когда дым войны
 Голосит: «Вставай, Россия — воюем!»
 Шедшие сармат, Россия — воюем!
 Прощай, любимый вид на крыльях:
 Любовь, пусть для страны востанет.

Паша в сердце своем ищет истребления,
 Но оружием лишь смерти и догматы востанет.
 Завоевать хочет землю, а не мир любить.
 Пусть погибнет царем, враг невольный!
 О, жаль не страшился от гнева истребления,
 Господи не будь так жесток, омой кровь.

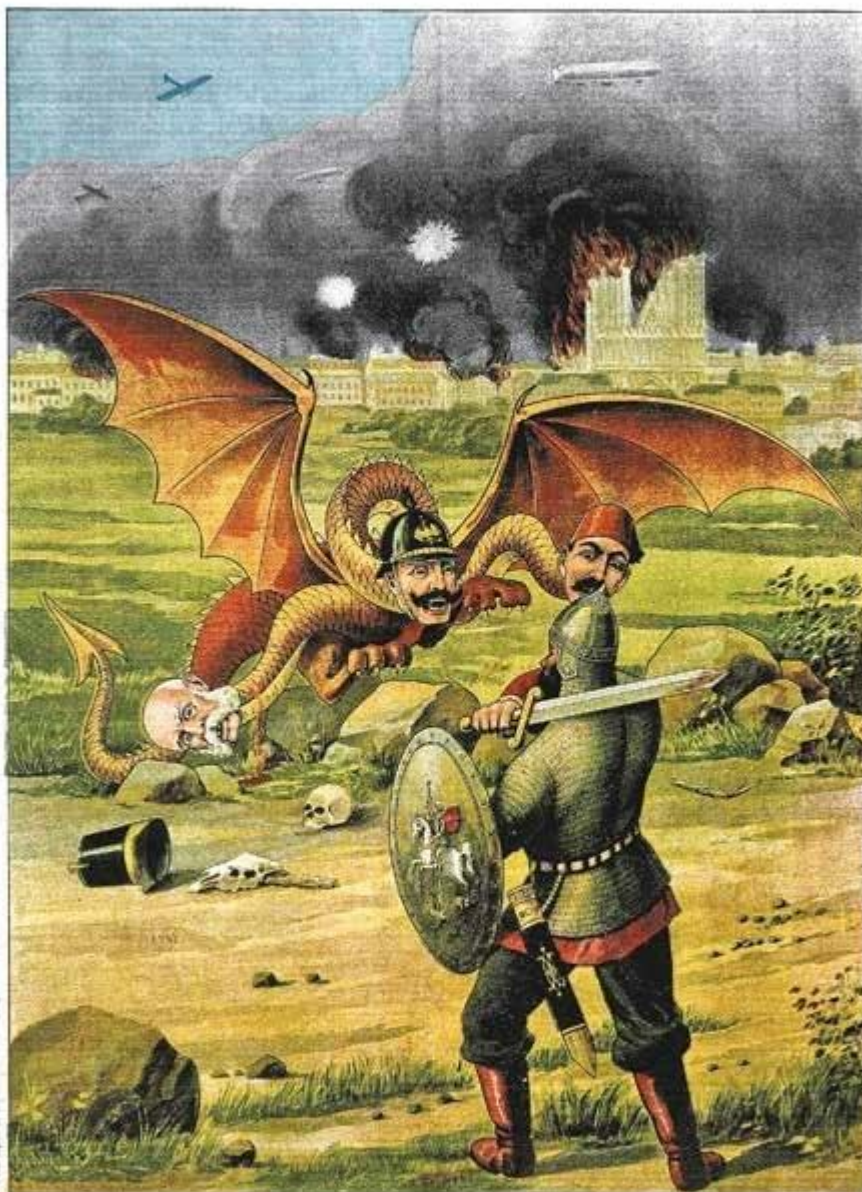
Презабвывая, жаль Русь историческую
 Славяно-славянскую, на территории стоящую.
 Жаль историческую.
 Мы стоим на земле, а не на воде, востанет,
 Стремимся вперед, со слабой вой вой,
 Нам отворять востанет Парк... И жаль Русь

отъ война,
 И не Тобой войдет въ войну, Парк-И-
 И жаль историческую войну востанет!
 И жаль историческую войну востанет!
 Поймали вы, враги, что вы Богом востанет,
 Что русь и историческую войну востанет!

IX. «Священная война»*.

М.: Лит. М. А. Стрельцова, б. г.

ДРАКОНЪ ЗАМОРСНІЙ И ВИТЯЗЬ РУССНІЙ.

Помогаетъ намъ дракъ,
Съелъ и лаврину и маслицъ,
Въспомнилъ да Русь и лавру,
Трехъязыкъ и безъ хитрости!

Въ вой, оловный, аки в каменъ,
Съелъ и лаврину и маслицъ,
Въспомнилъ да Русь и лавру,
На хитрости и не смываетъ...

Помогаетъ намъ дракъ,
Съелъ и лавру и маслицъ,
Вспомнилъ да Русь и лавру,
Трехъязыкъ и безъ хитрости!

Вспомнилъ тутъ эту кавказскую,
Русскій витязь-благородный,
Драконскій ДМ, лавру!
Съелъ же все-то и кавказскую...

Съелъ и лавру и маслицъ,
Съелъ и лавру и маслицъ,
Съелъ и лавру и маслицъ,
Съелъ и лавру и маслицъ!

На драконъ онъ и лавру,
Русскій витязь, лавру,
Да и лавру и маслицъ,
Съелъ и лавру и маслицъ!

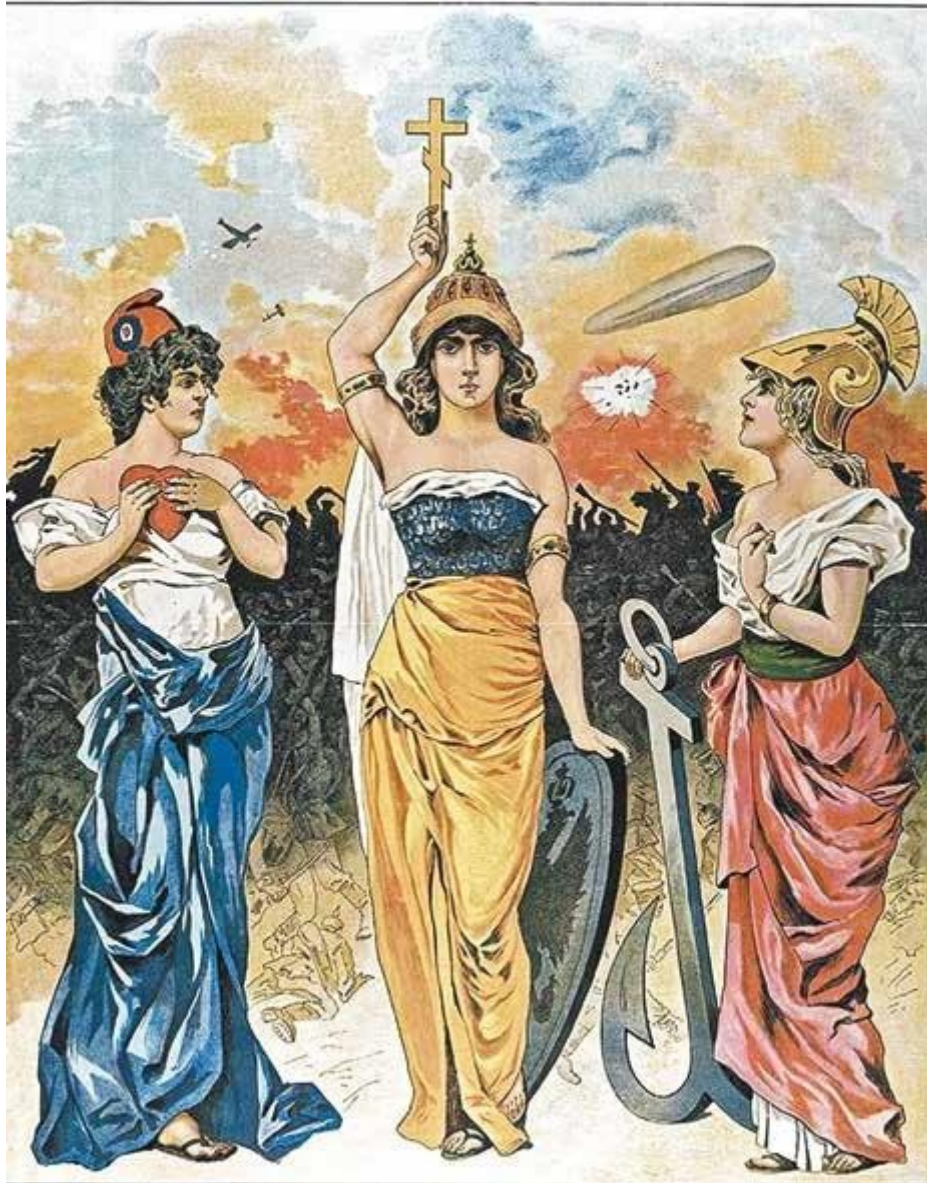
Вспомнилъ тутъ драконъ,
Русскій витязь, лавру,
Съелъ и лавру и маслицъ,
Съелъ и лавру и маслицъ!

И лавру и маслицъ,
И лавру и маслицъ,
Минимъ и лавру и маслицъ,
Русскій витязь, лавру!

Х. «Драконъ заморскій и витязь русскій»*.

М.: Т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1914.

СОГЛАСІЕ.

ФРАНЦІЯ
ЛЮБОВЬ въ ней чистая горитъ,
 Изъ земли родимой и жаркой,
 Объята ею, — отразитъ
 Она титанику невагога...

РОССІЯ
 Въ ней **ВѢРА** глубока, тревога,
 Не понапробамъ имѣетъ,
 Сантап Русь во имя Бога
 Спершалетъ свой побѣднй путь...

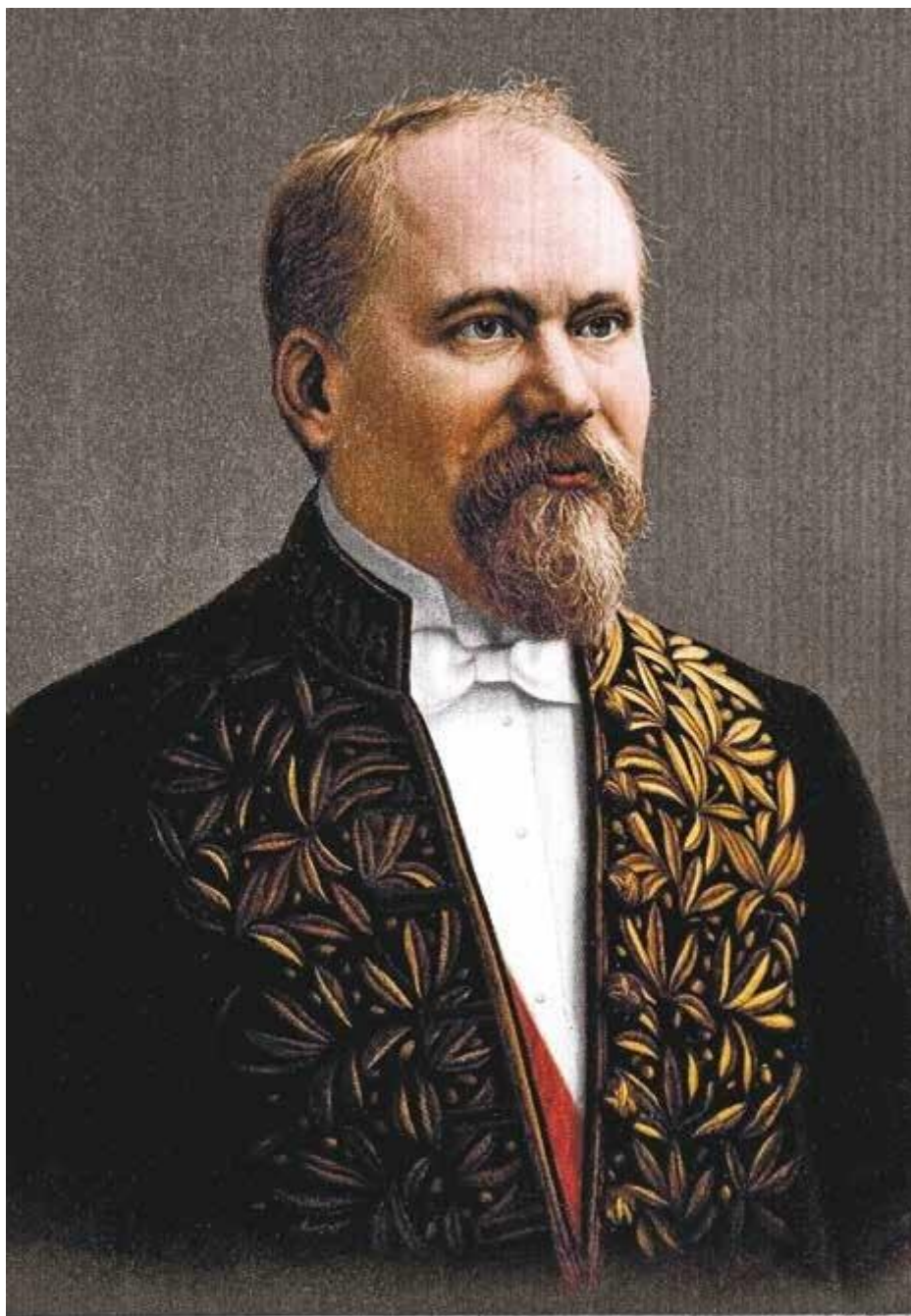
АНГЛІЯ
НАДЕЖДА въ ней всегда живетъ,
 На моряхъ величій Россіи
 Съ **ЛЮБОВЬЮ**, **ВѢРОЮ** имѣетъ
 Она на бой и нѣтъ зонетъ,
 Слоритъ надменныя стѣны...

Передъ грозой франкобильна сила,
 Въ дни тяжелой скорби, испытаній...

Сантай союзъ иль въ полѣ брани
 Сантай Богъ съ небесъ благословитъ...

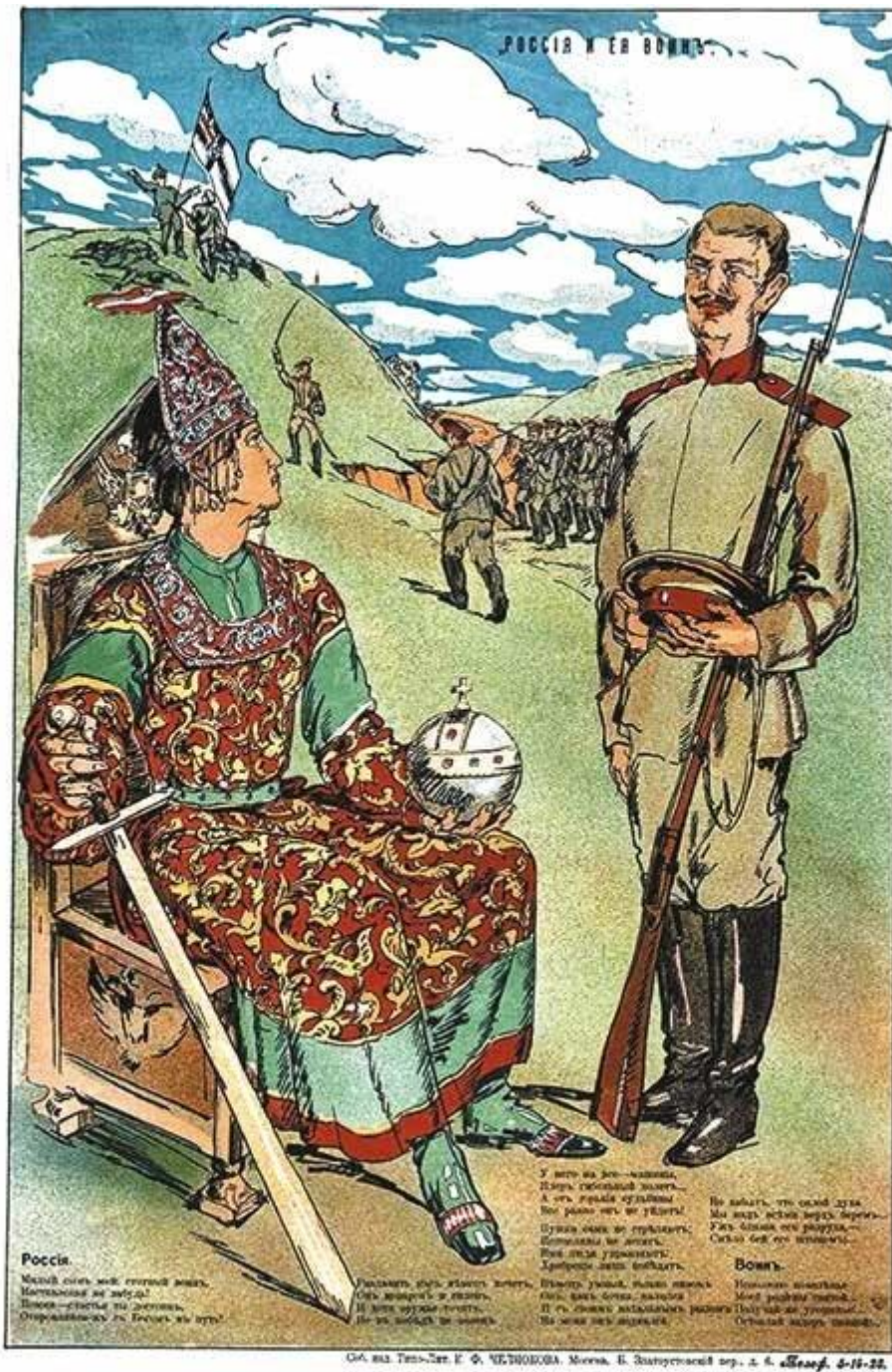
XI. «Согласіе»*.

М.: Лит. С. М. Мухарского, б. г.

ХШ. «Реймонь Пуанкаре, президентъ Французской республики».

М.: Лит. Т-ва И. Д. Сытина, 1914.

XIV. «Россія и ея воинъ»*.

М.: Типо-лит. К. Ф. Челнокова, б. г.

XVI. «Карта Европы въ лицахъ (въ началѣ войны)»*.

М.: «ДІХІ», б. г.

Русский военный лубок Первой мировой войны. Тексты

IV «Бредъ Вильгельма»

Вильгельмъ задумалъ воевать,
Вильгельмъ не ждалъ позора.
«Мнѣ, говорить, на всѣхъ плевать,
Всѣхъ покорю я скоро!

Всѣ города одинъ возьму,
Миръ превращу въ траншею!»
А, вмѣсто этого, ему
Теперь наклали въ шею!

Когда ночной сгустится мракъ,
Ему сонъ страшный снится:
Что на него донской казакъ
Со страшной пикой мчится.

На лбу его – холодный потъ,
Таращить въ страхѣ бѣльма,
«Казакъ сейчасъ мнѣ вскачетъ въ ротъ!»
Несется крикъ Вильгельма...

VI «Мыльные пузыри»

Отъ зари и до зари
Выдуваю пузыри!..
Они всюду полетятъ,
О побѣдахъ возвѣстятъ!...

Понатужься, Фрицхенъ милый,
Соберися съ новой силой!..
Духомъ ты не унывай,
Поддувай, да поддувай!..

Очень радъ тебѣ помочь,
Только мнѣ уже не въ мочь,
Отъ зари и до зари
Выдуть лишь пузыри.

VIII

«Посмотри-ка, мой дружище...»

«Посмотри-ка, мой дружище, —
Не кулакъ, а кулачище!»...
Но рубнулъ казакъ на славу
И мальчишкамъ далъ забаву.

IX

«Священная война»

Могучая Русь

Война... Охватила насъ радость глубокая,
Падемъ на колѣни предъ ликомъ творца
И будемъ молиться, чтобъ дѣло высокое
Господь намъ помогъ довести до конца!..
Защитница сирыхъ, Россія – могучая!
Грозою небесной иди на враговъ:
Любовь, будто лава вулкана кипучая,
Пылаетъ въ сердцахъ твоихъ вѣрныхъ сыновъ.
Не нужны намъ лавры и почести бранныя
Зоветь нашъ лишь правда, а съ нею любовь.
Пусть сгнубутъ тираны, враги окаянные!
О, намъ не страшны всѣ труды непрестанные,
Готовы за братьевъ отдать свою кровь.

* * *

Прислушайтесь, какъ Русь нагорными тропами
Спокойно, медленно, но твердыми стопами,
Идетъ впередъ...
Мы тверды на ногахъ, и ноги – нашъ народъ,
Стремящийся впередъ, со славой изъ воротъ,
Ихъ отворилъ нашъ Царь... И встала Русь отъ ложа,
И за Тобой пойдетъ къ побѣдамъ, Царь-Надежа!
И солнце свѣтлое намъ зрится впереди!
Поймите же, враги, что мы богаче Креза,

Что руки и стопы въ Россіи изъ желѣза!

Х

«Драконъ заморскій и витязь русскій»

Проявивши волю злую,
Честь поправши и законъ, —
Поднялся на Русь святую
Трехголовый звѣрь-драконъ!

Къ ней, коварный, злой и жадный,
Онъ подкрался, точно тать,
И, огонь изрыгнувъ смрадный,
На пути сталь все сжигать...

Цѣлый міръ срубить готовый,
Сталь у насъ, въ родномъ краю,
Звѣрь проклятый, трехголовый
Силу пробовать свою!

Вышелъ тутъ ему навстрѣчу
Русскій витязь-богатырь...
«Берегись! Эй, изувѣчу!»
Онъ на всю-то крикнулъ ширь.

Онъ обняться можетъ съ тучей,
Сажень цѣлая межъ плечъ,
Онъ въ рукъ своей могучей
Закаленный держитъ мечъ!

На дракона онъ рванулся, —
Русскій витязь, удалой,
Да мечемъ какъ размахнулся:
Сразу – голову долой!

Защищать поля родныя
Русскій витязь нашъ идетъ,
Головы двѣ остальные
У дракона отсѣчетъ!..

И тогда-то слѣва, справа,
И на всю Россіи ширь,

Мощнымъ хоромъ грянетъ: «Слава,
Русскій чудо-богатырь!».

XI «Согласіе»

ФРАНЦІЯ

ЛЮБОВЬ въ ней чистая горить
Къ землѣ родимой и народу, —
Объята ею, – отразить
Она тяжелую невзгоду...

РОССІЯ

Въ ней ВѢРА глубока; тревогой
Не поколеблема ничуть,
Святая Русь во имя Бога
Свершаетъ свой побѣдный путь.

АНГЛІЯ

НАДЕЖДА въ ней всегда живетъ
На мощь, величіе Россіи
Съ ЛЮБОВЬЮ, ВѢРОЮ идетъ
Она на бой и ихъ зоветъ
Сломить надменные стихіи...

Передъ грозой враждебныхъ силъ
Въ дни тяжелой скорби, испытаній —
Святой союзъ ихъ въ полѣ брани
Самъ Богъ съ небесъ благословилъ.

XII «Вожди Европы въ борьбѣ съ германскими народами 1914 Г.»

Первый ряд сверху: Ренэ Вивіани, министр-президентъ и министр иностранныхъ дѣлъ Франціи; С. Д. Сазоновъ, министр иностранныхъ дѣлъ; Эдуардъ Грей, министр иностранныхъ дѣлъ Англіи.

Второй ряд сверху: Реймонъ Пуанкаре, президентъ Французской республики; Его Императорское Величество НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій; Его величество Георгъ V, король Великобританіи.

Третий ряд сверху: Данило, наслѣдный королевичъ Черногоріи; Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ, верховный главнокомандующій; Королевичъ Александръ сербскій.

Четвертый ряд сверху: *Николай I, король черногорскій; Никола Пашичъ, премьеръ-министръ Сербіи; Альбертъ I, король бельгійскій.*

XIV «Россія и ея воинъ»

Россія

Милый сынъ мой, статный воинъ,
 Наставленья не забудь!
 Помни – счастья ты достоинъ,
 Отправляйся-жь съ Богомъ въ путь!
 Раздавить насъ нѣмецъ хочеть,
 Онъ коварень и силенъ.
 И хотя оружье точить,
 Но въ победе не воленъ.
 У него на все – машины,
 Ядеръ гибельный полеть...
 А отъ горькія судьбины
 Все равно онъ не уйдетъ!
 Пушки сами не стрѣляютъ;
 Цепелины не летятъ.
 Ими люди управляютъ:
 Храбрецы лишь побѣдятъ.
 Нѣмецъ умный, только пивомъ
 Онъ, какъ бочка, налился
 И съ своимъ нахальнымъ рыломъ,
 На меня онъ поднялся.
 Но забылъ, что силой духа
 Мы надъ всѣми верхъ беремъ.
 Ужь близка его разруха, —
 Смѣло бей его штыкомъ!

Воинъ

Исполню повелѣнье
 Моей родины святой...
 Получай-же угощенье!..
 Оставляй задоръ пивной!..

XV «Война Россіи съ нѣмцами. День объявленія войны»

Площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ въ Петроградѣ 20 Юля 1914 г. въ день обнаруженія Манифеста о войнѣ объявленной намъ нѣмцами, когда Государь выйдя на балконъ, восторженно привѣтствуемый народомъ обратился къ нему съ призывомъ постоять съ Нимъ за Россію, защитить своей грудью ея честь и достоинство и дать могучій отпоръ дерзкимъ врагамъ.

XVI

«Карта Европы въ лицахъ (въ началѣ войны)»

Нѣмка – старая вояка
 Тычетъ въ шею **австріяка**,
 Но косится австріякъ
 Боязливо на кулакъ.
 Хоть размѣромъ съ пятакъ
 Крѣпокъ **сербскій** кулачекъ.
Черногорцы, бросивъ женъ,
 Лѣзутъ тоже на рожонъ.
 Только хитренькій **болгаринъ**,
Австріяку благодарень
 За подачки, да за взятки,
 Выгодъ ждетъ отъ новой схватки.
 А **Румынія** съ улыбкой
 Извивается какъ рыбка,
 Дескать; – «я – нейтралитеть,
 Воевать охоты нѣтъ»,
 И съ **Албанца** взятки-гладки, —
 Не воюютъ вѣдь ребятки!
 Только **Турція** для слуха
 Подняла свиное ухо,
 Не скрывая вражій пыль.
 Ну, да кто-жь ее не билъ!
 Вотъ **Италія** съ букетомъ
 Хвастаетъ нейтралитетомъ,
 Рядомъ съ ней медвѣдь **швейцарскій**
 Кроткія зажмурилъ глазки,
 Говоритъ; – «Пускай – война,
 Мое дѣло сторона»!
 Тоже думаетъ **голландка**,
 И **датчанинъ**, и **испанка**,
 И Норвегія, и шведъ,
 Всѣ твердятъ – «нейтралитеть»!
 Только **Англія** не ждетъ,
 Гонитъ въ море пароходъ.
 Гнѣвно **Франція** взираетъ
 На свободу выпускаетъ
 Молодыхъ своихъ орлятъ,
 Пусть-ка нѣмца угостятъ!
 Храброй **Белгіи** вѣнокъ
 Положили мы у ногъ.
 А на всю эту картину
 Смотритъ славный нашъ дѣтина,

Храбрый **русский молодец**,
Зубоскаль и удалецъ.
Добродушень онъ покуда,
Разозлится – будетъ худо.
Нѣмка! Парня не дразни,
Поскорѣе – улизни,
А не то его клыки
Разорвуть тебя въ клоки!

Об авторе

Юдин Николай Вадимович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научные интересы: история международных отношений, теория международных отношений, проблематика силы в международных отношениях, исследования безопасности.

В 2010 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по кафедре новой и новейшей истории. В 2013 г. защитил кандидатскую диссертацию на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. С 2013 г. работает на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор работ по истории Первой мировой войны, патриотическому подъему и национализму в европейских странах в указанный период, теории международных отношений, в частности, концепциям «мягкой силы» и связки «безопасность-развитие».